

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 8-3
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 АВГУСТА 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 8-3

Периодический научный сборник

*по материалам
XVII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 августа 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 8-3

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XVII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 августа 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Амонов У.С.</i> НАУЧНЫЙ ПОДХОД А. ФИТРАТА К ПОСЛОВИЦАМ	5
<i>Бурунский В.М., Рыболова А.А.</i> ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ «ИТ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	9
<i>Гик А.В.</i> ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ В РОССИИ	12
<i>Грапп А.П.</i> «ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ» И.И. КОЗЛОВА КАК ЧАСТЬ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА	18
<i>Денисенко Л.Н.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	22
<i>Куприева И.А., Смирнова С.Б., Бойко А.И.</i> БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ.....	26
<i>Мурзинова И.А.</i> КОНЦЕПТ «СНОБИЗМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА»	28
<i>Назарьева Е.В.</i> ТЕКСТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КИНОФИЛЬМА.....	30
<i>Ненарокова М.Р.</i> АНГЛОСАКСОНСКИЙ МОНАХ – САДОВНИК И ВРАЧ (ОСНОВЫ МЕДИЦИНЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЕ).....	34
<i>Ненарокова М.Р.</i> СБОРНИК ЗАДАЧ АЛКУИНА «ЗАДАЧИ ДЛЯ ИЗОСТРЕНИЯ ЮНОШЕСКИХ УМОВ» И АНТИЧНОЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	48
<i>Прыткова О.А.</i> ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕНИЙ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ.....	57
<i>Прыткова О.А.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ	59
<i>Саяхова Д.К.</i> КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	62
<i>Свинцова И.Ю.</i> ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ МОДЕЛИ V3s	65
<i>Сиразиева З.Н.</i> СПЕЦИФИКА ИНСПИРАТИВНОЙ И ДЕКЛАРАТИВНОЙ ФУНКЦИЙ В ТЕКСТАХ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «КЛЯТВА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	68
<i>Уметбаева А.И.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК.....	71
<i>Фаткуллина Ф.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА	73
<i>Шамсутдинова Л.Р.</i> КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	77
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	81
<i>Антонова Л.В.</i> КОЛОНИАЛЬНАЯ И ИНДИЙСКАЯ ВЫСТАВКА 1886 г. В ЛОНДОНЕ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОПЫТА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	81
<i>Багдасарян А.О.</i> РАЗРАБОТКА КОЛЛЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ОТ УДУШЛИВЫХ ГАЗОВ В РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ	84

<i>Гаглоева Б.Б.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСЕТИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	87
<i>Денисов М.Е.</i> К БИОГРАФИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПАВЛА ФЕЛИЦИНА (1894-1941 гг.)	90
<i>Жалолова Д.М.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	92
<i>Жалолова Д.М.</i> ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕЁ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	95
<i>Зеленский Ю.В.</i> «ТРИУМВИРАТ» И «ДУУМВИРАТЫ» В ДРЕВНЕЙ РУСИ.....	98
<i>Зотова А.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	100
<i>Орешин С.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КАРАЧАЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА. 1917 – 1922 ГГ.	102
<i>Федоров В.И.</i> ОКТЯБРЬ 1917 г.: РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ЯКУТИИ.....	110
<i>Федоров В.И.</i> ЯКУТИЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА (XX): НАЦИОНАЛЬНО-ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	114
<i>Фоменко В.А.</i> МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ СОСУД VIII – НАЧАЛА VI В. ДО Н.Э. ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ.....	121
СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»	127
<i>Казанцев В.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТИКИ	127
<i>Штейман М.С.</i> ГАЗЕТНАЯ ПЕРИОДИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	129
<i>Яковлев З.С.</i> ПРОГРАММЫ «МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ» И «КРИМИНАЛЬНЫЙ СПЕКТР» В СМИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	132

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

НАУЧНЫЙ ПОДХОД А. ФИТРАТА К ПОСЛОВИЦАМ

Амонов У.С.

старший научный сотрудник-исследователь,
Бухарский государственный университет, Узбекистан, г. Бухара

В статье рассматривается неординарный подход А.Фитрата к пословицам, сведения которого помогут более подробно узнать исторический путь становления и развития пословиц.

Ключевые слова: фольклор, фольклористика, источниковедение, текстоведение, развитие узбекского языка, “Эл сўзи” (народное слово – пословица), правописание, однородные члены предложения, сказуемое.

Самоотверженный сторонник независимости, великий мыслитель А.Фитрат внес огромный вклад в становлении узбекского фольклора. Он рассматривал произведения устного народного творчества как одну единую структурно-организованную систему и определил теоретическую особенность его жанров. В частности, в своей книге “Адабиёт қоидалари” (адабиёт муаллимлари ва адабиёт хаваслилари учун қўлланма) – (Закон литературы – пособие для учителей литературы и её любителей), написанный в 1926 году, описал своеобразные особенности “Эл адабиёти” – (Тогда вместо фольклор использовали термин Народная литература, который ввёл Фитрат в значении устного народного творчества, т.е. фольклор). Также в ней рассказывается о сущности, природе жанров фольклора (сказки, пословицы, загадки, частушки, поэмы, песни) где приведены примеры каждому из них. Приведенные в этом труде определения жанрам фольклора по объему и содержанию может стать темой отдельного исследования. В подтверждение сказанного необходимо отметить, что научные взгляды и теоретические доводы Фитрата позднее послужили основой для определения природы и художественную особенность жанров фольклористики.

Если говорить об отношении Фитрата к пословицам, то выясняется, что он был крупным знатоком данного направления фольклора. Определяя жанр пословицы, он пишет, “Элнинг кун кўрган, иш ўтқарган синалишли қарилари томонидан айтилган ҳикматли, қисқа, маъноли гаплардирким, эл орасида «яшаш қонунлари» каби ҳукм суруб, тилдан тилга юруйдир”, т.е. пословицы – это слова пожилых людей, повидавших многое, проверенные временем, мудрые изречения, которые по объему краткие, но содержательные. Они живут среди людей как закон жизни и передаются устно от поколения к поколению. Заслуживает внимания то, что определение Фитрата, данное пословицам, по сущности почти не отличается от современной его трактовки. Сравните, пословица – это краткое народное изречение с назидательным смыслом, которая появилась на основе многовековых наблюдений и испытаний народа [3, с. 85-98]. Сравнение двух определений показывает, что в них много общего,

особенно краткость, содержательность и, самое главное, это – народное слово, испытанное временем. Также, оно передавалось из поколения в поколение устным путём. В определении Фитрата имеется и такое утверждение, с которым трудно согласиться. Это: “Пословицы – мудрые слова или высказывания (пожилых) сторожил”. Сейчас нам трудно судить в каком значении он использовал слово “*сторожил*”. Во всяком случае, мудрость – это удел не только пожилых.

А.Фитрат, определяя природу жанра пословиц, подтверждает свои теоретические выводы неоспоримыми примерами. Эти пословицы широко используются и в настоящее время, хотя примеры Фитрата соответствовали законам грамматики староузбекского языка:

Синамаган отнинг сиртидан ўтма.

(Букв. Не проходи возле лошади, которую не испытал, т.е. не доверяйся человеку, которого не знаешь, не берись за дело, которого не знаешь).

Отанг боласи бўлма, одам боласи бўл.

(Букв. Не будь сыном отца, а будь сыном человека).

Чумчуқни (ҳам) қассоб сўйсин. (Букв. Даже воробья, и то должен резать мясник. Соотв. Дело мастера боится)

Чумчуқдан қўрққан тариқ экмас

(Букв. Не сей просо, если боишься воробьев. Соотв. Волков бояться, в лес не ходить).

Оч қорним – тинч қулогим.

(Букв. Хоть голодный, да спокойный).

Ўз уйим – ўлан тўшагим.

(Букв. Свой дом, да травяной матрац. Соотв. Своя хатка – родная матка).

Бўзчи белбоққа ёлчимас.

(Букв. Ткач без кушака, Соотв. Сапожник без сапог).

Мулла билганин ўқур, товуқ кўрганин чўқур.

(Букв. Мулла читает то, что знает, а курица клюёт, что видит. Здесь мулла – мусульманский священник).

Ётиб қолгунча отиб қол.

(Букв. Лучше отстрелятся, чем лежать без действия т.е. лучше высказаться чем молчать).

Оғзи қийшиқ бўлса-да, бой боласи сўйласун.

(Букв. Пускай говорит ребёнок бая, если даже его рот кривой. Здесь: бай – богатый).

Грамматический анализ вышеприведенных пословиц Фитрата показывает, что использованное в них причастие прошедшего времени синалмаган (неиспытанный) имеет форму “синалмаган”, а глагол “ўқир” (читает) имеет форму “ўқур”, также, глагол – “сўзласин” (пусть говорит) – “сўйласун”, что соответствует нормам грамматики староузбекского языка. Следовательно, Нет худо, без добра, т.е. изучая труды Фитрата, в том числе его пословицы, мы узнаём историю прогресса, процесса развития. Кроме того, мы можем определить валентность использования в речи существующих вариантов пословиц:

“Чумчуқни (ҳам) қассоб сўйсин”, – “Чумчуқ сўйса ҳам, қассоб сўйсин”. “Оғзи қийшиқ бўлса-да, бой боласи сўйласун” – “Оғзи қийшиқ бўлса ҳам бой боласи сўзласин”. Нетрудно заметить превосходство терминов, которые имеют форму современного узбекского языка.

Фитрат вместо термина “пословица”, часто использовал “Эл сўзи” (народное слова). Он, характеризуя свои теоретические взгляды относительно литературоведению в книге “Эл адабиёти” приводит пословицу в виде туртлик (четверословие), написанное классическим размером “бармок вазни”:

Ўлган келмас,
Ўчқон ёнмас. (Эл сўзи) [1, с. 26].
(Букв. Мёртвый не воскреснет
Погасший не воспламенится).

Во времена Фитрата пословицы, поговорки или мудрые изречения назывались “Эл сўзи”, видимо, и поэтому он также использовал термин “народное слово”. Кроме того, устная народная литература называлась народной литературой или массовой литературой.

Фитрат некоторым пословицам даёт и лексическое пояснение, в частности, он пишет, что «пословица» “Синалмаган отнинг сиртидан ўтма” –это иносказание, т.е. кроме прямого значения имеет и переносное – не работай с людьми, которых не знаешь, что является основным его значением. Выражение “Бўзчи белбоққа ёлчимас” Фитрат называет “Эл гапи” (матал), т.е. народное выражение (поговорка), но различие поговорки от пословицы он не комментирует.

Метод объяснения Фитрата учащимся понятий языкознания чем-то напоминает способы исследования Махмуда Кошгари в период создания знаменитой книги «Диван лугат-ат-турк» (сборник тюркских слов или словарь тюркских слов) Фитрат в своей книге “Наҳв” (синтаксис), объясняя учащимся знаки препинания, использует примеры из разных жанров фольклора, которые, по его мнению, являются бесспорными доказательствами теоретических данных. В частности, для объяснения правописания точки с запятой он использует следующие пословицы: «Ота кўнгли болада; бола кўнгли далада» (букв. Отец думает о ребёнке – а ребёнок об улице), «Мулла билганин ўқур; товук кўрганин чўқур», (букв. Мулла читает то, что знает, а курица клюёт, что видит), «Яхши отга бир қамчи; ёмон отга минг қамчи» (букв. Хорошей лошади довольно одного удара, а плохой и тысячи мало). Он считал, что «Бир-бирларига байланишли бўлганлари учун нуқта билан ажралишлари истанилмаган гаплар орасига қўйиладир». (Точка с запятой ставится между предложениями, значения которых взаимосвязаны или они дополняют друг друга) [2, с. 211].

Фитрат обращается к названным пословицам и при объяснении однородных предложений. Он считает однородными предложения, значения которых связаны между собой, т.е. они взаимозависимы.

Пословицы для Фитрата были проверенными средствами объяснения различных единиц языка. Так, анализируя пословицы “Кўр тутганин қўймас; кар эшитганин қўймас” (Букв. Слепой не выпустит того, что он ухватил, а

глухой ухватится за то, что услышал), “Қари билганин пари билмас” (букв. То, что знает старик не знает и пёри), “Кўр ҳассасин бир йўқотар” (Букв. Слепой теряет свой посох один раз), “Бировнинг яхшилиғин унутма” (Не забудь доброту), он объясняет однородные определения в предложениях. А для выделения темы предложения, он также пользуется пословицами: “Қимирлаған қир ошар” (букв. Кто двигается тот перейдет через перевалы соотв. дорогу осилит идущий), “Бўзчи белбоққа ёлчимас” (Букв. Ткач без кушака, Соотв. Сапожник без сапог), “Мулла билганин ўқур” (мулла читает то, что знает), “Ики қўчқор қалласи бир қозонда қайнамас” (букв. Головы двух баранов не вмещаются в одном казане), “Ўлган келмас” (мёртвый не воскреснет), “Ўчган ёнмас” (погасший не воспламенится).

Для выделения особых случаев сказуемого как главного члена предложения он приводит примеры в виде пословиц: “Болали уй бозор; Боласиз уй мозор” (букв. С детьми дом как базар, дом без детей – кладбище); “Олдамаған орданмайдир” (букв. Не обманывай – не будешь обманутым), “Айрилганни айиқ ер” каби (Букв. Уединённый будет добычей медведя) [5, с. 178]. Для объяснения дополнение винительного падежа (“тушим тўлдирғичи”): “Дунёни ел бузар, одамни сўз бузар” (букв. Ветер разрушит мир, а людей – слово), “Айрилганни айиқ ер” (Уединённый будет добычей медведя), “Чумчуқни қассоб сўйсин” (Букв. Даже воробья, и то должен резать мясник). Примеры для определения переходности действия (“бориш тўлдирғичи”): “Ўйчи ўйлағанча таваққалчи ишини битирар” (букв. Пока расчётливый обдумает свои расчёты, рискующий достигнет желаемого); примеры для дополнения творительного падежа (“чиқиш тўлдирғичи”): “Ўзи билмайдир, кишидан сўрамайдир” (букв. Сам не знает и у других не спрашивает), “Бир от орқасидан минг от сув ичадир” (букв. Одна лошадь напоит тысячу других), “Яхши сўз билан илон инидан чиқадир; ёмон сўз билан қилич қинидан чиқадир” (букв. Добрым словом можно и змею вывести из норы, а плохое слово заставит меч обножиться), “Ёмондан ҳар ким безадир” (букв. Плохой человек надоест любому); примеры для дополнения местного падежа (“ўрун тўлдирғичи”): “Олдинда оққан сувнинг қадри йўқ” (букв. У воды текущей перед тобой, нет цены. Соотв. что имеем не храним, потерявши – плачем); примеры для выражения места и времени (“чоғ тўлдирғичи”): “Ўроқда” йўқ, “мошоқда” йўқ, “хирмонда” ҳозир” (Букв. на жатве нет, на подборе колосьев нет, а на току он тут как тут); “Ики қўчқор боши бир қозонда қайнамас”, “Оғзи қийшиқ бўлса-да, бой боласи сўйласин”.

Основываясь на выше приведенные примеры, можно сделать вывод о том, что изучение пословиц, созданные веками, не только помогут нам узнать процесс развития узбекского литературного языка, но и исследовать историю их становления. В том числе, определить те сложные, многогранные этапы структурно-лексического роста пословиц с учётом их вариантности, которые оставлены нам для умножения, совершенствования и передачи подрастающему поколению как бесценный дар предков.

Список литературы

1. Фитрат А. Шеър ва шоирлик. Адабий мубоҳаса. ТА. IY жилд. Дарслик ва ўқув қўлланмалари, илмий мақола ва тадқиқотлар (Учебник и учебные пособия, научные статьи и исследования). – Т.: Маънавият, 2006. – С. 26.
2. Фитрат А. Наҳв. ТА. IY жилд. Дарслик ва ўқув қўлланмалари, илмий мақола ва тадқиқотлар(Учебник и учебные пособия, научные статьи и исследования). – Т.: Маънавият, 2006. – С. 211.
3. Ўзбек фольклори очерклари. Уч томлик. Биринчи том. – Т.: Фан, 1988. – С. 85-98.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ «ИТ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Бурунский В.М.

доцент кафедры французской филологии,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск

Рыболова А.А.

студентка 5 курса факультета иностранных языков,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск

В статье рассматриваются особенности терминосистемы «Информационные технологии» в современном французском языке. Авторами выделяются основные модели образования в данной терминосистеме.

Ключевые слова: терминосистема, заимствование, суффиксация, калькирование, англицизмы.

Как известно, объектом упорядочения в терминоведении является терминология, то есть естественно сложившаяся совокупность терминов определённой области знания или её фрагмента. Терминология подвергается систематизации, затем анализу, при котором выявляются её недостатки и методы их устранения, и, наконец, нормализации. Результат этой работы представляется в виде терминосистемы, которая представляет собой «упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями» [1, с. 474]. Данное определение терминологической системы широко распространено и является общепринятым. Из вышесказанного становится ясно, что термины функционируют в терминосистемах. Существуют и другие определения терминосистемы.

Согласно В.М. Лейчику, одному из ведущих специалистов области терминоведения, терминосистема представляет собой «знаковую модель определенной теории специальной области знаний или деятельности» [3, с. 129].

Элементами терминосистемы служат лексические единицы (слова и словосочетания) определенного языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура в целом адекватна структуре системы понятий данной теории [3, с. 129; 2, с. 77].

На сегодняшний день, формирование терминосистемы, (по В.М. Лейчику) требует осуществление следующих условий:

- 1) наличие специальной области, имеющей достаточно четко очерченные границы;
- 2) наличие системы общих понятий, относящихся к этой области;
- 3) наличие достаточно строгой теории (концепции), описывающей эту область, так что система понятий целиком входит в эту теорию (концепцию);
- 4) наличие определенного естественного языка и сложившегося в его рамках языка для специальных целей, лексические единицы которого могут быть использованы для обозначения понятий (объектов и их признаков) данной системы понятий [3, с. 62-63].

Во французском языке встречается достаточно много заимствованных слов из английского языка, так называемых англицизмов. Употребление англицизмов объясняется несколькими причинами. Во-первых, имеет место быть экстралингвистический аспект – доминирование англо-американской культуры в производстве новых предметов и разработок, открытии новых явлений. Во-вторых, немаловажную роль в использовании английских заимствований играет языковой аспект, а именно, более простые грамматические особенности и орфография заимствований.

Формирование терминосистемы «ИТ» происходит, в основном, путем синтаксического калькирования соответствующих английских многокомпонентных терминов, освоения интернационального лексического фонда (через английский язык как язык-посредник), а также путем лексического заимствования, семантического калькирования из английского языка. Рассмотрим, примеры употребления англицизмов во французском языке: *moniteur*, *ordinateur* (не распространен), *processeur*, *modernisation*, *automatisation*, *technologie*, *messagerie*, *virtuel* (adj.).

Данные термины заимствованы путем семантического калькирования, причем в этих случаях имеет место быть суффиксальный способ образования, т.к. в словах-существительных наблюдается использование таких продуктивных суффиксов, как **-teur**, **-eur**, **-tion**, **-ie**. Кроме того, одно из перечисленных слов содержит в продуктивный суффикс прилагательных – **el**.

Необходимо привести примеры заимствований, которые характеризуют интернациональный лексический фонд: *Internet*, *site (website)*, *hacker*, *register*, *smartphone*, *pop-up*, *chat* (данное английское заимствование было запрещено к употреблению в официальных текстах, однако, учитывая краткость этого термина по сравнению с французским (*dialogue en ligne*), он продолжает широко применяться пользователями в обиходной речи).

Также во французском языке распространен способ синтаксического калькирования англицизмов: *lecteur de disques*, *disque dur*, *équipement informatique*, *intelligence artificielle*, *base de données*, *nouvelles technologies*, *accès à Internet*, *accès sans fil (Wi-Fi)*, *réseaux sociaux* (Facebook, Instagram, Twitter, Snapchat), *dialogue en ligne*, *tablette graphique*.

Несмотря на широкое распространение англицизмов во французском языке, французские языковеды весьма негативно относятся к проникновению английских заимствований, поэтому предпринимаются попытки введения французских аналогов.

Ранее рассматривался суффиксальный способ образования, но весьма поверхностно, в рамках употребления англицизмов. Рассмотрим подробнее лексику, относящуюся к данному способу словообразования.

а) Существительные, образованные посредством продуктивных суффиксов **-teur, -eur, -tion**: *ordinateur* (синоним – *microordinateur* – ПК. Данное слово образовано путем основосложения), *utilisateurs* (*internautes*), *développeurs*, *application*, *informatisation*, *programmation*.

б) Группы слов, содержащие слова с продуктивными суффиксами: *lecteur de disques*, *technologies de l'information*, *système d'exploitation*.

Следует также отметить слова, которые образованы суффиксальным способом, однако, данные лексические и синтаксические единицы немногочисленны, для того, чтобы классифицировать их по группам. Например, слова *dépouillement*, *équipement* (*informatique*) образованы с помощью адverbального суффикса **-ment**. Во французской прессе встречается существительное *piratage* с распространенным суффиксом **-age**, а также прилагательное *informatique*, содержащее продуктивный суффикс **-tique**. Необходимо отметить, что суффикс **-ment** также как и суффикс **-age** образует новые лексические единицы и служит для образования абстрактных существительных, обозначающих действие или его результат.

Еще одним способом словообразования является аббревиация. Стоит отметить, что пока подавляющее большинство сокращений, зафиксированных словарем, не многочисленны и имеют пометку *sigle de l'angl.* – сокращение от английского, а французский вариант для них еще не разработан.

Итак, в результате анализа лексики, относящейся к сфере «ИТ» было выявлено, что такие типы словообразования как заимствование и суффиксация преобладают в терминосистеме «ИТ» во французском языке. К тому же, суффиксация является одним из продуктивных способов словообразовательной системы современного французского языка.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1966. 279 с.
2. Головин Б.Н., Березин Ф.М. Терминология: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1987. 125 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: КомКнига, 2006. 264 с.
4. Dictionnaire de l'informatique. – Paris: Larousse, 2015. 435 p.

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ В РОССИИ

Гук А.В.

старший научный сотрудник, канд. филол. наук,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия, г. Москва

В статье предлагается анализ работ современных российских визуальных поэтов. Прослежена история создания поэтических произведений, использующих визуализацию образов и соединяющих в произведении вербальные, а также визуальные компоненты. Представлены основные группы визуальных поэтов в современной России: московская, петербургская, эмигранты. Выделяются типы визуальной поэзии: пост-фигурная поэзия, пост-конкретная поэзия и пост-«*proesia visiva*».

Ключевые слова: визуальная поэзия, лингвистическая поэтика, русский футуризм, конкретная поэзия, фигурная поэзия.

Под визуальной поэзией подразумевается конгломерат явлений, связанных как с вербальными, так и с невербальными видами творчества. Для визуальной поэзии важным становится не только сам текст, но и способ его представления на странице [5]. Главный формальный признак поэтического произведения – запись произведения в строчки, расположенные одна под другой – разрушается визуальными авторскими экспериментами. Желание художника найти и развить в себе «шестое» чувство подталкивает к синкретичности творческих выражений. При этом не только поэты выступают в роли художников, но и наоборот. Выделение двух групп стихов – стихов для глаз и стихов для слуха – объясняет сосуществование двух разных видов креативности. Смысловая форма текста, передающаяся языковыми средствами сосуществует с образом и способом расположения самих слов/букв на странице.

Идея зрительности текста эксплуатируется с давних времен. Впервые попробовали соединить поэзию и изобразительное искусство еще в древности александрийские поэты Симий, Досид и Феокрит. Фигурные стихи писали и в средние века, и в эпоху барокко. Расцвет визуальной поэзии приходится на рубеж XIX-XX веков во Франции (Стефан Малларме, Гийом Аполлинер) [4].

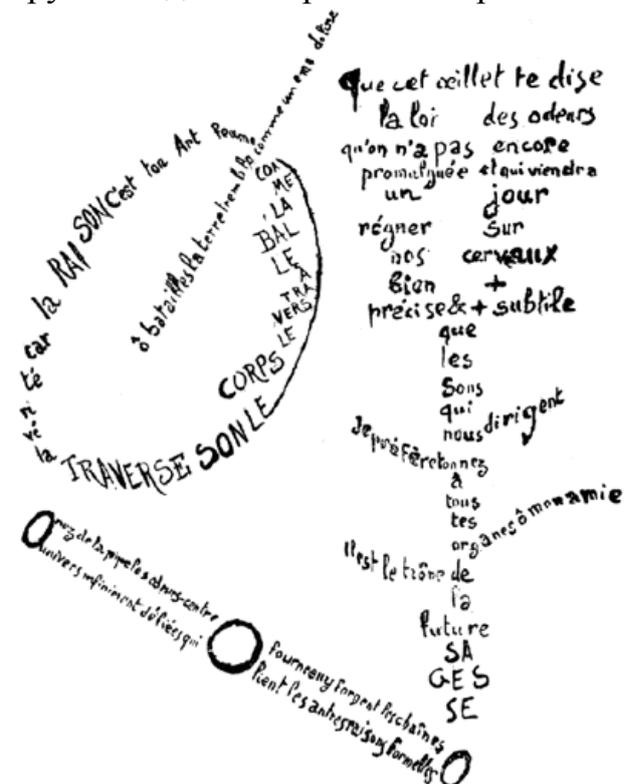

Рис. 1. Гийом Аполлинер, Каллиграммы,
1913-1916

Одними из предтеч современной визуальной поэзии являются русские футуристы: прежде всего, Давид Бурлюк, Велимир Хлебников, Алексей Крученых и его соратники – Ольга Розанова, Илья Зданевич и Игорь Терентьев [8]. Визуализация поэтического творчества, стремление к передаче синкретизма восприятия подталкивают футуристов Хлебникова, Крученыха, Ларионова на создание нового вида книги, в которой переозначиваются вербальные и визуальные составляющие.

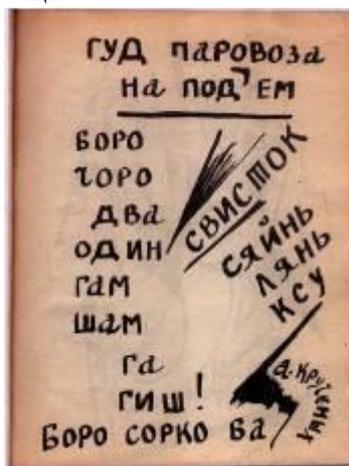

Рис. 2. Страница из книги А.Крученыха и К.Зданевича «Учитесь художни», 1917

Несмотря на внешние социально-политические факторы развития современного искусства в СССР, практика визуальной поэзии не прерывалась, более того, можно говорить о стабильном развитии визуальной традиции. Современные российские поэты также работают на перекрестке вербальных и невербальных способов представления смысла в поэтическом произведении.

Визуальной (конкретной) поэзией занимались поэты Лианозовской группы: Сапгир, Холин. В силу относительно непрерывной линии развития и наличия национальных предтеч ситуация в современной российской визуальной поэзии развивается достаточно ровно.

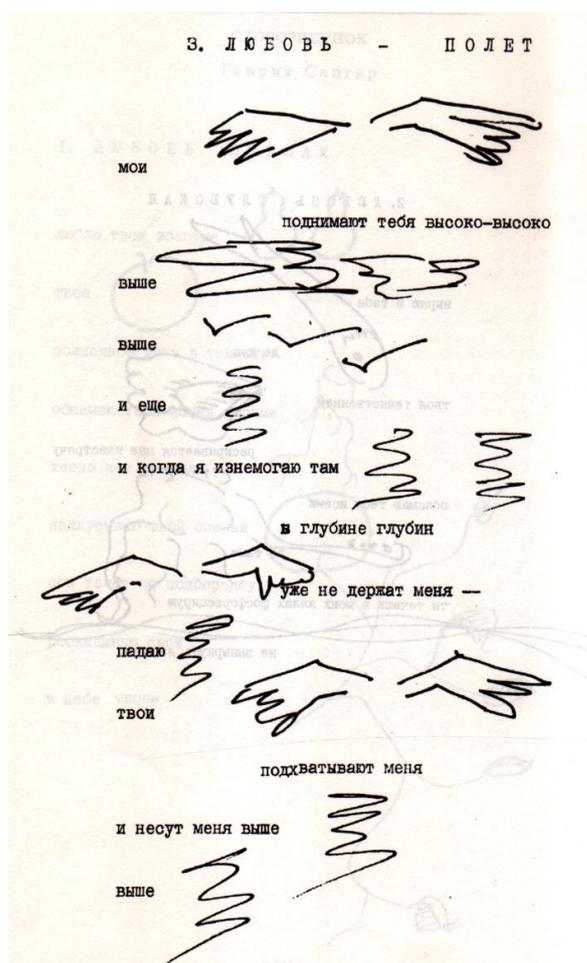

Рис. 3. Генрих Сапгир «Любовь-полет»

Современные российские «визуалы» объединяются, в основном, в неформальные группировки. Это происходит во время подготовки выставки или номера журнала. Можно выделить московскую группу (Николай Байтов, Юрий Гик, Света Литвак, Бруно Нивер, Михаил Погарский, Евгений Степанов, Андрей Суздальев, Евгений Харитонов), питерскую группу (Борис Констриктор, Александр Горнон), группу эмигрантов (Сергей Бирюков, Рафаэль Левчин, Александр Очеретянский). Надо понимать, что границы этих групп проницаемы, а люди, которые занимаются визуальной практикой, параллельно интересуются и работают в смежных областях творчества – книга художника, мэйл-арт, литературный перформанс.

В настоящее время настороженное и даже обструкционистское отношение ко всем формальным исканиям в СССР отступает под напором культурных реалий и в результате полученных свобод в современной России. Визуальной поэзии в той или иной степени посвящаются журналы, проводятся специальные конференции. Например, на базе Центра изучения художественного текста ИРЯ РАН, Москва, (руководитель – Н.А.Фатеева), начиная с 2003 г., каждые два года проводятся научные конференции, в программе которых обязательно есть выступления современных поэтов, в том числе работающих в технике визуалов [9].

Издается ряд журналов, посвященных визуальной поэзии. Прежде всего, это журнал «Черновик» (бессменный редактор – Александр Очеретянский, США), через который, так или иначе, прошли все российские визуальные поэты, и в этом смысле его организационную и образовательную роль трудно переоценить.

В 2006-2008 годах выходил журнал «Другие». Основным объектом журнала (главный редактор – Евгений Степанов, Россия) стала визуальная поэзия, причем, международного масштаба.

В середине 1990-х один выпуск журнала «Визуальная поэзия» осуществил Александр Бубнов в Курске.

Большое внимание жанру уделяют в своих самиздатовских журналах москвичи Света Литвак и Николай Байтов.

По визуальной поэзии в России проведен ряд выставок: «Театр слова» в Калининграде (1995, куратор Дмитрий Булатов), «Радикалы и маргиналы» в Москве (2005, куратор – Юрий Гик), выставка во время фестиваля «Другие» в Москве (2006, основной куратор – Евгений Степанов). Большой мега-проект «Платформа» был проведен в 2003-2004 в разных городах мира: от Пензы, Москвы и Калининграда до Варшавы и Чикаго – целью проекта была презентация публике именно российских визуальных поэтов, «вернуть» их российским читателям-зрителям. Различным аспектам визуальной, в том числе видеопоезии был посвящен петербургский фестиваль «Вентилятор» (2009).

В 1994 году Сергей Бирюков выпустил учебное пособие и хрестоматию «Зевгма», посвященную непосредственно визуальной и саунд-поэзии. В 1998 году Дмитрий Булатов выпускает антологию международной визуальной поэзии, попавшую в букеровский шорт-лист. 16 номер журнала «НЛО» (1995)

посвящает более половины своего объема теории и практике визуальной поэзии. Отдельные главы посвящает в своей книге М.Л. Гаспаров визуальной и конкретной поэзии [4, с. 27-32].

Современную практику российских визуальных поэтов можно разделить на три большие категории с условными названиями: пост-фигурная поэзия, пост-конкретная поэзия и пост-«*proesia visiva*». Назовем основных представителей российской сцены (включая пост-советское пространство и эмигрантов) и наиболее характерные поэмы, разбив их еще для удобства и по используемым техникам работ.

Пост-фигурная поэзия соблюдает принцип миметичности. Поэмы воспроизводят формы предметов окружающего мира. Они фигуративны, т.е. их художественная композиция не является абстракцией. Они более сложны композиционно, чем традиционные фигурные поэмы. Ближайшим родственником пост-фигурных поэм являются каллиграммы Аполлинера.

Хороший образец пост-фигурной поэзии мы видим у Анны Альчук.

Рис. 4. Анна Альчук «Рука»

Другой образец пост-фигурной поэзии мы видим у смоленского художника Дмитрия Зимина – она сделана с помощью компьютера.

Рис. 5. Дмитрий Зимин «Грани»

Отдельный раздел составляют поэмы, которые можно назвать «пост-конкретными». Конкретные поэмы, по определению американского исследователя и художника Дика Хиггинса, характеризуются абстрактным расположением на плоскости листа и структурной оригинальностью (или хотя бы претензией на нее). Приставка «пост-», как и в случае с пост-фигурными поэмами, добавляет уровень сложности. Так, поэмы-перевертени безвременно погибшего Дмитрия Авалиани, подпадая под определение конкретной поэзии, обладают и свойствами акционной поэмы – для прочитывания второго значения надо совершить перформативный жест, перевернуть лист с поэмой верх ногами. Дмитрий работал в традиции жестовой поэзии, одним из первых представителей которой был эго-футурист Василиск Гнедов, исполнявший свою «Поэму конца» (пустой лист бумаги) жестом. Другим представителем жестовой поэзии является Ры Никонова.

Борис Констриктор, как и Дмитрий Авалиани, рисует свои поэмы вручную. Поэмы Бориса имеют тщательно продуманную композицию визуальных элементов. Для него важны такие детали как заплывы букв, подчеркивания в тексте, разделяющие стихотворение на сегменты.

Другим примером «пост-конкретной» поэзии являются машинописные произведения Светы Литвак. Они максимально соответствуют хиггинсову определению конкретной поэмы в силу действительно абстрактного расположения отдельных букв. На содержательном уровне поэма близка крученыховской зауми. Обратим внимание также на рамку, которой автор обвел некоторые буквы – таким же приемом с рамкой пользовался в своих заумных стихах Алексей Крученых [6].

Специфическим расширением конкретной поэзии можно считать поздние поэмы Сергея Сигея и Ры Никоновой в сотрудничестве с другими иностранными визуальными поэтами [8]. Коллаборационное творчество (при со-

здании поэмы участвуют несколько авторов) типично для западных радикальных поэтов, но пока ново в России. Интересно также использование Сигеем в таких поэмах резиновых штампов – техники, характерной для мэйл-арта [6].

Эдуард Кулемин создает эстетские графические композиции, которые можно тем не менее читать как текст. Сложные проекты Эдуарда носят акционный характер. Так, в проекте «Коммутация» листы с поэмами мялись руками и подвергались компьютерной обработке.

Третий раздел составляют поэмы «пост-*poesia visiva*». Под «*poesia visiva*» обычно понимают композиции текста и фотографии, т.е. всевозможные коллажи и смешанные техники. Алексей Даен соединил этот стиль с искусством “NO!ART” – одним из альтернативных направлений современного искусства, параллельных в т.ч. и мэйл-арту.

Александр Моцар использует в своих коллажах фотокопии рукописей русских литературных классиков – как, например, Достоевского.

Александр Очеретянский делает выразительные коллажи – часто без какого-либо текста, что можно также воспринимать как некий радикальный поэтический жест, равносильный «Поэме конца» Василиска Гнедова.

Рафаэль Левчин в своих коллажах использует фрагменты с чистым визуальным материалом наряду с текстовыми. По художественным качествам – это продолжение традиции, начатой Куртом Швиттерсом в своих карточках.

Дмитрий Булатов заполняет весь объем страницы разнонаправленными, но упорядоченными в визуальном плане словами – текстами.[7]

В визуальной поэзии авторы пытаются, ломая стиховые традиции, добиться совершенства произведения, выжать самую сущность слова или перешагнуть “за рамки” поэзии и создать нечто большее, чем вербальный текст.

К визуальной практике приобщаются как новые поэты, так и мэтры, например, Андрей Вознесенский выставил свои визуальные поэмы в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва, 1993) [3].

Вот одно из стихотворений Андрея Вознесенского “Аксиома самоиска”:

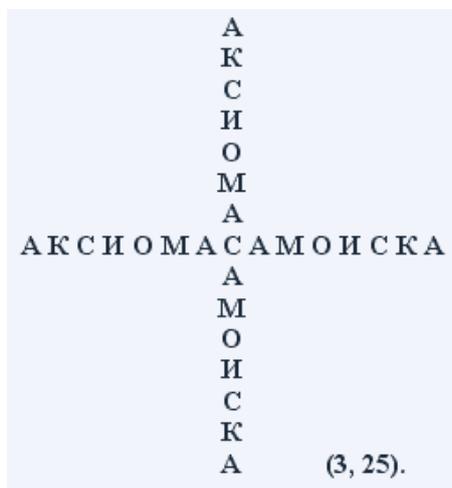

Рис. 6. Андрей Вознесенский «Аксиома самоиска»

Палиндромическое сочетание А. Вознесенский располагал в виде традиционного символа – креста. Текст читается по разным плоскостям, слева направо и справа налево, сверху вниз и снизу вверх. Заколдованный крест заставляет читателя переосмыслить расхожие шаблоны знака и поэтического восприятия.

В целом же, визуальная поэзия работает на нескольких фронтах, заставляя текст фосфоризировать различными смыслами, собирающимися на странице обыкновенной бумаги, делая ее семантически перегруженной, наполненной звуковыми, архитектурными ассоциациями, создавая тем самым, объемное восприятие плоскости листа.

Список литературы

1. Бадаев А.Ф. Поэтическая графика как категория текста: постановка проблемы // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 46-52.
2. Бирюков С. Визуальный прорыв (от фигурных стихов к визуальным системам) // Он же. Зевгма. Русская поэзия. М., 1994. С. 142-182.
3. Вознесенский А. Видеомы. М., 1993. 32 с.
4. Гаспаров М.Л. Фигурные стихи. Конкретная поэзия. // Он же. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 27-32.
5. Гик А.В. Языковые составляющие «найденных поэм» Бена Портера // Поэтика исканий или поиск поэтики. // Материалы международной конференции. М., 2004. С. 431-437.
6. Гик Ю.Л. Наследие Дада в современной визуальной поэзии // Поэтика исканий или поиск поэтики. // Материалы международной конференции. М., 2004. С. 385-390.
7. Гик Ю.Л. Документация к выставке визуальной поэзии (L-галерея, Москва, 25 октября – 12 ноября 2005 г.) // Черновик. 2006. № 21. С. 46-58.
8. Сигей С. Краткая история визуальной поэзии в России // Другие. Международный журнал визуальной поэзии. М., 2006. № 1. С. 23-27.
9. Фатеева Н.А. Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX-XXI веков. М., 2006. 147 с.

«ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ» И.И. КОЗЛОВА КАК ЧАСТЬ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Грапп А.П.

аспирант кафедры истории русской литературы и фольклора,
Институт филологии и журналистики, Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье раскрывается вокальная судьба стихотворения И.И. Козлова «Венецианская ночь». Выявлено и проанализировано 15 вариантов исполнения романса (аудио- и видеозаписи, научные публикации, архивные материалы). Определены особенности исполнения произведения в XX веке: на эстраде и в народной среде.

Ключевые слова: Козлов, романс, лирика, фольклор.

Характеризуя наследие И.И. Козлова, В.Г. Белинский особенно выделил стихотворение «Венецианская ночь». Он писал: «Какая роскошная фан-

тазия! Какие гармонические стихи! [1, с. 74] Возможно, благодаря этому гармоническому звучанию строк произведение сразу же стало популярным романсом. Так, уже в 1825 г. (год написания стихотворения) его исполняла для А.С. Пушкина А.П. Керн: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его Венецианскую ночь на голос гондольерского речитатива...» [2, с. 162].

Великолепный, светлый романс «Венецианская ночь» и сейчас является неотъемлемой частью песенной культуры. Мы можем оценить исполнение романса в XX в. благодаря аудио- и видеозаписям. С середины XX столетия «Венецианскую ночь» исполняли А. Ведерников, Н. Герасимова, З. Долуханова, Н. Дориак, Э. Хиль, Л. Чкония, в последние годы романс звучит из уст О. Бурлаковой, Н. Михалевой, Ю. Поповой, Л. Святозаровой и многих других. Произведение пели не только на эстраде. Есть свидетельства, что он был предметом домашнего музицирования. Так, в 2013 г. учитель английского языка гимназии №3 г. Саратова Е. Ледкова вспоминала, как в молодости дома они распевали этот романс. Она пропела первые две строки: «*Ночь весенняя дышала // Светло-южную красой...*», в которых отчетливо слышалась мелодия, сочиненная М. Глинкой.

М. Глинка сочинил мелодию к «Венецианской ночи» в 1832 г. Под впечатлением итальянских пейзажей и «сладостных напевов» итальянских народных песен Глинка создал пленительную мелодию для первых трех строк стихотворения, где изображена чарующая картина ночи в Венеции. В основу своего произведения композитор положил ритм «нежной баркаролы» [3, с. 405].

Мы располагаем 5 аудиозаписями [4] и 6 видеозаписями (Видеохостинг YouTube) исполнения романса (указанные выше исполнители, а также любительское видео, где во время катания на гондоле в Венеции девушка напевает это романс). Во всех случаях звучит мелодия Глинки и исполняются первые три октавы, где каждая завершающая строфу строка поется два раза.

Очевидно, что произведение было крайне привлекательным для певцов из интеллигентской дворянской среды, которые с восхищением узнавали роскошные венецианский ночные пейзажи. Есть также сведения, что «Венецианская ночь» вошла в песенный обиход и простого населения. Однако в народную среду попали не начальные строки стихотворения, исполняемые под музыку Глинку, а его середина. Так, характеризуя лирику Пушкина в контексте ее фольклоризации, А.М. Новикова приводит народный вариант романса «Ночной зефир» в контаминации с 7-ой строфой из «Венецианской ночи»: «*Вот красавица выходит // На чугунное крыльцо, // И луна свой блеск наводит // На приятное лицо*» [5, с. 168].

Этот вариант был записан в 1935 году в Архангельской области. Обращают на себя внимание изменения, внесенные в стихотворение Козлова. Ср.: «*Вот прекрасная выходит // На чугунное крыльцо, // Месяц бледно луч наводит // На печальное лицо*» [6, с. 93].

Все в народном варианте подчеркивает красоту героини: она прямо названа «красавицей», «печальное» лицо становится «приятным», а женский образ луны (вместо мужского образа месяца) внутренне соотносится с самой девушкой. Заметим, что образ луны был выбран еще потому, что в «Ночном зефире» уже фигурировала луна: *«Вот взошла луна золотая...»* [7, с. 320].

Неизменной осталась одна строка – о «чугунном крыльце». Возможно, потому, что именно она явилась связующей для двух стихотворений. В «Ночном зефире» читаем: *«Скинь мантилью, ангел милый, // И явись как яркий день! // Сквозь чугунные перилы // Ножку дивную продень!»* [7, с. 320]

И логическим продолжением этого призыва к молодой испанке явились строки из «Венецианской ночи», где «красавица» действительно выходит на «чугунное крыльцо».

Связь между стихотворениями Пушкина и Козлова на этом не заканчивается. Во-первых, в обоих случаях действие разворачивается ночью; во-вторых, оба произведения содержат экзотический колорит (кроме того, Испания и Италия – созвучные названия стран, что делает и вовсе неразличимым для народа два типа пейзажа); в-третьих, сходство ощущается и в синтаксическом строе стихотворения (*«Вот взошла луна...»*, *«Вот испанка молодая...»* в «Ночном зефире» и схожая конструкция в «Венецианской ночи»: *«Вот прекрасная выходит...»*). Прибавим к сказанному, что произведения были написаны примерно в одно и то же время («Ночной зефир» в 1824 г., «Венецианская ночь» в 1825 г.), а хореистические стихи плавно перетекали друг в друга. Учитывая, что стихотворение Пушкина было очень кратким и, с точки зрения народного сознания, не обладало достаточной сюжетной завершенностью, его контаминация с «Венецианской ночью» кажется вполне закономерной.

В архиве УЛ «Кабинет фольклора им. Т.М. Акимовой» ИФиЖ СГУ им. Н.Г. Чернышевского также содержатся варианты «Ночного зефира» в контаминации с неполной строфой из стихотворения Козлова. Таких текстов было записано два. Оба текста записаны в ходе экспедиции в с. Большая Таволожка Пугачевского района Саратовской области. Их текст и анализ дает Е.В. Киреева в статье «Варьирование пушкинских текстов с экзотичным этнографическим колоритом в песенном фольклоре русских Саратовского Поволжья (на материале кабинета фольклора СГУ)» (2005). Исследовательница указывает, что «Ночной зефир», зафиксированный в Саратовской области, восходит к той записи, что дает Новикова, однако содержит уникальный припев – ответ испанки на призыв поклонника, представляющий собой отказ поехать с ним: *«разбойнички» «Убить меня хотят.// Нет, нет, не поеду, // Лучше дома я помру»* (Записан от А.М. Коньшева, малограмотного колхозника, 82-х лет.) [8, с. 63]. Сначала исполняются два катрена из стихотворения Пушкина, затем – отрывок из «Венецианской ночи». Приведем видоизмененные строки, восходящие к произведению Козлова: *«Вот красавица выходит // На прекрасное крыльцо // И луной свой блеск наводит // На прекрасное лицо»* [8, с. 63].

Явно выражена его лексическая однообразность, вызванная уровнем образования певца, а также его сильным желанием подчеркнуть привлекательность героини и всего того, что ее окружает. Интересно поняты строки о лунном блеске. Если в оригинале рисуется картина, где на лицо прекрасной месяц наводит свой луч, то здесь сама красавица украшает себя светом луны. Второй таволожский вариант, записанный в 1980 г. от П.А. Маркиной, 62-лет, грамотной, также воспроизводит эти строки: «*Вот красавица выходит // На чугунное крыльцо // И луной свой блеск наводит // На прекрасное лицо*» [8, с. 64].

Киреева пишет, что «варианты отличает наличие явной бессмыслицы при передаче строфы из «Венецианской ночи» И.И. Козлова» [8, с. 64]. Исследовательница указывает, что эти изменения связаны с неточностью в передаче текста в песенниках. Опираясь на данные М.Я. Мельц [9, с. 85], Киреева указывает, что в печати было опубликовано два варианта устного бытования «Ночного зефира». В них содержались разночтения с оригиналом, что было отмечено Мельц: «*И луна свой блеск наводит*» [9, с. 64]. На наш взгляд, в таволожских вариантах логику исполнителей все же можно понять: активный глагол «наводить» привычней сочетать с каким-либо лицом (человеком), а в контексте женской красоты приходит на ум разговорное словосочетание «навести красоту», что и отражено в народных вариантах.

«Венецианская ночь» вошла в народный песенный обиход, однако только в виде «вставки», проясняющей лирическую ситуацию «Ночного зефира» Пушкина. Видимо, основой для нее стала не романсовая форма с мелодией Глинки, а печатный текст, на который обратили внимание составители песенников как на материал для «улучшения» пушкинского ромansa.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М.: Издательство АН СССР, 1954. 546 с.
2. Скопечная А.Д. Торжество муз. М.: Сов. Россия, 1989. 192 с.
3. Келдыш Ю.В., Левашова О.Е. История русской музыки. М.: Музыка, 1990. 452 с.
4. Коллекция русского романса URL: <http://rusklarom.narod.ru/kozlov.htm> (дата обращения: 30.10.2012 г.).
5. Новикова А.М. Русская поэзия XVIII-первой половины XIX века и народная песня. М.: Просвещение, 1982. 192 с.
6. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1960. 507 с.
7. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1985. 736 с.
8. Киреева Е.В. Варьирование пушкинских текстов с экзотичным этнографическим колоритом в песенном фольклоре русских Саратовского Поволжья (на материале кабинета фольклора СГУ)// Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сб. науч.тр./ Отв. ред. В.К. Архангельская. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. Вып. 2. 132 с. С. 52-66.
9. Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825–1917 гг. и русском фольклоре. СПб.: Наука, 2000. 216 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Денисенко Л.Н.

учитель русского языка и литературы, МБОУ «СОШ №31»,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается влияние лингвистической культурологии на восприятие младших школьников. Именно в культуроведческом аспекте ученые видят важнейшее условие развития русской языковой личности учащихся, которая активно формируется в начальной школе. Культуроведческий подход к изучению произведений литературы выступает одним из факторов, ведущих к позитивному изменению сложившейся ситуации в культурной и общественной жизни страны. Тесное сосуществование понятий «литература» и «культура», их взаимовлияние обнаруживает некоторые точки соприкосновения, весьма важные для современного образовательного процесса.

Ключевые слова: культуроведческая компетенция, литературное чтение, культуроведческий подход историко-культурный фон.

Произведения художественной литературы являются живым свидетельством истории и культуры, так как в них отражается историческое прошлое, обычаи и традиции народа. Поэтому в процессе изучения литературы в начальной школе необходимо добиться, чтобы младший школьник воспринимал литературу «как явление национальной и мировой культуры, средство сохранения и передачи нравственных ценностей и традиций» [8]. Это важнейшая проблема курса литературного чтения в начальной школе, которую ставит Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования.

Решить названную задачу призван культуроведческий подход в обучении, который в последние десятилетия активно разрабатывается и внедряется в практику языкового и литературного образования. Актуальность данного подхода обусловлена тем, что на рубеже XX-XXI веков в связи с антропоцентрической направленностью современной науки возрос интерес к проблеме взаимосвязи языка и культуры, ставший предметом изучения новой интегрированной отрасли языкознания – лингвокультурологии.

С.А. Кошарная определяет лингвистическую культурологию как научную дисциплину, «изучающую процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа (предметов и явлений объективной реальности, содержательных и динамических аспектов человеческой деятельности, артефактов)» [5, с. 14]. По определению В.А. Масловой, лингвокультурология – «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [6, с. 9].

Наиболее развернутое определение этой научной дисциплины дается Н.Ф. Алефиренко, который заявляет, что «современная лингвокультурология –

это научная дисциплина, изучающая способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [1, с. 29].

Ведущей целью филологического образования в настоящее время признается формирование культуроведческой компетенции, которую называют также национально-культурным уровнем владения языком. На современном этапе развития педагогической науки культуроведческая компетенция рассматривается как «становление представлений человека об окружающем мире, сосредоточенных в структурах сознания, которые являются единством знания, отношения, ценности и функционирования и формируют мировоззрение современной языковой личности, сообщают языковой личности национальный образ мыслей» [7, с. 42].

Подключение школьника к атмосфере художественной культуры и ее категориям возможно, в первую очередь, именно на уроках литературы, что задано самой природой этого искусства. Культуроведческий подход к изучению произведений литературы выступает одним из факторов, ведущих к позитивному изменению сложившейся ситуации в культурной и общественной жизни страны. Проблема «Литература и культура» в настоящее время становится объектом пристального внимания методистов, философов, литературоведов, культурологов. И поэтому проблема реализации культуроведческого подхода на уроках литературного чтения в начальной школе относится к числу актуальных.

Тесное сосуществование понятий «литература» и «культура», их взаимовлияние обнаруживает некоторые точки соприкосновения, весьма важные для современного образовательного процесса. В силу объективных причин (общий упадок культуры, снижение уровня культурного развития современного школьника) они оказываются особенно актуальными в наши дни и требуют к себе особого внимания со стороны методики преподавания литературы как науки.

Отношение понятий «литературное образование» и «культура» особенно значимо для современного образовательного процесса в начальной школе, где уроки литературного чтения рассматриваются как фактор духовно-личностного развития личности. Так, Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева основную цель уроков чтения в начальной школе видят в том, чтобы «ввести детей через литературу в мир человеческих отношений, нравственных ценностей, формирование личности» [2, с. 4]. Однако содержание, пути, средства решения этой задачи не получают необходимой методической конкретизации.

Реализация культуроведческого аспекта на уроках литературного чтения связана с процессом формирования языковой личности (Ю.Н. Караулов), составляющими которой являются следующие уровни: ценностный, мировоззренческий (освоение духовных и материальных ценностей, своего взгляда на мир с помощью языка и литературы); культурологический (привлечение фактов культуры как эффективного средства повышения интереса к языку и литературе); личностный (индивидуальные черты человека) [4, с. 31].

Уроки литературы, бесспорно, дают возможность организовать работу над формированием всех уровней языковой личности. Во-первых, в процессе изучения художественных текстов происходит освоение духовных и материальных ценностей как родного народа, так и общечеловеческих, приобщение к ним. А уже на этой основе совершается формирование собственного взгляда на окружающий мир. Во-вторых, несомненно, что происходящее на уроках знакомство с фактами как родной культуры, так и других народов, является эффективным средством формирования интереса младших школьников. В-третьих, уроки литературного чтения обладают значительным воспитательным потенциалом. Воспитательный потенциал курса литературного чтения определяется личностно окрашенной, эмоционально-образной, диалогической природой литературного творчества, а источником воспитательного влияния является рождающееся в процессе восприятия художественного произведения продуктивное переживание, соотношенное с жизненными ситуациями и обеспечивающее перспективную смысловую регуляцию поведения.

Тексты художественных произведений, изучаемых в начальной школе, содержащаяся в них лексика являются источником культурной информации, отражают менталитет народа. Эти положения необходимо учитывать в процессе анализа текстов художественных произведений на уроках литературного чтения. Словарная работа должна не только знакомить с семантикой слов и выражений, но и должна демонстрировать ученикам национально-культурный компонент значения, что позволит формировать русскую языковую личность. Следовательно, необходимы такие приемы и формы работы, которые позволяют раскрыть перед учащимися культурный компонент в семантике слова. В связи с этим перед учителем встает задача отбора лексики, фразеологии и т.п., в семантике которой содержится культурный компонент.

В работах методического плана для обозначения лексики с национально-культурным компонентом значения чаще используется термин «этнокультуроведческая лексика». Например, такой термин используется В.В. Демичевой и Т.В. Яковлевой, которыми предлагается тематическая классификация данной лексики. Авторами выделены следующие тематические группы этнокультуроведческой лексики: 1) названия архитектурных сооружений и их частей (кремль, терем, хоромы, палата, светлица, изба); 2) наименования крестьянской утвари (печь, сундук, икона); 3) названия транспортных средств и средств передвижения (тройка, сани); 4) наименования продуктов питания и традиционных русских блюд (сбитень, расстегай, щи, чай, блины); 5) названия сословий и чинов (боярин, стрелец, казак, князь, стольник); 6) названия музыкальных инструментов (гусли, балалайка); 7) названия музыкальных произведений, танцев, исполнителей (частушка, запевала, хоровод, песенник); 8) названия традиционной русской одежды (сарафан, кушак, душегрейка, зипун, кичка); 9) параметрическая лексика (вершок, пядь, сажень, аршин, верста, фунт, пуд, золотник); 10) названия символов (береза, Красная площадь).

В процессе работы с устаревшими словами на уроках литературного чтения необходимо обращение к культурно-историческому комментированию. Эта потребность обусловлена тем, что многие устаревшие слова (государь, стольник, веретено, аршин, горница и др.) называют важнейшие понятия русской действительности прошлых эпох, и поэтому важно, чтобы учащиеся не только усвоили семантику таких наименований, но осознали роль этих явлений, понятий в русской жизни, русской истории.

Таким образом, в лингвистической литературе уже накоплен определенный опыт лингвокультурологического анализа лексики национального языка, известны основные методы данного анализа. На уроках чтения в начальной школе некоторые методы лингвокультурологического анализа можно использовать ограниченно, учитывая возрастные особенности младших школьников. Но применение данного анализа, по нашему мнению, является объективной необходимостью, поскольку реализация культуроведческого аспекта преподавания родного языка предполагает обязательное обращение к изучению и анализу национально-культурного пласта русской лексики.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
2. Бунеев, Р.Н. Программа по чтению и начальному литературному образованию для 1-4 кл. общеобразовательной школы [Текст] / Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева // Начальная школа плюс До и После. – 2010. – № 12. – С. 4-11.
3. Бунеева, Е.В. Уроки литературного чтения в 1-4 классах: методические рекомендации для учителя [Текст] / Е.В. Бунеева. – М.: Академия, 2010. – 211 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Академия, 2003. – 241 с.
5. Кошарная, С.А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию: учебное пособие [Текст] / С.А. Кошарная. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. – 121 с.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высших учебных заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 234 с.
7. Новикова, Л.И. Разработка концепции обучения школьников в культурологическом аспекте [Текст] / Л.И. Новикова // Наука и школа. – 2005. – № 2. – С. 42-44.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Текст]. – М.: Просвещение, 2009. – 51 с.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ¹

Куприева И.А.

профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
д-р филол. наук, доцент, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Смирнова С.Б.

ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Бойко А.И.

студент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Настоящая статья посвящена описанию корреляции ментальной структуры оценки и синергетической системы в аспекте их функционирования. Основаниями для гипотетического сходства указанных эпистемических моделей выступают динамический характер структуры знаний, ее открытость и способность переструктуриации. Описание ментальной структуры оценки в качестве синергетической системы позволит найти адекватное изменение вербализации оценочности не только окказионально, но и впоследствии на системном уровне.

Ключевые слова: ментальная структура, оценка, ценность, синергетическая система, эпистемическая структура знаний.

В исследованиях современных ученых априори принимается тот факт, что сама по себе оценка является результатом квалифицирующего акта сознания. Последний возникает не просто как реакция на артефакт окружающего мира, но и формирует отношение к нему посредством сравнения с идеальным ментальным эталоном – ценностью. Система ценностей прививается в онтогенезе и передается из поколения в поколения, тогда как оценка транслируется с опытом лингвокультурного сообщества благодаря вербальным репрезентантам соответствующих оценочных ментальных структур. Вместе с тем оценку можно соотнести с когнитивным уровнем и присвоить ей в качестве коррелята ментальной структуры знаний такие свойства как открытость и динамичность или способность вступать в процессы наложения и пересечения с другими ментальными структурами. В таком ключе, с нашей точки зрения, описание ментальной структуры оценки возможно в терминах концепта, который представляет собой масштабную единицу когнитивного порядка, «квант структурированного знания» [1, с. 4]. Понятие «структуриро-

---

¹ Печатается при поддержке проекта, выполняемого организацией в рамках государственного задания (проект №2014/420-776).

ванное знание» как коррелят концепта в унисон процессу оценочной категоризации предполагает наличие инвариантного набора обязательных (или так называемых концептуальных идентификаторов) и необязательных (дифференцирующих) концептуальных признаков. Первые ассоциированы с ядром, а вторые – с периферией, которая, в свою очередь, имеет прозрачные границы с достаточной пропускной способностью для прибавления новых данных. На уровне вербальной представленности концепт характеризуется семантической плотностью, подразумевающей наличие большого количества языковых средств. Последние способны соответствовать концептуальным идентификаторам на системном и/или функциональном уровне и обладать определенным оценочным зарядом системного значения.

Анализ фактического материала, проведенного в ходе системного исследования на основании дефиниционного и концептуального анализа слов *assessment* и *оценка* с учетом экстралингвистических данных позволил выявить обязательные концептуальные элементы («модус», «объект», «отношение», «субъективность/объективность» («Мнение о ценности, уровне или значении кого-, чего-нибудь»)) и факультативные («параметры», «интенсивность», «гендер» и т.д.). Количество и характер последних, как заявлено выше, не является и не может быть конечным, соответственно тому, что новый приток информации дополняет и качественно увеличивает этот список. Следовательно, такую структуру можно назвать открытой и нелинейной и провести прямую корреляцию с синергетической системой, чье взаимодействие с иными подобными структурами позволяет приращивать ресурсы. Последние стремятся к идентификации, нарушая параметры порядка. Порядок организуется благодаря затрате системой внешних и собственных ресурсов, что провоцирует виток эволюции. Последняя актуальна не только на концептуальном уровне, но и в аспекте семантической плотности, то есть на уровне лексико-семантической системы вербализаторов.

В целом, процесс модификации синергетической системы выглядит приблизительно следующим образом: в изоляции, не инвертированная в процессе коммуникации система концепта и его вербализаторов в сознании человека находится в состоянии относительного равновесия и покоя. Далее, по мере включения системы в коммуникативный процесс, когда та или иная лексема употребляется индивидом для передачи оценочного значения, осуществляется адаптация структуры под интенции коммуниканта в рамках допустимых системой переструктураций. Полученные значения выступают как результат интрасистемных (происходящих внутри концепта) модификационных процессов. Следовательно, они достаточно быстро фиксируются словарными источниками и вследствие торможения субъектом уже не воспринимаются как новообразования. Или же получаются экстрасистемные модификации значения, когда целая система вербализаторов концепта взаимодействует с другими концептуальными системами. В результате получают идиоматические выражения, коннотативные оттенки значения лексики.

Подытоживая вышесказанное отметим, что эпистемическая структура знаний (в нашем случае оценочная ментальная структура) ввиду собственных

свойств, таких как динамичность и открытость, имеет достаточно много сходств с синергетической. Учет базовых принципов функционирования последней в изучении языковых фактов позволит выявить специфику перехода фактора окказиональности значения в фактор системности такового и получить наиболее объективные результаты.

Список литературы

1. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.

КОНЦЕПТ «СНОБИЗМ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА»

Мурзинова И.А.

доцент кафедры английского языка и методики его преподавания,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Волгоград

С позиций аксиологической лингвистики в статье рассматривается концепт «снобизм», являющийся частью концептосферы лингвокультурного типажа «британская королева». Автор доказывает, что концепт «снобизм» получает амбивалентную оценку представителей британской лингвокультуры.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, лингвокультурология, лингвокультурный типаж, лингвокультурный концепт, семантика, ценностные характеристики, британская королева, снобизм.

Изучение ценностных характеристик прецедентных личностей различных лингвокультурных сообществ сегодня является важной составляющей исследований в области языкознания в целом и аксиологической лингвистики в частности, так как научные знания, полученные на основе анализа аксиологических характеристик личностей, значимых для той или иной лингвокультуры, позволяют сделать выводы более широкого плана о доминантах национального сознания и поведения [1, 2, 3].

В данной статье рассматривается отношение британцев к снобизму, обозначаемому британскими информантами в качестве одного из признаков, присущих лингвокультурному типуажу «британская королева».

Рассмотрим ассоциативные ряды лексем, записанные информантами в качестве реакции на стимул «королева». В качестве реакции на стимул «королева» наряду с такими нейтральными лексемами, как “high society”, “upper class”, “Buckingham Palace”, “stamps”, британские информанты называли следующие оценочно-маркированные лексемы: “arrogant”, “self-important”, “La Di Da”, “(overtly) posh”, “bossy”, “toffee-nosed”. В анкетах британцы отмечают, что королева, возможно, обладает снобизмом, качеством, которое характеризует многих представителей элитного сословия:

She may be a snob and consider herself above others, she is fully aware of the historic importance of her role to the country (из ответа информанта).

Таким образом, поведение исследуемого типажа характеризуется следующими атрибутивными лексемами в словаре Longman Dictionary of Contemporary English:

Posh – *adj infml* 1. *usu. apprec* fashionable, splendid, and *usu. expensive*: *a posh hotel* 2. *sometimes derog* for or typical of people of high social class: *a posh part of town / a posh accent* – *posh adv BrE nonstandard*: *Doesn't she talk posh!* *Toffee-nosed* – *adj infml* thinking oneself important because of one's social position; *snobbish*.

Snobbish (also *snobby*) – behaving in a way that shows you think you are better than other people because you are from a higher social class or know more than they do: *Her family seems snobbish*.

La-di-da – *adj infml derog, esp. BrE* pretending to be in a higher social position than one actually is in, by using unnaturally delicate manners, ways of speaking, etc.: *She/her voice/her manner is a bit too la-di-da for my liking*.

Мы видим, что оценочные лексемы “posh” и “la-di-da”, используемые британцами для описания поведения королевы, в словарях имеют помету *derog* (оскорбительные), т.е. британцами негативно оценивается высокомерие, важность, отстраненность от членов социума, отмечаемые ими в поведении королевы [3].

Наряду с отрицательной оценкой снобизма в поведении королевы в прецедентных текстах британской культуры находим и другую интерпретацию сходных со снобизмом черт, например, внешней холодности и сдержанности королевы. Так, например, свое отношение к королеве высказывает один из персонажей книги Сью Таунсенд «Королева и я», новая соседка «бывшей» монархини Виолетта Тоби, грубоватая женщина из бедного района Хелл Клоуз, куда была переселена королева (по сюжету книги). В споре с другой обитательницей Хелл Клоуза, обвиняющей ее в намеренном, корыстном обращении к королеве за помощью (королева откликнулась на просьбу Виолетты помочь ей принять роды у одной из местных жительниц) с целью приблизиться к особе, принадлежащей к высшему классу, Виолетта кричит на просторечном диалекте:

I ain't no snob. I chose 'er because she were awake and she don't panic. Unlike you, Beverly Threadgold, 'oo can't stand the sight of blood!

Как видно из примера, Виолетте импонирует хладнокровие королевы, умение контролировать свои эмоции, при этом она понимает, что эти черты могут ассоциироваться со снобизмом. Отметим, что многие британские информанты, принявшие участие в проведенном нами анкетировании, также охарактеризовали сдержанность королевы как положительное качество [3].

Итак, снобизм и свойственная снобам манера поведения королевы, с одной стороны, подвергаются критической оценке британцев и являются отрицательно маркированными характеристиками, с другой – сходные особенности поведения британской монархини интерпретируются как положительные, связанные с самоконтролем, силой духа, уверенностью в себе. Таким образом, отношение к концепту «снобизм» в британском индивидуальном сознании характеризуется амбивалентностью.

Список литературы

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореферат дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2007. – 24 с.
2. Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
3. Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж "британская королева" дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2009.
4. Longman Dictionary of Contemporary English = Словарь современного английского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1992. – Т.1 А–L. – 626 с. (LDCE).

ТЕКСТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КИНОФИЛЬМА

Назарьева Е.В.

аспирант кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, г. Саратов

Статья посвящена актуальной проблеме категорий кинотекста как одной из форм художественного текста и художественной реальности. Целью является анализ научного материала по проблеме выделения его характерных черт. Автор акцентирует внимание на отражении категорий текстуальности в кинематографических произведениях. В статье проанализированы существующие подходы к кинотексту и тексту в целом, выделены их преимущества и недостатки. Проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: текст, кинотекст, категории текста, конститутивные признаки кинотекста, интерпретация, дискретность, локально-темпоральная отнесенность текста, проспекция и ретроспекция, модальность.

Текст – объект изучения целого ряда лингвистических дисциплин, занимающий важнейшее место в рамках языковедения. Вместе с тем, в современном языкознании существует проблема размытости подходов к понятию и критериям текста и отдельных его разновидностей.

Согласно дефиниции, данной в предисловии сборника «Новое в зарубежной лингвистике», текст есть «некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу ... в рамках общего замысла автора» [5, с. 6]. Данная трактовка подчеркивает важность смысловой и формальной законченности, цельности и связности элементов. Приведенные характеристики представляются нам существенными для понимания концепта.

Тексты, в особенности неопределенного характера, могут допускать варианты интерпретации. Последние могут быть конкурирующими, а связность основана на часто неявном повторении темы, отмечает М. Майенова [4, с. 441]. Возможность множественной интерпретации, по нашему мнению, является характерной чертой именно художественных текстов – они, побуждая осмыслять и анализировать, часто оставляют возможность субъективной трактовки.

В семиотике понятие текста является фундаментальным и относится не только к языку, но и в целом к системе знаков, которая в совокупности имеет

определенную структуру и целостность и выражает единое значение. Текстом с семиотической точки зрения может являться любая знаковая система, созданная человеком.

Кроме приведенных существуют и иные подходы, которые различным образом трактуют понятие текста, отражая те или иные его характеристики. Недостатком подобного «дробления» является отсутствие дефиниции, которая бы полно и всесторонне отображала наиболее существенные категории текста как одной из крупнейших единиц языка, обладающей рядом специфических функций и признаков. Во многих дефинициях отмечается важность таких критериев, как фиксированность, связность, эмотивность, системность, законченность, являющихся значимыми в лингвистике.

Рассмотрим подробнее вопрос о том, к какому типу текстов будет отнесен кинофильм, и каким образом признаки и характерные категории текстуальности реализуются в нем.

Исследованием термина «кинотекст» (в настоящей статье мы принимаем знак равенства между понятиями «кинотекст» и «кинофильм») занимались уже Ю. М. Лотман [3] и другие исследователи культуры и языка. В настоящее время изучению кинотекста посвящены работы Е. Б. Ивановой [2], М. Б. Ворошиловой [1] и ряда других лингвистов, филологов, культурологов и киноведов. Согласно определению, данному Ю. Н. Усовым, кинотекст есть динамическая система звукозрительных образов [7, с. 17]. Киновед учитывает особенности хронотопа, аудиовизуальное восприятие адресатами, «экранность», но не отражает в своей дефиниции коммуникативной направленности кинотекста.

В литературе подходы к определению сущности и характеристик кинотекста различаются, акцентируя внимание на разнообразных аспектах. Содержанию концепта «кинофильм» отвечает понятие креолизованного текста, в структуре которого задействованы вербальные средства и невербальные.

Кинотекст состоит из лингвистических и нелингвистических знаков и создается из них при помощи кинематографических кодов – ракурс, свет, сюжет, монтаж и др. Кадр приближает киноязык к речи, привнося в него дискретность.

Применительно к кинотексту вслед за Г. Г. Слышкиным примем его как «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителем» [6, с. 37].

Представители волгоградской научной школы предлагают следующие характерные черты кинотекста, которые мы рассмотрим на примере ряда произведений итальянского кинорежиссера Федерико Феллини [там же, с. 33-36]:

1. Кинотекст дискретен. Некоторые эпизоды могут обладать относительной формальной и содержательной самостоятельностью. Так, например, в ленте «Ночи Кабирии» обнаруживаются отдельные единицы (совокупности ядерных кадров), имеющие сюжетную самостоятельность (линия с богатым клиентом, молебен и т.д.), в «Репетиции оркестра» ярко выделяются сцены: монолог переписчика нот, репетиция, бунт, финальная и ряд других.

2. Связность: содержательная самостоятельность эпизода относительна, требует опоры на кинотекст целиком. Отдельная демонстрация эпизода часто сопровождается ссылкой на источник.

Так, в «Ночах Кабирии» формальная связность выражена вербальными отсылками на другие эпизоды (например, упоминание Джоржио в сцене у дороги). Содержательная обусловлена сюжетом, общим концептом. В лентах «И корабль плывет» и «Репетиция оркестра» формальная связность представлена вербальными отсылками и единством хронотопа (так, в первом фильме действие разворачивается на борту одного судна).

3. Направленность развития событий может быть проспективной (в соответствии с реальным миром), и ретроспективной. Ретроспективность является одной из характерных категорий художественного текста, создающих ощущение многомерности мира.

Для распознавания нарушений пространственно-временного континуума могут применяться различные сигналы – изменение темпа съемки, резкая смена интерьера или внешности (например, внезапное «омоложение»). Можно заметить, что в ряде кинотекстов сигналы о смене хронотопа выражены в большей мере в содержательном аспекте.

В этом отношении любопытно построение фильма «8 ½», представленного рядом ярких, сюрреалистичных эпизодов, не связанных во времени и пространстве, переходы между которыми резки и создают дополнительный эффект «внезапности». В ленте просматривается, при глубоком осмыслении, ретроспекция: воспоминания, проистекающие из сюжетного настоящего, о родителях, женщинах, беззаботной (особенно для героя ценной) поре детства.

4. В центре кинотекста независимо от конкретной темы повествования, как правило, стоит человек, что говорит об антропоцентризме. Сюжет «8 ½» эксплицитно антропоцентричен. Он воплощает образ мира глазами главного героя, Гвидо Анселми, известного режиссера (отражение самого Феллини). Интересно с точки зрения антропоцентризма построен «И корабль плывет», который сочетает показ событий глазами главного героя (пожилой репортер) и прием, прослеживаемый и в «Репетиции оркестра» (концентрация событий вокруг группы персонажей при отсутствии центрального).

5. Кинотекст обладает локальной и темпоральной отнесенностью. Так, нередок в художественных фильмах прием «от первого лица» или использование визуальной и аудиальной составляющих для передачи эмоционального и психологического состояний. В «Ночах Кабирии» хронотоп отражает мир глазами Кабирии (Марии). Основные события (исключая эпизод с молебном и прогулки с Оскаром), происходят в вечернее и ночное время (время активности Кабирии, в которое ей приходится жить). Зритель видит своего рода

«изнанку» Рима, часть, где живут люди, для которых термометр – признак благосостояния.

«И корабль плывет» имеет четко выраженные временные и пространственные границы – все события происходят в течение нескольких дней на крупном круизном лайнере.

6. В кинотексте ничто не существует случайно, само по себе: каждый элемент включен в общую систему, которая создается коллективным автором как результат множественных семиотических трансформаций. И любая деталь несет то или иное символическое значение, эксплицитное или имплицитное. Так, погасшая во время молебна Деве Марии свеча в руках Кабирии является символическим моментом, знаменует грядущую трагедию. Но как разгорается вновь зажженная свеча, так и женщина, угаснув, сможет зажечься вновь.

7. Модальность. Кинотекст является продуктом субъективного осмысления действительности коллективным автором. Так, произведениям рассматриваемого режиссера присущи итальянская эмоциональность, яркий национально-культурный колорит и зрелищность.

8. Прагматическая направленность побуждение реципиента к ответной реакции, которая в данном случае предполагает некоторое имплицитное действие, изменение в мыслях, чувствах, необязательно выражаемое вербально.

Прагматика кинотекста проявляется в том, что после его усвоения воспринятая концепция, порожденные ассоциативные связи переносятся на реальность. В этом проявляется и поучительная (не обучающая) функция. В процессе осмысления, анализа заложенных автором идей (на подсознательном уровне) зритель перенимает раскрываемый с помощью различных аспектов, включая вербальную речь, концепт, вырабатывая ту или иную его оценку и наделяя воспринятое собственным интерпретационным смыслом. Так, рассматриваемые произведения, с различных граней обнажая понятия конфликта и гармонии, призывают осмыслить их, выработать собственную позицию по отношению к ним, проводя своеобразный диалог со зрителем.

Все произведения Феллини посвящены концепту преодоления конфликта (внутреннего/внешнего), достижению гармонии, осознанию себя в окружающем мире и своей роли в жизни.

Работы режиссера субъективны, нередко лишены проспекции и ретроспекции, отличаются связностью, воплощенной чаще на имплицитном уровне, ярко выраженной антропоцентричностью, при этом раскрывая не человека как часть общества, но в его индивидуальности, внутреннем мире.

Изучение специфики кинотекста, его категорий и сторон – развивающаяся отрасль лингвистики, предоставляющая обширное пространство для исследований. Настоящая статья предполагает дальнейший анализ произведений мастеров киноискусства в рамках изучения специфики интерпретации киномира.

Список литературы

1. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 180-189.

2. Иванова Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2001. 16 с.
3. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 479 с.
4. Майенова М. Теория текста и традиционные проблемы поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. № 8. С. 425-441.
5. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. № 8. С. 5-39.
6. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
7. Усов Ю. Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8-10 классов. Таллин, 1980. 125 с.

АНГЛОСАКСОНСКИЙ МОНАХ – САДОВНИК И ВРАЧ (ОСНОВЫ МЕДИЦИНЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЕ)¹

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филол. наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

Образование врача в раннесредневековой Англии начиналось в монастырской школе. Заучивая ботаническую лексику, ученики знакомились с лекарственными растениями и их свойствами. Бенедиктинский устав предписывал иметь больницу в каждом монастыре. При больнице был врач, который одновременно работал и садовником, выращивая в монастырском саду все необходимые растения. Англосаксонские медицинские тексты показывают, что медицина в Англии VII-XI вв. была на европейском уровне.

Ключевые слова: история медицины, раннесредневековая медицина, история англосаксонской литературы, врач, садовник, медицинская литература, травник, лечебник, лекарственное растение.

В «Латинских беседах» Эльфрика Баты, написанных в 1-ой пол. XI в. для лучшего преподавания латинского языка, есть любопытный эпизод. Наставник разговаривает со своими учениками о том, как они проводят свободное время. Из беседы следует, что «отрокам» [4, 158] позволено гулять в монастырском саду, где они общаются с «садовником» – *hortulanus* [4, 156], который по совместительству оказывается еще и «врачом» – *medicus* [4, 156]. Большую часть «беседы» наставника и его учеников занимает перечисление растений, которые можно увидеть во время прогулки, причем особо подчеркивается, что часть растений ученики могут назвать только на своем родном языке.

На первый взгляд кажется, что списки растений составлены с единственной целью: чтобы «отроки» усвоили очередную порцию лексики неродного языка. Однако, по замыслу Эльфрика Баты, лексика, которую ученики монастырской школы выучивали, читая его «Латинские беседы», должна

---

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00123а.

была пригодиться им в повседневном общении на латинском языке. Какая сфера деятельности требует знания названий растений, можно заключить из самого их перечня. Все растения – и травы, и цветы, и деревья, – имеют ценность для составления лекарственных средств. Заучивая их названия, «отроки» могли знакомиться с основами медицины.

Англосаксы, видимо, впервые столкнулись с медициной, «основанной на научных представлениях» [15, 10] в конце VI в., когда в Англию прибыли миссионеры, посланные св. Григорием Великим, но свидетельства о преподавании этой дисциплины появились позже, когда архиепископом Кентерберийским стал Феодор Тарсянин (620-690), уроженец Тарса Киликийского, соотечественник Диоскорида (40-90 н.э.), автора медицинских сочинений, в частности их сокращенной версии *De Materia Medica*, посвященной лекарственным растениям. Сочинение Диоскорида было в период раннего Средневековья основной книгой по фармакологии [15, 15], и Феодор был, безусловно, с нею знаком. Среди учеников Феодора и его спутника и помощника в делах Церкви Адриана был Альдхельм, первый англо-латинский поэт и церковный писатель, который назвал медицину в числе предметов, преподававшихся в Кентерберийской школе [15, 11]. Другое свидетельство находим в «Церковной истории англов» Беды Досточтимого. Иоанн Беверлейский, по свидетельству Беды, критикуя работу врача, не вовремя сделавшего больной монахине кровопускание, ссылаясь на опыт Феодора Тарсийского, разъяснения которого Иоанн слушал в юности: «Я помню, что архиепископ Феодор ... обычно говорил, что опасно отворять кровь, когда свет луны прибавляется и наступает прилив» [15, 11].

Традиции греческой медицины долго сохранялись в Кентерберийской школе. Так, до наших дней дошел манускрипт под названием «Кентерберийский учебник», состоящий из двух частей. Один из текстов, входящих в эту рукопись, представляет собой стихотворения, написанные гекзаметром, которые интересны как свидетельство того, что англосаксы знали, помнили и передавали от поколения к поколению новым врачам медицинские термины греческого происхождения. Одно из стихотворений представляет собой род загадки, в которой автор просит читателя опознать и объяснить двадцать семь греческих медицинских терминов. Завершается это стихотворение следующими словами: «Если ты их не объяснишь, уйдешь без награды». Можно предположить, что это стихотворение представляло собой что-то вроде экзаменационного упражнения. Каждому его слову соответствует англосаксонская глосса [6, 49], и, вероятно, ученик, должен был не только дать перевод греческих слов, но и объяснить на своем родном языке, что они значат.

Ученики Феодора разъезжались по всей стране, например, Кеолфрид уехал на север Англии, где поступил в новооснованный монастырь Св.Петра и Павла, общины которого были в Веармуте и Ярроу. Кеолфрид (ум. 716) был духовным отцом и наставником Беды Досточтимого (672/3-735), пожалуй, самого знаменитого англосакса раннего Средневековья, богослова, ученого, церковного писателя. Слава Беды как энциклопедически образованного человека была так велика, что ему приписывался короткий латинский трактат

о кровопускании *De Minutione Sanguinis sive de Phlebotomia* – «О кровопускании, или флеботомии», на самом деле написанный не раньше IX в. [9, 45; 11, 16]. Ученик учеников Беды, Алкуин (ок.735-804), советник и друг Карла Великого, организовавший придворную школу и наладивший ее работу, получил образование в соборной школе Йорка, по тем временам лучшей в Европе. О том, что Алкуин усвоил в Йорке хотя бы начальные представления о медицине, говорит несколько фактов. В Йоркской школе читали и изучали Плиния [10, 101, 843С], скорее всего сочинение *Historia naturalis* – «Естественная история», а это была одна из книг, по которой учились средневековые врачи [15, 16]. Алкуин называл Плиния «весьма преданным изыскателем природных явлений (*rerum naturalium*)» [10, 90, 118В]. Составляя диалог «О диалектике», о последней дисциплине тривиума, Алкуин для большей ясности снабжал свои объяснения примерами, и понятие «уподобление» было проиллюстрировано следующим образом: «... “медицинский хирургический инструмент”, “медицинское предписание”, “медицинская наука”, “применение в медицине” как примеры “уподобления от предмета”, поскольку все эти понятия “от предмета”, то есть во всем происходят от медицины» [10, 101, 956А]. «“Это питье приносит пользу здоровью”, “этот врач приносит пользу здоровью”, “эта трава приносит пользу здоровью”» [10, 101, 956А], служили примерами «“уподобления по направлению к предмету”» [10, 101, 956А], поскольку все эти понятия «касаются одного [предмета], то есть здоровья» [10, 101, 956А]. Даже если Алкуину не приходилось самому пользоваться «медицинским хирургическим инструментом» или делать «медицинские предписания», примеры, связанные с медициной, легко пришли ему на ум. Наконец, пожалуй, самым красноречивым свидетельством знакомства Алкуина с медициной является программа школы при дворе Карла Великого. В стихотворении «Пришло письмо...» Алкуин начинает рассказ о положении дел в дворцовой школе с появления врачей, «Гиппократовой хитрой секты» [1, 151]. Сначала врачи осматривают больных: «Щупает жилы один, а другой притиранье готовит» [1, 151], затем дают им подходящие для их состояния здоровья лекарства: «Этот отвары из трав, тот вино молодое подносит» [1, 151]. Если «притиранье» и «отвары из трав» напоминают о фармацевтике [10, 82 193В], то «молодое вино» может относиться к области диеты и режима [10, 82 193В]. Еще раз знакомство со свойствами растений, с их применением для изготовления лекарств, с одной стороны, и для приготовления пищи, с другой, Алкуин продемонстрировал в знаменитом диалоге «Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином Схоластиком»: «*Пипин. Что такое коренья? – Алкуин. Друзья лекарей, слава поваров*» [2, 129].

Медицина занимала важное место среди так называемых «технических» [3, 4], то есть практических, дисциплин, которые предлагались для изучения в средневековой школе помимо «семи свободных искусств», входивших в программу обучения со времен Кассиодора (ок.487-ок.578) [3, 9]. У медицины, как и у всех практических дисциплин, было две особенности. Во-первых, подобные занятия оставляли после себя некий осязаемый результат: «нечто создается или что-то остается после действия, которое производит

мастер; ... некое служение исполняется, притом что Бог действует [через мастера]» [10, 107, 394В]. Во-вторых, «В этих всех искусствах опыт, [взятый] из прошлого, позволяет догадываться о будущем. Ни один мастер, [сведущий] в этих искусствах, не начнет действовать, если не соединит память о прошлом с предвидением будущего» [10, 107, 394В-394С]. Тем не менее, прикладной характер медицины вовсе не делал ее «неблагородным искусством». Св.Исидор Севильский в своих «Этимологиях» объяснял, что медицина исключена из числа канонических «свободных искусств» лишь потому, что их изучение должно предварять занятия этой наукой: «те содержат отдельные предметы, эта же [предметы] всех [наук]. Ибо врачу предписывается знать грамматику, чтобы он мог понять или истолковать то, что он читает. Равно и риторику, чтобы правдивыми умозаключениями он мог определить то, что исследует. Также и диалектику из-за того, чтобы, пустив в ход размышление, исследовать причины немощей и излечить их. Так и арифметику из-за числа часов в прибавлениях и периодах дней. Не иначе и геометрию из-за свойств областей и расположения мест, в которых он учит, что [там] человек должен наблюдать. Далее будет ему известна и музыка, ибо говорят, многое в больных людях совершается посредством этого искусства, как читаем о Давиде, ибо искусством [музыкальной] гармонии он вырвал Саула [из-под власти] нечистого духа. Наконец, ему будет известна и астрономия, посредством какового [искусства] созерцают устройство звезд и смену времен года, ибо, как сказал некий из врачей, в соответствии с их свойствами и изменяются и наши тела» [10, 82 197А-198А]. Иными словами, человек может успешно изучать медицину, лишь имея отличную общую подготовку. По мнению св.Исидора, медицина является «второй философией»: «поскольку и та, и другая дисциплина присваивает себе всего человека. Ибо как посредством философии исцеляется душа, так посредством медицины – тело» [10, 82 198А].

Св.Исидор перечислил три вида лечения, о которых нужно было бы узнавать будущим врачам: «первый род – диетический; второй – фармацевтический; третий – хирургический. Диета есть соблюдение порядка и образа жизни. Фармацевтика – лечение лекарствами. Хирургия – отрезание железными инструментами» [10, 82 193В]. Первый и второй виды лечения приводят на мысль «притиранье», «отвары из трав» и «молодое вино», упомянутые Алкуином в стихотворении о дворцовой школе.

Кассиодор, составляя программу для школы своего монастыря Виварий, перечисляет книги, которые предоставляют начальные медицинские знания: «Если вы не знаете греческой грамоты, сначала возьмите травник Диоскорида, который удивительным образом подробно рассказал о полевых растениях и описал их. После этого читайте Гиппократ и Галена, переведенных на латинский язык, то есть “Терапия” Галена, предназначенная для философа Главкона, и некого анонима, сборник которого из разных авторов заслужил одобрение. Затем Аврелия Целия “О медицине” и Гиппократ “О травах и снадобьях”» [10, 70, 1146D]. Таким образом, в раннесредневековой Европе обучение будущих врачей начиналось со знакомства с фармакологией, с составлением лекарств и целебных снадобий, а для этого им нужно было ознакомиться с растениями, части которых они могли использовать.

Наставники будущих врачей и сами должны были быть образованными людьми. В библиотеках англосаксонских монастырей хранились списки Диоскорида, галенова сочинения «Терапия, или К Главкону» (дошло три списка), Целия Аврелиана [5, 305], поэтому можно предположить, что в раннесредневековой Англии к рекомендациям Кассиодора прислушивались с большим вниманием. Кроме Диоскорида, источником сведений по фармакологии было сочинение Плиния *Historia naturalis*. Компильции из Плиния под названием *Medicina Plinii* (IV в.) имели весьма широкое распространение в Средние века [15, 15]. *Historia naturalis* послужило основой и другого знаменитого трактата по фармакологии, который назывался «Травник Апулея» (кон. V в.), или полностью «Травник Апулея Платоника, который он получил от Эскулапия и кентавра Хирона, наставника Ахилла» [11, 63]. Книга эта состояла первоначально из пяти частей – о пряностях, мазах, маслах, о частях животных и лекарствах животного происхождения, о травах и кореньях и о винах и минералах. Очень рано содержание сочинения Диоскорида для удобства практикующих врачей было переписано в алфавитном порядке, а потом сокращено. Кассиодору была известна латинская версия под названием *Herbarium Dioscoridi*, сообщающая только о лекарственных растениях. [15, 15-16]. Кассиодор упоминал также некоего «анонима» [10, 70, 1146D], труд которого, «сборник из разных авторов» [10, 70, 1146D], «заслужил одобрение» [10, 70, 1146D] читателей, видимо, опытных врачей. На роль «разных авторов» могли бы претендовать несколько античных и позднеантичных писателей-врачей, сочинения которых были известны и в Европе того времени, и в Англии. Это, например, Орибасий Пергамский (325-404), составлявший сборники наиболее важных отрывков из сочинений Гиппократ (460 г. до н. э.-между 377 и 356 гг. до н. э) и Галена (130-200). Его компилятивные труды также подвергались сокращению [15, 11]. На латинский язык эти сокращенные сочинения Орибасия были переведены в VI-VII вв. в Равенне, а оттуда попали во Франкию [15, 12]. Известен в Англии был и Александр Тралльский (525-605), также составлявший компиляции из сочинений Галена [15, 12], и Павел Эгинский (625-90), сочинения которого наполовину восходят напрямую к Галену, а также к компиляциям Орибасия и Александра Тралльского. Все эти источники по теории и практике медицины должны были быть известны Феодору Тарсянину [15, 11], преподававшему, как уже говорилось выше, в школе Кентербери. Спутник Феодора и его помощник в делах Церкви Адриан, уроженец провинции Африка, должен был знать сочинения Галена и Гиппократ, а также всю медицинскую литературу, которую знали в Александрии [15, 13], кроме того, он большую часть жизни провел в Италии. Перед тем как уехать в Англию в качестве помощника будущего архиепископа Кентерберийского, Адриан был настоятелем маленького монастыря Нерида близ Неаполя, а недалеко от Неаполя находится город Салерно, который еще во времена античности был климатическим курортом, где, видимо, уделялось большое внимание медицине. Недаром именно в Салерно в IX в. возникла первая в Европе медицинская школа. Живя в Нериде, Адриан мог познакомиться с латинской медицинской традицией. В Кентерберийской школе пре-

подавали и Феодор, и Адриан, так что их ученики могли получить наиболее полное на тот момент представление о развитии медицины на Востоке и Западе бывшей Римской империи. С конца VII в., когда первые англосаксонские миссионеры отправились на север Европы, монастыри в Англии и миссионерские центры на Континенте постоянно обменивались книгами, в том числе и медицинскими, а в эпоху Каролингов обращение за недостающей литературой в те монастыри, где можно было ее заказать, были ли это монастыри в Англии, Франкии или Италии, было уже делом обычным [15, 16]. Так, богатейшая библиотека в Йорке, где учился Алкуин, предоставила однажды книги Лупу Ферьерскому, поскольку он не мог найти в Европе то, что ему было нужно [15, 17]. Согласно английскому историку медицины С.Рубину, «в IX веке и знаменитая школа в Салерно, и англосаксы пользовались одними и теми же текстами, хотя и работали независимо друг от друга» [14, 59].

Молодым врачам было где применять свои знания: Бенедиктинский устав, постепенно распространявшийся в раннесредневековой Англии, предписывал, что «прежде всего и сверх всего должно заботиться о немощных, чтобы поистине служили им так же, как Христу, ибо Он сказал: «был болен, и вы посетили Меня» (Мф 25:36) и «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40)» (Глава 36. О немощных братиях) [13]. Сам настоятель должен был заботиться о том, чтобы «[немощные] не терпели никакого небрежения» (Глава 36. О немощных братиях) [13]. Им отводилась специальная «келья» [13] с банями, где больные могли мыться, «сколько раз полезно» [13], и назначался особый «служитель, боящийся Бога, и усердный, и внимательный» (Глава 36. О немощных братиях) [13]. Этот-то служитель и был врачом. Он же следил и за питанием больных: «вкусение мясной пищи, немощным, которые совершенно обессилели, позволяется для восстановления [сил], и когда они почувствуют себя лучше, пусть все воздерживаются от мяса по принятому обычаю» (Глава 36. О немощных братиях). [13]. В этом случае врачу помогает келарь, отпуская нужные продукты: «немощным... со всем вниманием оказывает заботу» (Глава 31. О монастырском келаре) [13]. В Бенедиктинском уставе можно увидеть возможности и для поддержания здоровья посредством режима: «Братиям немощным или слабым поручаются таковой труд или ремесло, чтобы они не были праздными, но и не угнетались или прогонялись суровостью труда. Их слабость должна быть принята в соображение настоятелем» (Глава 48. О ежедневном труде) [13].

О монастырских больницах раннесредневековой Англии известно немного. Обычно это были довольно большие помещения с часовней, трапезной и отдельной кухней для больных [14, 174, 175]. Представление об идеальной больнице раннего Средневековья может дать знаменитый план монастыря Санкт-Галлен. Хотя неизвестно, был ли этот чертеж когда-либо использован на практике, на нем показано все, что должно находиться на территории бенедиктинского монастыря. В идеальной больнице Санкт-Галлена есть бани, теплые спальни с каминами, комнаты для кровопускания [14, 175].

Есть и здание, состоящее из четырех помещений. Самое большое из них называется *domus medicorum* – «дом врачей», видимо, комната, где принимали больных. Из нее открывались проходы в *cubiculum valde infirmorum* – «комнату тяжелобольных», в *armarium pigmentorum* – «кладовую снадобий» – и в *mansio medici ipsius* – «жилище самого врача» [9, 14]. Рядом с этим зданием разбит садик, где посажены лекарственные растения: роза, горчица, фенхель, лилия, шалфей, мята, мята-блосница, розмарин [14, 176], грецкая сочевица, тмин, любисток, рута [9, 14], которые входили в состав целебных снадобий, изготавливаемых монастырским врачом.

Этот садик возвращает нас к «Латинским беседам» Эльфрика Баты, где также описывается «сад трав» [4, 156], или аптекарский огород. В беседе наставника и его учеников растения, которые можно найти в монастырском саду, делятся на деревья и травы, причем к деревьям относятся и кусты, например, остролист [4, 156], кизил [4, 156], ежевика [4, 156], а среди трав обнаруживаются такие кусты, как розы [4, 158]. Травы, в свою очередь, разделяются на те, «которые почти ежедневно можно есть, если их сварить» [4, 158], что заставляет вспомнить лечение диетой, и прочие, которые употребляются для составления лекарств. Высажены все эти растения в «саду трав» [4, 156], за которым ухаживает монах, исполняющий обязанности садовника и врача. «Отроки» [4, 158] называют его «старшим лекарем» [4, 156], и это позволяет думать, что в монастырской больнице работает не только он, но и его помощники, другие врачи и, возможно, их ученики. Хотя первые документальные свидетельства о том, что будущие врачи поступали в обучение к опытным старшим коллегам, относятся к началу XII в., в англосаксонских лечебниках проскальзывают упоминания о помощниках, например: «пусть тот, кто будет помогать тебе в изготовлении мази, трижды перетопит [животный жир]» [8, 7].

«Старший лекарь» часто готовит различные снадобья – «хорошие лекарства и мази» [4, 156], а все необходимое для этого берет в «саду трав» [4, 156], который он сам «весь год сажает, и окапывает, и поливает» [4, 156]. Съедобная «зелень», которая входит в рацион европейцев, включает в себя «капусту ..., петрушку, ... тимьян, сельдерей, чеснок, мяту, укроп» [4, 158]: однако и эти растения можно использовать в лечебных целях. Так, например, в сборнике под названием «Лечебник Бальда» при головной боли советуют взять «цветы укропа», «сварить их на медленном огне в растительном масле», а затем получившимся снадобьем «смазать виски [больного]» [7, 20]. С другой стороны, в «саду трав» находим множество растений, до сих пор используемых в народной медицине: Фенхель [4, 158], рута [4, 158] и роза [4, 158] входят в состав снадобья, применяющегося при болезнях глаз: «[возьми], смешав вместе, сок фенхеля, и сок розы, и сок руты, и шмелиный мед, и желчь козленка, и мажь глаза этим [снадобьем]» [7, 28]. Руту использовали и в лекарствах, облегчающих сердечную боль: «отвари пригоршню руты на медленном огне в растительном масле, добавь унцию алоэ, натирай этим [снадобьем] тело, и оно успокоит боль» [7, 60]. Во многие составы против кашля входит шандра [4, 158]: например: «при кашле возьми шандру,

вскипяти в эле, добавь перец» [7, 58]. Для лечения всех видов ран употреблялся подорожник [4, 158] в разных видах: «растолочь подорожник со старым салом» [7, 90] и использовать смесь в виде мази; «возьми семена подорожника, мелко раздроби, посыпь ими рану» [7, 90]. Часто в рецептах упоминаются разные виды полыни (в садике, описываемом Эльфриком, растет два вида – полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris*) [4, 158] и полынь горькая (*Artemisia absinthium*) [4, 158]). Полынь обыкновенная входит в состав противоядий [7, 110] и мазей от боли в ступнях [7, 68], а полынь горькая – в мази против болей в суставах [7, 132], против лихорадки [7, 134], тошноты [7, 188], болезней печени [7, 202]. Мак [4, 158] традиционно применяется в случае бессонницы [7, 152]. Цветы розы [4, 158] становятся сырьем для пластыря при болезнях кишечника [7, 232]. В рецептах часто упоминается «растительное масло» [например, 7, 60, 68]. Оно может быть льняным, горчичным, но также и оливковым. Эльфрик приводит два названия оливы. *oliva* [4, 158], оказывается более распространенным и встречается как в Новом Завете и других церковных текстах, так и у античных авторов, произведения которых обычно изучали в средневековой школе, например, у Вергилия. Другое, гораздо более редкое, *olea* [4, 158], можно найти у Катона, Цицерона, Колумеллы. Заучивая названия растений, «отроки» получали и практические, и теоретические знания о них, учились различать «травы очень хорошего рода и плохие» [4, 156], находить их и в монастырском саду, и, может быть, вне его, запоминали свойства и возможности применения съедобных и лекарственных растений.

Сведения о лечебных растениях во времена, когда были написаны «Латинские беседы» Эльфрика Баты, наставники монастырских школ могли почерпнуть не только из латинских, но и из англосаксонских медицинских текстов, которые начали появляться в Англии с начала X в., в том числе и как результат деятельности кружка переводчиков при дворе короля Альфреда Великого (849-899). Тексты на англосаксонском языке представляли собой и изложение медицинской теории, и рецепты лекарств, применявшихся врачами-англосаксами.

Самым ранним медицинским текстом на англосаксонском языке является уже упоминавшийся «Лечебник Бальда», написанный между 900 и 950 гг. Это «самый важный образец медицинской литературы, дошедший до нас от англосаксонского периода» [14, 55]. Лечебник принадлежал врачу по имени Бальд. Сам манускрипт создан неким Кильдом, возможно, также врачом [14, 55]. Сочинение состоит из трех книг, написанных одним почерком. В первой книге, состоящей из 88 глав, лекарственные средства, нужные для лечения тех или иных болезней, разделены на группы в соответствии с анатомией человека – «с головы до ног». Вторая книга (67 глав), в основном, представляет собой описания симптомов различных болезней, хотя и рецепты снадобий также там приводятся. Третья книга (73 главы) включает в себя различные разрозненные рецепты. По наблюдениям историков медицины, ««Лечебник [Бальда]» излагает учение греческих врачей, переданное латинскими врачами, ... длинные отрывки из Павла Эгинского, выписывавшего из

[сочинений] Галена и других греческих авторов, большие заимствования из Александра Траллского, отрывки из сочинений Филагрия о селезенке, описание операции на печени из сочинения Антилла, одного из самых знаменитых хирургов, которого хвалил Гален, оно было переписано Орибасием в «Медицинские выписки», оттуда попало в сочинение Петроцелла, а оттуда в Лечебник Бальда. ... большие куски из Петроцелла, основанные на Кассии Феликсе и Эскулапии-Аврелии, в свою очередь взятое из сочинения Целия Аврелиана, переводчика Сорана Эфесского» [15, 18]. Лечебник Бальда «включал в себя большую часть лучшей медицинской литературы, доступной на Западе в то время». [15, 19].

Другой знаменитый текст, известный под названием *Lacnunga* – «Целебные снадобья», был создан позже «Лечебника Бальда» [15, 21], но в нем обобщен опыт нескольких столетий медицинской практики на Британских островах. В этом манускрипте содержится около двухсот рецептов лекарственных средств и медицинских предписаний, заимствованных из многих источников – греческих, римских, византийских, кельтских, германских [15, 23]. Сам текст написан на англосаксонском и латинском языках, но есть и вставки на искаженном древнеирландском языке [12, xxvii].

«Англосаксонский травник», перевод сочинения Псевдо-Апулея, известный англосаксам, по крайней мере, с начала VIII в. (некий травник, возможно, латинский текст Псевдо-Апулея принадлежал Кюнехарду, епископу Винчестера, переписывавшемуся с Луллом, спутником одного из первых миссионеров-англосаксов Винфрида-Бонифация, Апостола Германии (1-ая пол. VIII в.) [15, 16]), появился во 2-ой пол. IX в. [15, 20] (по другим сведениям, ок.1000 г. [14, 46]). От англосаксонского периода истории Англии сохранилось четыре списка этого сочинения, что свидетельствует о его большой популярности в то время. Травник состоит из двух частей, первая, самая длинная, приписывается Апулею и состоит из 132 глав, вторая включает 51 главу, взятые из трактата Диоскорида (компиляция *De Materia Medica*, переведенная в VI в.). [14, 46].

Еще два манускрипта, менее известные и изученные, чем «Лечебник» Бальда, «Англосаксонский травник» или «Целебные снадобья», были созданы в скрипториях двух англосаксонских монастырей. Уже упоминавшийся «Кентерберийский учебник», иначе называющийся «Сборником лекарственных средств [против болезней]» был составлен в монастыре св.Августина, в Кентербери (сейчас хранится в Кембридже: *Cambridge, University Library, Gg. 5. 35*) [5, 305]. Кроме стихотворений, содержавших греческие медицинские термины, в него входило около двухсот разнообразных рецептов лечебных снадобий [6, 49]. Сборник из монастыря Рэмзи хранится в Оксфорде (*Oxford, St John's 17*) [5, 305]. В состав его входят тексты о четырех жидкостях тела и их размещении в теле и о кровопускании, его роли в поддержании равновесия между основными жидкостями организма, а также описания разных видов лихорадок, их причин и рецепты различных лекарств [6, 54].

Существует множество доказательств того, что списки упомянутых англосаксонских книг постоянно использовались их владельцами-врачами.

Например, композиция «Англосаксонского Травника» по сравнению с латинским оригиналом изменена так, чтобы практикующему врачу было легко пользоваться этой книгой. В манускрипте Bodleian Library MS Hatton 76 начало травника отмечено прикрепленной кожаной закладкой, чтобы сборник можно было сразу открыть на нужном месте [12, lxiii]. В манускрипте травника London, BL, Cotton Vitellius C.iii множество записей на полях, которые доказывают, что им часто пользовались [5, 304].

«Лечебник Бальда» или похожие манускрипты могли быть прекрасными учебниками основ фармакологии на том уровне, какой был вполне по силам ученикам монастырской школы. В I книге «Лечебника» есть фразы, которые могут указывать на то, что более опытные врачи учили молодежь: «Некие [врачи] учат нас, что...», «Врачи, которые были самыми мудрыми, учили, что ...», «Врачи учат, что никто...» [14, 99]. Здесь же встречаем имена двух врачей-англосаксов: «Окса научил нас этому целебному средству» [7, 120], «Лекарство для болезни легких; ему научил Дун» [7, 292].

Помощник врача должен был знать, где растет лекарственная трава, если ее нельзя найти или посадить в монастырском «саду трав»: «мята растет у проточной воды» [8, 59], «красная крапива растет вокруг жилища» [8, 53], «возьми крестовник, который растет на домах» [8, 49]. Иногда называется не только место сбора травы, но и приметы, по которым ее можно легко опознать: «При болезни легких у скота истолки траву, ... которая растет на дорогах, она похожа на траву, называемую «дерен» (?), на ней растут черные ягоды, большие, как горох» [8, 57].

Существовали определенные правила сбора трав для приготовления тех или иных лекарств, которые можно было усвоить не только на занятиях, но и на прогулках. Так, например, рута входит в состав множества снадобий, но лишь однажды, при составлении мази для больных глаз, встречаем такую деталь: «смешай сок дикой руты, покрытой росой и помятой [в ступке] ...» [7, 26], то есть руту надо было собрать прямо перед приготовлением лекарства, до восхода солнца. Как составная часть мазей использовались ягоды плюща, причем их собирали в определенное время года: «ягоды плюща, собранные в месяц, который мы по-латыни называем Януарий, а на языке англов второй месяц Йеола» [7, 214]. В разные снадобья входили семена растений, например, семена фенхеля, укропа, петрушки, любистока, буквицы, тмина, пижмы [7, 314]. В «Лечебнике Бальда» встречаем совет: «Заготовь себе достаточное количество порошка [этих семян] во время сбора урожая, когда у тебя есть лекарственные растения; пользуйся ими, когда будет нужда» [7, 316]. Определенным способом заготавливалась и кора различных деревьев: «возьми кору ясеня, и веточки ивы, и кору дуба, и кору мирта, и кору яблони, и кору бредины, и листья жимолости, и все эти виды коры нужно брать с нижней части деревьев, с восточной стороны» [8, 15].

Англосаксы, видимо, не знали точных мер и весов и постепенно начинали использовать римские меры. В рецептах указываются примерные количества веществ: «пригоршня» [7, 60], «равное количество» [7, 70], «столько белой соли, сколько можно захватить четырьмя пальцами» [7, 130]. Своеоб-

разной гирькой выступает монетка – «пенни», равная 1, 555 г.: «весом в один пенни» [7, 18], «весом в один пенни с половиной» [7, 288], «весом в два пенни» [7, 64], «весом в три пенни» [7, 52]. Жидкость можно измерять «ложками»: «полная ложка [травяного] сока» [7, 28]. «Унция» может быть, пожалуй, столь же точной мерой веса (27,3 г), сколь и пенни; в унциях измеряются и жидкости, и порошки. Обращает на себя внимание небольшой текст из II книги «Лечебника Бальда», который дает соотношение веса различных веществ: «Пинта (англосаксонское *pund*) растительного масла весит на двенадцать пенни меньше, чем пинта воды; и пинта эля весит на шесть пенни больше, чем пинта воды; и пинта вина весит на пятнадцать пенни больше, чем пинта воды; и пинта меда весит на тридцать четыре пенни больше, чем пинта воды; и пинта сливочного масла весит на восемьдесят пенни меньше, чем пинта воды; и пинта пива весит на двадцать два пенни меньше, чем пинта воды; и пинта муки весит на сто пятнадцать пенни меньше, чем пинта воды; и пинта бобов весит на пятьдесят пять пенни меньше, чем пинта воды; и пятнадцать унций воды равняются секстарию» [7, 298]. В приведенном отрывке указаны меры веса, которые могли помочь врачу при составлении лекарств, так как все упомянутые вещества использовались в англосаксонской медицине. Пинта равнялась 0,568 л, римский секстарий был равен 0,547, а секстарий эпохи Карла Великого соответствовал 3,2 л. Интересно, что за основу, за эталон, берется пинта воды. Ясно, что в процессе приготовления лекарств будущим врачам было необходимо знание арифметики и умение обращаться с весами.

В состав целебных снадобий входили не только растения, но и желчь животных, например, «желчь козленка» [7, 28], «желчь козы» [7, 26], «желчь кабана, желчь быка, желчь оленя» [7, 40], жир, например, «свиной жир» [7, 46], «жирные части речных рыб, вытопленные на солнце» [7, 30], молоко, («коровье молоко» [7, 26]), различные жидкости: вода [7, 18], вино и уксус [7, 19], шмелиный мед [7, 26], яичный белок [7, 19] и даже «морская вода» [7, 28].

Собранные и отмеренные количества растительного материала, и другие вещества нужно было переработать, например, «растереть в ступке» [7, 18], «истолочь и смешать с вином и растительным маслом» [7, 18], истолченную траву «положить в холодную воду, растереть, пока не взобьешь пену» [7, 18], «размять, смешать с уксусом и яичным белком» [7, 19], «растереть в порошок» [7, 48]. Готовые смеси проходят тепловую обработку: их кипятят на сильном [7, 18] или на медленном огне [7, 60] «в воде» [7, 18], «в растительном масле» [7, 19], «в сливочном масле» [7, 32], «в молоке» [7, 60], «в эле» [7, 58]. Отмечается температура, при которой готовят снадобье: «искусно подогрей на горячих углях или в горячей золе до готовности» [7, 30], и температура самого снадобья: «такое же теплое, как твоя кровь» [7, 62], консистенция лекарства: «свари на медленном огне до консистенции меда» [7, 30], «сделай густую мазь» [7, 18]. Иногда указываются особые условия приготовления лекарства: «положи [большой пучок травы] в кувшин вина и три дня вари на медленном огне в закрытом сосуде» [7, 30], «помести в мед-

ную бутылочку» [7, 30]. В лекарства для внутреннего употребления добавляют «чистейший мед» [7, 30] в разных количествах: «подсласти медом» [7, 19], «слегка подсласти» [7, 62]. Перед употреблением некоторые лекарства процеживают «через тряпицу» [7, 18]. Все эти действия мог выполнять помощник врача, его ученик, пусть и под присмотром и руководством своего наставника.

Лекарства принимают в виде мазей разной консистенции, порошков, отваров, масел. Интересен рецепт, согласно которому растение настаивается в воде: «При слабом зрении возьми зеленый фенхель, положи на тридцать дней в глиняный горшок с носиком, наполни дождевой водой, через тридцать дней выброси фенхель, и этой водой каждый день омывай глаза...» [7, 26].

Способы приема лекарств различны: маслами, в которых отваривали растения, «мажут голову» [7, 18, 19] или «виски» [7, 19]; при заболеваниях глаз лекарства употребляют в виде капель, если же это мазь, «положи в [больные] глаза перышком» [7, 28]; при боли в ушах «капай в ухо» [7, 40]. Отвары, настои, микстуры «пусть больной выпьет ... вечером натошак» [7, 18], «давай больному пить три раза в день» [7, 58]. Растения и другие вещества, переработанные в плотную массу, «дай больному пожевать» [7, 24]. Одним из способов лечения головной боли является «паровая баня»: «сделай паровую баню, так чтобы горячий пар попадал в глаза, затем горячими травами разотри место вокруг глаз» [7, 18]. Считалось, что и одержимость нечистыми духами можно лечить целебными снадобьями, но для этого нужно использовать святую воду и предметы, связанные с церковной службой, например, «питье для одержимого нечистым духом пить из церковного колокольчика» [7, 136]. Имеется в виду колокольчик, в который звонили пресвитеры во время богослужения. Отвары лекарственных растений использовали и для лечебных ванн: в корыто наливали отвар и клали «хорошо нагретые камни» [7, 68].

Лечение диетой и режимом также упоминается в «Лечебнике Бальда». Так, например, пожилые люди должны соблюдать особый режим дня, чтобы подольше оставаться здоровыми: «Глаза старика не имеют острого зрения. Он должен пробуждать свои глаза [к жизни] притираниями, ходьбой, верховой ездой, везут ли его в носилках или в повозке. [Старики] должны есть понемногу легкую пищу, и причесывать головы, и пить настой полыни перед едой» [7, 30, 32]. Зная эти правила, «отроки», которым, согласно «Латинским беседам» Эльфрика Баты, часто приходилось прислуживать старшим монахам, могли бы следить за тем, чтобы престарелые члены братии выполняли предписания врача. А вот диета при опоясывающем лишае: «пусть [больной] не ест ни молодого сыра, ни свежей гусятины, ни свежих угрей, ни свежей свинины, никаких [мясных] отваров, ни моллюсков без раковин, ни мяса птицы с перепончатыми лапами; если что-то из этого он ест, пусть пища будет засоленной; ни в коем случае не давать ему пить ни пива, ни вина, а еля умеренно» [7, 30, 88].

В I книге «Лечебника Бальда» болезни почти не описываются, подробным перечислениям симптомов посвящена более сложная по содержанию

II книга. Тем не менее, ученикам монастырской школы, пожалуй, не трудно было бы запомнить разницу между двумя заболеваниями, сопровождающимися «опухолью горла» [7, 46]. «Один вид [опухоли] в челюсти, и когда [больной] открывает рот, то [видишь, что] рот его и отек, и покраснел в том месте, где находится язычок; и человеку нелегко дышать, он задыхается; он также ничего не может глотать, не может и говорить, голос пропадает; эта болезнь, тем не менее, не опасна» [7, 46]. Возможно, это описание сильной простуды или ангины. Какой болезни может соответствовать следующее описание, не вполне ясно, возможно, это заглоточный абсцесс или гнойная ангина: «Другой вид этой болезни [таков]: когда в горле образуется опухоль и нагноение, [больной] совсем не может говорить, опухло не только горло, но и язык; [больному] трудно дышать, он не может повернуть шею или наклонить голову вперед, так чтобы увидеть пупок, и если быстро не начать лечение, то через три дня он умрет» [7, 46], тем не менее, точно названные признаки – не только отек горла, но и нагноение, распухший язык, затрудненное дыхание, невозможность наклонить голову – позволяют оценить степень опасности и принять меры.

Особенностью раннесредневековой медицины вообще и англосаксонской в частности была вера в силу произнесенного слова, будь это молитва, текст, освященный церковной традицией, или заклинание, плод народных, дохристианских верований. Христа нередко называли «Небесным Врачом», исцеляющим души. Так, в молитвах, собранных Алкуином для чтения по дням недели, говорится: «Христос Небесный, Целебное Лекарство, [данное] Отцом, Истинный Врач спасения человеков» («Гимн о немощных», приписывавшийся св.Амвросию Медиоланскому [10, 101, 556C]), «Врач мой Всемогущий» (молитва св.Григория Великого [10, 101, 602A]). Это же выражение в числе других Алкуин использует и в своем сочинении «О чтении псалмов»: «... Господи, Который есть Бог мой Живой, и Сила моя, Судья Праведный, Ты – Врач Всемогущий» [10, 101, 477D]. Мысль об исцеляющей силе слова воплотилась в развернутой метафоре, которую встречаем в одной из проповедей блаж. Иеронима Стридонского: «Господь перевязал раны его, влив в них вино и елей. Много целебных снадобий имеет Этот вот Врач, которыми Он обыкновенно исцеляет. Слово Его есть Его целебное снадобье. Иное Его слово стягивает [края] ран, иное их елеем омывает, иное в них вино вливает» [10, 95, 1382A-1382B]. Эта вера, подкрепляемая, как видим, авторитетом Святых Отцов, оставила свой след и в англосаксонских медицинских текстах. В «Лечебнике Бальда» приводится немало рецептов, неотъемлемой частью которых являются молитвы или заговоры, например: «При укусе гадюки возьми свою ушную серу, намажь место укуса и скажи трижды молитву св.Иоанна» [7, 112], судя по содержанию ее, молитву св.Иоанна Крестителя, поскольку он уходил в пустыню и там мог встретиться с самыми разными ядовитыми змеями и насекомыми. При заговоре от икоты, наведенной эльфами, необходимо было сделать лекарство из буквицы, фенхеля, люпина, нижней части травы сонная одурь (ядовитое растение белладонна – *Atropa belladonna*), мха или лишайника с «освященного знака Христа» [7, 346] [то

есть с каменного креста – М.Н.] и, прежде чем давать отвар из этих трав больному, пропеть над чашкой следующее: «Царь царей и Господь господствующих. [Св.] Вероника, [св.] Вероника. Йехе [древр. *Jahveh*]. Айус Айус Айус [грк. *hagios*]. Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф. Аминь. Аллилуиа» [7, 348]. Как видим, в состав этой «медицинской молитвы» входят цитаты из священных текстов, иногда сокращенные до одного слова, на разных языках, также считающихся священными. «Молитва» начинается фрагментом стиха из Откровения св.Иоанна Богослова: «Царь царей и Господь господствующих» (19:16). Фрагмент этот взят из описания победы Христа над темными силами: «... и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим. <...> Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: "Царь царей и Господь господствующих"» (Откр 11-12, 15-16). Затем дважды, для усиления воздействия, повторяется имя св.Вероники, которое должно сразу привести на память «Плат св.Вероники», в русской церковной традиции известный как «Спас Нерукотворный». Эту святую весьма почитали и в средневековой Европе, и в Англии, поскольку благодаря ее отваге и милосердию (она не побоялась подойти к Христу, шедшему на смерть с крестом на плечах, и отереть пот с Его лица) христиане получили *icona vera* – «истинное изображение» Спасителя. За именем св.Вероники идет «Йехе» – Яхве, Иегова, «Сущий», самое священное Имя Божие, под которым Бог открылся пророку Моисею. Серафимская песнь («Свят, свят, свят...», или *Sanctus*), одно из древнейших христианских песнопений, входящее в евхаристический канон как Западных, так и Восточных Церквей, приводится в этой молитве на двух языках – по-гречески (начало первой строки) и по-латыни (две трети первой строки). Приведенный текст взят из видения пророка Исаии: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис 6:1-3). Это славословие, вызванное созерцанием славы Божией, уместно в «молитве», читаемой для изгнания нечистых духов, повредивших больному. Заканчивается «медицинская молитва» традиционно – словом «Аминь», то есть «Истинно», и «Аллилуиа», буквально означающее «Хвалите Бога». Притом что в «молитве» нет ни одного текста, взятого из народной медицинской традиции, по функции она близка заговорам. Известно, что Англосаксонская Церковь не одобряла и не поощряла такие неканонические молитвы, но они все равно были известны и, судя по количеству церковных документов, запрещающих такого рода лечение, применялись достаточно часто.

Как видим, англосаксонский врач знал и умел многое. Он сам выращивал лекарственные растения, но при необходимости знал, где их найти за пределами монастыря. По симптомам он определял болезнь и готовил для

нее лекарства, следил за диетой и распорядком дня выздоравливающих больных. Он был для своего времени очень образованным человеком, и путь к врачебному мастерству начинался на занятиях в монастырской или соборной школе.

Список литературы

1. Алкуин. «Пришло письмо...» (пер. с лат. М.Р.Ненароковой)// Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2014. № 6. С.151-152.
2. Памятники средневековой латинской литературы. VIII-IX века / Отв.ред. М.Л.Гаспаров. М., 2006. – С.480.
3. Abelson P. The Seven Liberal Arts, A Study in Medieval Culture. NY, 1965. – P. 150.
4. Anglo-Saxon Conversations. The Colloquies of Aelfric Bata. ed. Scott Gwara. tr., intr., D.W.Porter. Woodbridge, the Boydell Press, 1997. – P. 208.
5. Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England / Ed. M.Lapidge etc. – Oxford, 2001. – P. 537.
6. Cameron M.L. Anglo-Saxon Medicine. Cambridge, 1993// <https://books.google.ru/books?id=hjK7zS81aUwC&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Malcolm+Laurence+Cameron%22&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwijnJLMgaPOAhXLVywKHfuNBGIQ6AEIJDA#v=onepage&q&f=false>
7. Leechdoms, Wortcunning and Starkraft of Early England. Ed.O.Cockayne. v.2. L., 1865. – P. 414,16.
8. Leechdoms, Wortcunning and Starkraft of Early England. Ed.O.Cockayne. v.3. L., 1866. – p.454.
9. Grattan J.H.G., Singer Ch. Anglo-Saxon Magic and Medicine. in 2 parts. p.1. Oxford. 1952. – p.234, ill.
10. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
11. Paine, J.F. The Fitz-Patrick Lectures for1903. English medicine in the Anglo-Saxon Times. Oxford, 1904. – P. 162, ill.
12. Pettit E. Anglo-Saxon Remedies, Charms, and Prayers from British Library MS Harley 585. The Lacnunga. v.1. Lampeter, Wales (UK), 2001. – P. 278.
13. Regula S.Benedicti// <http://www.intratext.com/X/LAT0011.HTM>
14. Rubin S. Medieval English medicine. London-New York, 1974. – P. 232.
15. Talbot C.H. Medicine in Medieval England. London, 1967. – P. 222.

СБОРНИК ЗАДАЧ АЛКУИНА «ЗАДАЧИ ДЛЯ ИЗОСТРЕНИЯ ЮНОШЕСКИХ УМОВ» И АНТИЧНОЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ¹

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филол. наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

В Средние века при разделении школьной программы на «тривиум» и «квадривиум» арифметика занимала первое место среди наук, связанных с числом. Средневековая

---

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00123а.

школа унаследовала методику преподавания арифметики от школы античной. В первую очередь учащиеся осваивали три способа счета (устный, на пальцах, при помощи абака). На следующем этапе обучения учились решать задачи. Заслуга Алкуина состоит в том, что он в своем сборнике задач обобщил и упорядочил опыт преподавания арифметики, накопленный в англосаксонских школах, и передал его школам раннесредневековой Европы.

Ключевые слова: история математики, Средние века, Англия, Европа, квадравиум, античность, задача, Каролинги, Алкуин.

В предисловии к своему сочинению *De Institutione Arithmetica* – «О наставлении в арифметике» Боэций писал: «[Арифметика, музыка, геометрия, астрономия] суть четыре дороги («квадравиум»), по которым мы должны путешествовать, посредством которых мы приводим возвышенный ум от знаний, предлагаемых чувствами, к большей определенности разума» [13, 150]. Среди наук «квадравиума» арифметика, «наука чисел» [14, 82, 154В], занимала первое место. Это мнение было впервые высказано Пифагором и его последователями [6, 41] и принималось как бесспорное математиками античности и Средних веков. Пифагорейцы, а за ними и Боэций, называли арифметику «матерью» остальных наук «квадравиума» [6, 41; 13, 150]. По словам Боэция, передававшего идею пифагорейцев, «арифметика потому ... первая, что те вещи, которые по природе предшествуют другим, становятся основополагающими элементами последующих вещей» [13, 151], ибо без чисел и вычислений, с которыми имеет дело арифметика, не будет ни музыки, ни геометрии, ни астрономии, ведь «музыке, и геометрии, и астрономии, которые следуют [за ней], не хватает арифметики, чтобы они могли раскрыть свои свойства [14, 70, 1204В]. Мысль Боэция о том, что «Бог, Творец огромного строения мира рассматривал эту первую дисциплину как знак Его собственной мысли и утвердил все вещи в согласии с ней; ... что посредством чисел предписанного порядка все вещи, являющие логику их Создателя, пришли в согласие» [13, 151], была развита Кассиодором, который обосновал первенство арифметики, ссылаясь на Свящ. Писание: «Наука арифметика подарена [нам], когда Бог Творец всех вещей установил устройство [мира] количеством числа, веса и меры, как говорит Соломон: «Ты все расположил мерою, числом и весом» (Прем. 11:21) Ибо творение Божие понимается как исполненное числом, когда Он в Евангелии говорит: «у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10:30). Так творение Божие установлено в числе, как Он в Евангелии свидетельствует: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» (Мф 6:27). Также пророк Исаия сказал: «Кто ... пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли» (Ис 40:12). Снова творение Божие испытывается как сделанное по весу, как говорит в Притчах Соломон: «взвешивал источники вод» [пер.М.Н.] (Притч 8:28), и немного далее: «когда подвешивал основания земли» [пер.М.Н.] (Притч 8:29)» [14, 70, 1150D-1151A]. В представлении образованных средневековых людей, обращавшихся к «Этимологиям» св.Исидора Севильского, история арифметики была представлена следующими именами: «науку числа у греков

первым описал Пифагор, а затем ее более пространно излагает Никомах, ее же у римлян изложили первым Апулей, затем Боэций» [14, 82, 155А].

Поскольку без постижения всех семи «свободных искусств» невозможно было заниматься ни философией или богословием, ни так называемыми «техническими» [11, 4], то есть практическими дисциплинами, то есть «медициной, сельским хозяйством, управлением» [14, 107, 394В], и в период раннего Средневековья, и позже, вплоть до XIII в., интерес к дисциплинам «квадривиума», в частности к арифметике не иссякал. Арифметикой и другими науками «квадривиума» занимались во всех значительных монастырских и соборных школах эпохи Каролингов, например, в Фульде, Райхенау, Санкт-Галлене, Майнце, Шпайере, Кельне, Корвее, Регенсбурге, Реймсе, Льеже, Лобахе [11, 91]. Практически все великие педагоги этого времени были известны преподаванием «квадривиума» и вкладом в развитие арифметики. Достаточно назвать имена Храбана Мавра, Хейрика Оксеррского, Ремигия Оксеррского, Одона Клунийского, Аббона Флерийского и, конечно, Герберта Орильякского (позже папу Сильвестра II) [11, 91-92].

Арифметика преподавалась как теоретическая наука и как прикладная. Теоретическая арифметика занималась «мистическими и символическими» [11, 95] значениями числа, природой единства, равенства, различных соотношений, пропорции [13, 148], то есть скорее философией чисел, а не повседневным их применением. Среди учебников по теоретической арифметике в первую очередь следует назвать трактат Боэция *De Institutione Arithmetica* – «О наставлении в арифметике», представляющий собой вольный перевод «Арифметики» Никомаха. Таким образом, благодаря Боэцию, средневековая школа знакомилась с греческим математическим наследием [3, 223]. Имя Боэция так тесно связывалось с арифметикой, что сам он стал символизировать эту науку. Так, одна из скульптурных композиций знаменитого Шартрского собора, построенного в XII-XIII вв., изображает науки «квадривиума», и в этой скульптурной аллегории статуя Боэция олицетворяет арифметику [4, 9]. Вплоть до XVI в. боэциев *De Institutione Arithmetica* – «О наставлении в арифметике» было стандартным школьным учебником в европейской школе [11, 96]. Очень распространенным учебником, из которого можно было почерпнуть сведения по теоретической арифметике, был трактат Марциана Капеллы *De Nuptiis Philologiae et Mercurii* – «О браке Филологии и Меркурия», посвященный всем семи «свободным искусствам». Глава об арифметике, как и сочинение Боэция, представляет собой пересказ никомаховой «Арифметики», изложенный в сокращении [11, 95-96]. Еще два текста – *De Arithmetica* Кассиодора [11, 96], часть его сочинения *De artibus ac disciplinis liberalium litterarum* – «Об искусствах и науках благородной учености», то есть программы школьного образования, принятой в кассиодоровом монастыре Виварий, и III книга «Этимологий» св.Исидора Севильского [11, 97], пожалуй, самой читаемой энциклопедии Средневековья, – являются еще более краткими пересказами Боэция.

С прикладной арифметикой дело обстояло несколько сложнее. Перед этой областью математики еще со времен античности ставились конкретные

задачи, «связанные с необходимостью арифметических вычислений и геометрических измерений и построений» [6, 32]. В Древней Греции прикладная математика получила название «логистики», и к ней относились «практическое использование четырех действий – сложения, вычитания, деления, умножения» [13, 148], «численное извлечение корней, счет с помощью вспомогательных устройств (типа абака), вычисления с дробями, численное решение задач, сводящихся к уравнениям первой и второй степени, практические и конструктивные задачи архитектуры, земледелия» [6, 32]. В эпоху Средних веков в латиноязычной Европе прикладная арифметика стала называться компутом (*computus*) и получила новую задачу – составление Пасхалии, вычисление даты первого дня Пасхи, так что слова *computus* и *arithmetica* стали восприниматься как синонимы [11, 94].

В период раннего Средневековья было создано несколько сочинений, посвященных проблеме составления Пасхалий. Одна из первых книг такого рода – «Исчисление пасхалий» (562 г.) – приписывалась Кассиодору [3, 222]. Трактат Беда *De Temporum Ratione* – «О счислении времен», в котором описывается метод вычисления первого дня Пасхи, служил стандартным пособием для клириков на протяжении всего Средневековья [11, 97]. Более того, в раннесредневековой Англии со времени написания этого трактата вплоть до Норманского завоевания невозможно было «рукоположиться во пресвитера, если человек не мог вычислить дату Пасхи и затем преподавать искусство вычисления Пасхалии, следуя писаниям Беда Досточтимого» [11, 91]. Беда написал еще одну книгу на эту же тему – *Liber de Ratione Computi* – «Книга о Методе Вычисления», но в ней его метод вычислений изложен более сжато [11, 97]. Трактат Алкуина *De Cursu et Saltu Lunae ac Bissexto* – «О прохождении и скачке Луны и високосном дне» также имеет дело с вычислениями, хотя это сочинение посвящено скорее астрономии, чем арифметике. [11, 97]. Наиболее полно проблема составления Пасхалий изложена в сочинении *De Computo* – «О вычислении» Храбана Мавра [11, 97]. Однако расчет Пасхалии выходит за пределы простых арифметических операций: «Первый день Пасхи устанавливается правилами, которые, по существу, дают решение в целых числах неопределенных линейных уравнений» [10, 325]. Чтобы научиться делать такие расчеты, нужно было сначала усвоить основы арифметики.

Общепризнанное утверждение, что средневековая школа унаследовала свою программу от школы античной, можно, как кажется, распространить и на методику преподавания предметов. Известно, что в античности большое внимание уделялось устному счету. Сохранилось упоминание о том, что в античном Риме до слуха прохожих, идущих мимо школы, доносились «звуки заучиваемой мальчиками таблицы умножения *bis bins quatuor* (дважды два четыре)» [5, 58]. Таблица умножения целых чисел в школьной программе дожила до XX в., по крайней мере, в России. Существовали и другие таблицы умножения, которыми пользовались на протяжении всего Средневековья, они облегчали действия с большими числами и дробями [3, 182]. Одной из раннесредневековых адаптаций этих таблиц был, видимо, «“счет” (*calculus*) Виктория, или Викторина (ок.460 г.), содержащий таблицы для действия с двенадцатеричными дробями» [3, 221].

Другим способом счета был счет на пальцах. Считать начинали с пальцев левой руки, затем переходили к правой, причем значение каждого из пальцев определялось его положением. Согласно Плинию, при легендарном царе Нуме Помпилии (к. VIII- нач. VII вв. до н.э.) намеревались воздвигнуть статую двуликого Януса, пальцы которого были сложены в число 355, ибо тогда считалось, что в году было 355 дней [3, 181]. Средневековая арифметика, начиная с Боэция, пользовалась пальцевым счетом, откуда в арифметическую терминологию Средних веков пришло «деление чисел на *digiti* “пальцы, или единицы”, *articuli* “суставы, или десятки” и *numeri compositi* – “составные числа”» [2, 255]. Полное описание римского счета на пальцах сохранилось в трактате Беда Досточтимого *Liber de Ratione Computi* – «Книга о Методе Вычисления» [8, 89], а поскольку многие сочинения Беда использовались как учебники вплоть до XVI в., то и этот способ счета не был забыт.

Третьим способом римского и вообще античного счета был счет при помощи абака. Впервые абак, как кажется, появился в Древнем Египте. Он представлял собой дощечку с нарисованными колонками, в которые помещали камешки. Колонки пересекала черта. Камешек выше нее равнялся пяти камешкам, расположенным ниже [1, 30]. Греки заимствовали абак у египтян, возможно, несколько усовершенствовав его форму. Греческий абак представлял собой деревянную или мраморную дощечку со столбцами, соответствовавшими разрядам чисел – единицам, десяткам, сотням, даже дробям. При помощи абака можно было выполнять четыре действия арифметики и операции с дробями. Так, например, «сложение с помощью абака производилось путем добавления камешков в нужный столбец, и когда их оказывалось пять, камешки убирали, а в столбец следующего, более высокого разряда добавляли один камень» [1, 29]. Римляне пошли еще дальше, вырезав в дощечке абака желобки, так что камешки в римском абаке можно было передвигать [1, 30]. В таком виде римский абак дожил до X в., когда его усовершенствованием занялся величайший математик раннего средневековья Герберт Орильяхский, позже Сильвестр II, папа Римский [2, 256].

На занятиях в раннесредневековой школе по аналогии с восковыми табличками для письма, на которых можно было стирать написанное, мог использоваться абак в виде подносика, посыпанного песком и разделенного на столбцы [2, 256], каким пользовались и в античном Риме [3, 181]. На протяжении столетий умение пользоваться абаком передавалось устно, и на нем можно было выполнять довольно сложные вычисления при помощи сложения и вычитания, умножения и деления [13, 155-156]. Только в X в. Герберт Орильяхский записал правила пользования абаком, посвятив это сочинение своему ученику Константину из Флери [4, 11].

Когда четыре действия арифметики были освоены, нужно было переходить к решению задач более высокого уровня. Со времен Древнего Египта существовали сборники задач (таков, например, папирус Ринда [7, 32]), некоторые задачи были даже стихотворными [1, 39].

При дворе Карла Великого, для занятий в дворцовой школе, также был создан сборник «Задачи для изострения юношеских умов», дошедший до

нашего времени в рукописи, датирующей примерно 1000 г. [10, 327]. Составителем его и автором части задач был англосакс Алкуин, советник и друг Карла. Исследователи полагают, что по этому сборнику занимался Герберт Орильякский (940-1003), которого за его математические таланты в Средние века называли «численным папой» [Пиковер, 78]

Алкуин получил образование в соборной школе Йорка, которая была лучшей школой в Европе VIII в. Можно только предполагать, каков был объем знаний Алкуина в области «квадривиума», однако его трактат *De Cursu et Saltu Lunae ac Bissexto* – «О прохождении и скачке Луны и високосном дне», упоминавшийся выше, посвящен проблемам и астрономии, и прикладной арифметики. Что касается уровня математических знаний в раннесредневековой Англии, следует учитывать, что многие англосаксонские школы были основаны учениками или учениками учеников Феодора, уроженца Тарса Киликийского, ученого грека, ставшего архиепископом Кентерберийским, и его спутника и помощника Адриана, уроженца римской провинции Африка, который, скорее всего, был хорошо знаком с александрийским математическим наследием.

Поскольку большинство задач в алкуиновом сборнике решается при помощи уравнений, можно предположить, что благодаря Адриану в раннесредневековой Англии стала известна «Арифметика» александрийца Диофанта (III в.н.э.), в которой «содержится систематизированный ряд задач, сопровождаемых объяснениями и решаемых с помощью составления уравнений разных степеней» [6, 73]. Как и в задачнике Алкуина, решения Диофанта записывались «словами – так, как мы пишем прозу» [6, 74]. Анализ алкуинова сборника позволяет предположить, что его автор и составитель был знаком с задачами, которые могли возникнуть в самых разных областях Римского мира.

Большое количество задач можно решить при помощи составления уравнений. Вот «Задача о некоем муже, идущем по дороге»: нужно сосчитать, сколько человек идет навстречу некому путнику, который сказал: «Хотел бы я, чтобы вас было столько же, сколько вас сейчас, и потом половина половины [была бы прибавлена], а затем половина от этого числа [была бы снова прибавлена]. Тогда вместе со мной вас всех будет сто человек» [12]. В двух задачах нужно определить возраст мальчика («Задача о том, как отрок приветствовал своего отца», «Задача о том, как некий старец приветствовал отрока»). Так, например, старец из «Задачи о том, как некий старец приветствовал отрока» приветствует отрока: «Будь здоров, сынок, будь здоров, говорит, и еще столько же, и трижды столько. И да прибавит тебе Бог один из годов моих, и исполнится тебе сто лет!» [12] Эти задачи напоминают и по способу решения, и по содержанию стихотворение-задачу, представляющую собой надгробную надпись на могиле александрийского математика Диофанта [6, 75].

Прах Диофанта гробница покоит; дивись ей – и камень
Мудрым искусством его скажет усопшего век.

Волей богов шестую часть он прожил ребенком.
И половину шестой встретил с пушком на щеках.
Только минула седьмая, с подругою он обручился.
С нею пять лет проведя, сына дождался мудрец;
Только полжизни отцовской возлюбленный сын его прожил.
Отнят он был у отца ранней могилой своей.
Дважды два года родитель оплакивал тяжкое горе,
Тут и увидел предел жизни печальной своей [6, 75].

Чтобы вычислить возраст Диофанта, нужно составить уравнение: $x/6+x/12+x/7+5+x/2+4=x$. Ответ: $x = 84$. Возраст Диофанта, согласно его эпиграфии, равняется 84 годам [6, 75].

Еще одна задача – «О свинарнике и свиноматке» – напоминает древнеегипетскую задачу из папируса Ринда [7, 32], упоминавшегося выше. Создатель папируса по имени Ахмес записал следующее: «В семи домах содержат по семь кошек. Каждая кошка убила по семь мышек. Каждая мышка съела по семь колосьев зерна. Каждый колосок дал бы по семь гекатов (мер) пшеницы. Сколько здесь всего перечислено?» [7, 32]. Эта задача в различных вариантах была весьма популярна в Средние века; один из вариантов находим в «Книге абака» Фибоначчи 1202 г. [7, 32]. Вполне возможно, что знали эту задачу и англосаксы. По мнению К.Пиковера, доказательством знакомства англосаксов с этой древнеегипетской задачей является детский стишок схожего содержания «Когда я шел в Сент-Айвз» [7, 32]. Стишок таков: «Когда я шел в сент-Айвз,/ Я встретил мужчину с семью женами,/ У каждой жены было семь мешков,/ В каждом мешке было семь кошек,/ У каждой кошки было семь котят,/ Котята, кошки, мешки, жены, – / Сколько всего [людей, кошек, и мешков] шло в Сент-Айвз?» [15, 376–7]. Ахмесова задача могла попасть в ранне-средневековую Англию благодаря Адриану, помощнику Феодора Тарсянина, архиепископа Кентерберийского. Алкуин пишет похожую задачу, заменяя кошек и мышей не менее привычными для средневекового человека существами – свиньями: «Некий глава семейства поставил новый квадратный загон, в который поместил свинью, и посреди свинарника она принесла 7 поросят, принесших вместе с матерью, которая была восьмой, в каждом углу еще по 7 поросят. И она сама еще раз в середине свинарника вместе со всеми рожденными ею принесла семерых» [12]. Ученикам нужно было вычислить количество свиней «со свиноматками» [12].

Алкуинова «Задача о беге собаки и бегстве зайца» напоминает знаменитую апорию древнегреческого философа-досократика Зенона, жившего в южной Италии, о соревновании героя Троянской войны Ахиллеса и черепахи [7, 42]. Алкуин заменил Ахиллеса и черепаху на гораздо более привычных собаку и зайца: «Есть поле, которое имеет в длину 150 футов. На одном конце стояла собака, а на другом стоял заяц. Рванула вперед эта собака, чтобы побежать за ним, то есть за зайцем. И когда эта собака делала в одном прыжке 9 футов, заяц перепрыгивал 7 футов» [12]. В этой задаче нужно вычислить и сколько прыжков сделают собака и заяц, и сколько футов они пробегут, пока собака не схватит свою добычу.

Довольно интересные задачи относятся к начальному этапу практического землемерия – умения измерять земельные участки. Еще Цицерон в «Тускуланских беседах» сетовал на то, что у римлян нет такого «блеска... математики таков, что ничем его не затмить» («Тускуланские беседы», I, 5), а все математические знания сводятся к «надобностям денежных расчетов и земельных межеваний» («Тускуланские беседы», I, 5) [9, 11]. В правление Юлия Цезаря (104-44 гг. до н.э.) в Александрии появились сочинения по практическому землемерию и геодезии, «применялись более точные формулы для вычисления площадей, границы которых отличались от прямоугольных» [3, 196]. Примеры землемерных задач можно было найти и в сочинении Колумеллы «О сельском хозяйстве» [3, 197]. Такие задачи Алкуина, как «Задача о поле неправильной формы» [12], «Задача о четырехугольном поле» [12], «Задача о треугольном поле» [12], «Задача о круглом поле» [12], позволяют представить, какого рода работа ожидает будущего землемера. Эти же навыки нужны и архитектору, и планировщику военных лагерей, и такие задачи, как «Задача о четырехугольном городе» [12], «Задача о треугольном городе» [12], «Задача о круглом городе» [12], снова отсылают нас к римскому опыту.

Часть задач относится к сфере юриспруденции: это задачи о разделе наследства. К этому же типу задач относятся задачи о раздаче хлеба из нового урожая членам семьи. Вот задача о наследстве: «Некий отец, умирая, оставил в наследство троим своим сыновьям 30 стеклянных бутылей, из которых 10 были полны растительного масла. Другие десять были полны наполовину. Третьи десять были пусты» [12]. Разделить наследство нужно так, чтобы все сыновья получили «свою долю и масла, и стеклянных бутылей» [12]. Этот тип задач был, видимо, очень распространен и в средневековой Европе, и в Византии, поскольку еще в XIV в. была составлена задача, принадлежащая перу византийца Михаила Плануда (1260-1310), прокомментировавшего диофантову «Арифметику» [10, 319]: «Умирая, отец разделил деньги поровну среди своих сыновей, первому дал одну монету и $\frac{1}{7}$ остатка, второму 2 монеты и $\frac{1}{7}$ остатка, третьему 3 монеты и $\frac{1}{7}$ остатка и т.д., но тут он умер, и требуется узнать сколько у него было сыновей и сколько монет» [10, 320]. Одна из задач о наследстве взята либо из учебника римского права, либо из какого-то более раннего математического сборника: «Некто, умирая завещал, что если его беременная жена разрешится мальчиком, то мальчик должен унаследовать $\frac{2}{3}$ имущества, а жена $\frac{1}{3}$; если же родится девочка, она получит $\frac{1}{3}$, а жена $\frac{2}{3}$. Родилась двойня – мальчик и девочка. Как разделить завещанное имущество?» [5, 58]. Решение этой задачи было предложено знаменитым римским юристом Сальвием Юлианом (II в. до н.э.): «Нужно все имущество разделить на семь равных частей, из которых сын получит четыре, мать две, дочь одну. Ибо таким путем сын в соответствии с завещанием получит вдвое больше, чем мать, а мать вдвое больше, чем дочь» [5, 59]. Алкуин воспроизводит эту задачу, заменяя абстрактное «имущество» [5, 58] суммой в 960 солидов [12].

При том, что со времени составления алкуинового учебника прошло около двенадцати столетий, он вовсе не устарел и все еще может использоваться

для преподавания математики. По мнению Ирины Анатольевны Дмитренко (г.Москва, ГБОУ «Гимназия 1563», г.Москва, Восточный округ, учитель математики, квалификация высшей категории), «эти задачи можно использовать в 5-6 классе в урочной и внеурочной деятельности (математический кружок). Но лучше всего он подходит для курса математики 5-6 классов (учебник Мордкович А.Г.) который включает следующие основные содержательные линии: арифметика; элементы алгебры; вероятность и статистика; наглядная геометрия. Наряду с этим в содержание включены две дополнительные методологические темы: множества и математика в историческом развитии, что связано с реализацией целей общеинтеллектуального и общекультурного развития учащихся. Содержание каждой из этих тем разворачивается в содержательно-методическую линию. При этом первая линия – «Множества» – служит цели овладения учащимися некоторыми элементами универсального математического языка, вторая – «Математика в историческом развитии» – способствует созданию общекультурного, гуманитарного фона изучения курса».

Значение алкуинова сборника в том, что математические задачи и упражнения, унаследованные от античности, были собраны воедино и послужили образцами для новых задач такого же типа. Сборник обеспечивал знания в математике, которые позволяли и двигаться дальше, и выбирать себе профессию. Применение «Задач для изострения юношеских умов» в современной школе может способствовать пробуждению интереса и к самой математике, и к истории этого предмета.

Автор статьи сердечно благодарит Ирину Анатольевну Дмитренко (г.Москва, ГБОУ «Гимназия 1563», учитель математики, квалификация высшей категории) за высокопрофессиональную консультацию.

Список литературы

1. Ахманов М. Просто арифметика. СПб, 2014. – с.176.
2. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия. в 3 т. Т. 1: С древнейших времен до начала Нового времени / под ред. А.П.Юшкевича. М., 1970. – С. 352.
3. Кольман Э. История математики в древности. М., 1961. – С. 239.
4. Матвиевская Г.П. Развитие учения о числе в Европе до XVIII века. М., 2012 – С. 232.
5. Свиридюк Г.А., Малышева Л.Н., Загребина С.А. Лекции по истории математики: учебное пособие. Магнитогорск, 2002. – С. 282.
6. Панов В.Ф. Математика древняя и юная. М., 2004. – С. 648.
7. Пиквер К. Великая математика. Пер. с англ. С.А.Иванова. М., 2015. – С. 543.
8. Филинова О.Е. Математика в истории мировой культуры. М., 2006. – С. 224.
9. Цицерон, Марк Туллий. Тускуланские беседы. М., 2016. – С. 360.
10. Юшкевич А.П. История математики в Средние века. М., 1961. – С. 224.
11. Abelson P. The Seven Liberal Arts, A Study in Medieval Culture. NY, 1965. – P. 150.
12. Flaccus Albinus Alcuinus. Propositiones ad acuendos iuvenes// https://la.wikisource.org/wiki/Propositiones_ad_acuendos_iuuenes

13. Masi, M. Arithmetic // The Seven Liberal Arts in the Middle Ages. ed. Wagner D.L. Bloomington, Indiana University Press, 1983. – P. 282.
14. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
15. Opie I., Opie P., The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes (Oxford University Press, 1951, 2nd edn., 1997), – xxvii, 467 p., [34]: ill.

ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕНИЙ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ

Прыткова О.А.

преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

В статье рассматривается проблема функционирования сокращений в англо-американской заимствованной терминологии рекламы в немецком языке. Приводится классификация типов сокращений, характерных для данной терминологии.

Ключевые слова: терминология, сокращения, акронимы.

Одним из способов словообразования является аббревиация. Сокращения и аббревиатуры являются важным источником пополнения терминологий науки и техники. Они относятся к сложной части терминологической системы, поскольку систематизация сокращений напрямую связана с необходимостью их расшифровки.

В настоящее время нет однозначного определения понятия “аббревиатура”. Некоторые ученые полагают, что аббревиация – это вид словосложения, другие считают аббревиацию способом словообразования. По мнению В.В. Борисова, сокращением является единица устной и письменной речи, созданная из отдельных элементов звуковой и графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания) [2, с. 100].

Существует несколько вариантов классификаций аббревиатур [1, 3, 4], изучив которые, мы скомбинировали свой вариант, отражающий особенности изучаемой нами терминологии.

Статистический анализ выборки терминов показывает наличие следующих видов сокращений в англо-американской заимствованной терминологии рекламы:

1. Инициальные аббревиатуры (сокращенная форма образуется только по начальным буквам терминологического сочетания (далее ТС) или термина), например: **ATL** < **Above-the-Line** – *заказываемая (казанная) реклама (рекламные мероприятия, которые заказываются сторонним организациям, а не выполняются сотрудниками фирмы или рекламного агентства)*, **BTL** < **Below-the-Line** – *внутреннее рекламирование, рекламирование своими силами (рекламные мероприятия, выполняемые сотрудниками компании без привлечения сторонних организаций)*, **CLP** < **City-Light-Poster** – *Сити-формат (рекламная конструкция размером 1,2x1,8м; размещается на пешеходных*

тратуарах), **PP < Product-Placement** – *продукт-плейсмент (использование в целях рекламы в сценах художественного фильма или в программе новостей какой-либо торговой марки или товара)*, **USP < Unique Selling Proposition** – *уникальное торговое предложение (одно из положений теории рекламной коммуникации, требующее, чтобы рекламное обращение было эффективным, конкретным, оригинальным)* и др.

2. Усечения (сокращенная форма образуется путем сохранения первого слога, реже второго или последнего в термине или в компонентах ТС):

а) усечения простых терминов, образованные путем сохранения первого слога в простом или производном термине, например: **Ad < Advertisement** – *рекламное объявление*, **Logo < Logotype** – *логотип* и др.;

б) сложносокращенные термины, образованные сложением частей слов и целых слов терминологического сочетания: **Megathon < Mega + Marathon** – *рекламный телефонный марафон (кампания по сбору средств, базирующаяся на телефонном маркетинге и предусматривающая работу нескольких операторов на приеме входящих звонков, обычно имеющая общенациональный масштаб)* и др.;

в) слоговые сокращенные термины с усечением первого элемента, например: **AdServer < Advertising Server** – *рекламный сервер*, **AdClick < Advertising Click** – *количество вызванных абонентом рекламных ссылок* и др.;

г) телескопические термины, образованные сложением начальной части первого слова и конечной части второго слова исходного словосочетания: **Advertainment < Advertising + Entertainment** – *развлекательная реклама*, **Infomercial < Information + Commercial** – *информационная реклама* и др.

3. Акронимы (сокращенные формы образованы или путем инициальной аббревиации, случайно совпавшей с общелитературным словом, или умышленного усечения одного и более компонентов ТС для удобства произношения), например: **AIR < Average Issue Readership** – *средняя аудитория одного номера (процент людей, читавших один номер исследуемого издания)*, **Dinks < double income, no kids** – *супружеская пара без детей, имеющая двойной доход (в маркетинговой классификации потребителей)* и др.

4. Гибридные образования (сокращается лишь часть компонентов ТС или сложного слова, другая же часть остается без изменений), например: **DAR-Test < Day-After-Recall-Test** – *тест на запоминаемость рекламы на следующий день после контакта с ней*, **POS-Material < Point of Sale Material** – *рекламные материалы в местах продажи* и др.

В результате анализа выборки выявлены инициальные сокращения и разного рода усечения как наиболее распространённые, количество акронимов и гибридов незначительно. Полученные данные свидетельствуют о низкой степени продуктивности сокращений в англо-американской заимствованной терминологии рекламы в немецком языке. Это объясняется тем, что подавляющее большинство сложных терминов и ТС в исследуемом подязыке являются двухкомпонентными, что не вызывает потребности в компрессии и экономии языковых средств.

Список литературы

1. Антрушина Г.В. Английская лексикология. М.: Высш. шк., 2001. 311 с.
2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия // Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат. 1972. 319 с.
3. Кондратьюкова Л.К. Становление и развитие терминологии вычислительной техники в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1984. 169 с.
4. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Томского университета, 1987. 198 с.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ

Прыткова О.А.

преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Омский государственный технический университет, Россия, г. Омск

В статье терминологическое переосмысление общелитературной лексики рассматривается как один из продуктивных способов образования терминов рекламы в немецком языке. Выявляется степень метафоризации немецкой терминологии рекламы.

Ключевые слова: терминология, терминологическое переосмысление, метафора.

Одним из актуальных вопросов терминоведения является вопрос о способах терминообразования, о путях формирования терминосистемы той или иной области знания. Среди наиболее продуктивных способов терминообразования ведущие отечественные терминоведы, а именно В.А. Татаринов, В.П. Даниленко и С.В. Гринев, выделяют:

- морфологический с использованием различных словообразовательных аффиксов, в зависимости от которых в рамках данного способа различают суффиксацию, префиксацию, префиксально-суффиксальный способ, субстантивацию;

- морфолого-синтаксический, к которому С.В. Гринев относит словосложение, эллипсис и аббревиацию [1, с. 27];

- синтаксический с образованием терминологических сочетаний (ТС) и фразовых терминов;

- семантический, заключающийся в переосмыслении ранее существовавших в языке слов;

- заимствования.

Данные способы терминообразования характерны для исследуемой нами терминологии. Исследование терминологической системы рекламы в немецком языке показало, что часть простых, производных и сложных терминов образовано путем терминологического переосмысления общеупотребительных слов.

Признавая тесную взаимосвязь терминологии и общелитературного языка, специалисты выделяют следующие способы терминологизации общеупотребительных слов:

- расширение или обобщение значения;
- сужение значения или близкая ему специализация значения, под которой понимается утрата словом более общего, широкого значения и замена его более узким, специальным;
- «тропеическое терминообразование», которое включает в себя метафорическое или метонимическое переосмысление семантической структуры, когда термин выступает как метафора или метонимия по отношению к общеупотребительному слову, которое его породило [2, с. 36].

Анализ составленной нами выборки терминов рекламы показал, что явление терминологизации характерно и для данного подъязыка. Процент терминов, пришедших из общелитературного языка, составляет одну пятую от общего объема выборки, а именно 19 % (597 терминов), что позволяет считать терминологизацию достаточно характерным способом терминообразования для подъязыка рекламы.

Взаимодействие словарного фонда рекламного дела с общелитературной лексикой, а также связанные с ней тенденции к дифференциации, интеграции и специализации, имело место на протяжении всей истории развития рекламы.

Большую роль в формировании терминологии рекламы на начальном этапе (XV – XVIII века) сыграла общеупотребительная лексика. Именно словарный состав общенародного языка является одним из основных источников, откуда черпается лексический материал почти всех терминологий науки и техники.

Процессу специализации значения в рекламной терминологии подверглась 351 терминологическая единица, например, **Accumulation** ~ 1. *накопление, суммирование, аккумуляирование*; 2. *рекл. метод подсчета аудитории, где каждый человек подсчитан однажды в пределах некоторого периода времени*; **Barte** ~ 1. *бартер, меновая торговля; натуральный обмен*; 2. *рекл. вещественная оплата эфирного времени товарами фирмы – рекламодателя (предназначенными для использования в качестве призов)*, **Anfang** ~ 1. *начало*; 2. *рекл. зачин (небольшой текст, раскрывающий основную мысль слога-на)*, **Messe** ~ 1. *ярмарка* 2. *рекл. коммерческое мероприятие с одновременным рекламированием своего продукта, цель которого – заключение торговых сделок и др.*

Одним из способов терминообразования в терминологии рекламы является метафорическое переосмысление. Под *метафорой*, согласно традиции, мы будем понимать переносы значения слова на основании сходства обозначаемых предметов или явлений по тем или иным признакам или выполняемой функции.

Наша выборка немецких терминов рекламы содержит 246 терминов, образованных путем метафоризации. Однако следует отметить, что из всего количества терминов, образованных данным способом, лишь небольшое ко-

личество составляют термины, образованные на немецком языковом материале. Основное же количество терминов представляют собой англо-американские заимствования различной степени ассимиляции (86 % англо-американских заимствованных терминов против 14 % исконно немецких терминов). Это можно объяснить стремлением немецких специалистов образовывать термины более сдержанные в содержательном плане.

В результате исследования процесса метафоризации общеупотребительных слов в изучаемом подязыке были выделены группы терминов, возникших в результате метафоризации значения:

а) по сходству формы, вида, например, **Gatefold** ~ *сложенная (рекламная) вкладка в журнале* (двойные, или тройные страницы, в основном в журналах, которые разгибаются в большой рекламный лист, т.е. страницы напоминают открывающиеся или закрывающиеся ворота); **Insel** ~ *“остров” (рекламное обращение, окруженное редакционным материалом)*, **Body-Copy** ~ *основная часть рекламного текста* (где body = тело → **Body-Copy** = тело текста) и др.;

б) по сходству принципа действия, например: **Teaser** ~ *«дразнилка», «затравка», дразнящее рекламное объявление (не сообщающее всей необходимой информации, но содержащее указание на то, что отсутствующие сведения будут даны в последующих публикациях или на последующих цитатах)*; **Jingle** ~ *1. рекламный куплет, музыкальный рекламный ролик; музыкальный логотип*; **Drop** ~ *1. понижение, снижение; падение, спад; 2. «заброска», распространение (рекламных) материалов по принципу «в каждую дверь»* и др.

Сходство термина **Wobbler** ~ *«раскачивающаяся» реклама* основано на действии общелитературного глагола **to wobble** (*качаться из стороны в сторону*). Воблерами называют рекламные стенды, которые закрепляются таким образом, чтобы при ветреной погоде могли раскачиваться. Термин **Sticker** ~ *стикер, наклейка* основан на действии глагола **to stick** (*липнуть, приклеиваться*). Стикер имеет клейкую основу, и его можно приклеивать на любую сухую поверхность.

Метафора в современном языке науки представляет собой достаточно распространенный способ терминотворчества среди семантических видов терминообразования и является неотъемлемым фактором в познании человеком действительности. Термины-метафоры возникают в результате установления сложных ассоциативных связей между вещами и явлениями окружающего мира, в результате сложного когнитивного процесса.

Список литературы

1. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
2. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов//Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971. 67 с.

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Саяхова Д.К.

магистрант кафедры лингводидактики и переводоведения,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются особенности категории модальности и перевода модальных глаголов с английского на русский язык, а также с русского на английский язык. Автор исходит из того, что при переводе модальных глаголов необходимо учитывать несоответствие средств выражения модальности в английском и русском языках.

Ключевые слова: категория, модальность, русский язык, английский язык, значение, перевод.

Модальность является одной из наиболее сложных для исследования категорий в переводоведении. Несмотря на то, что проблеме модальности посвящены труды многих зарубежных и отечественных лингвистов, до сих пор не существует единого мнения по вопросу определения категории модальности [3, с.1353; 6, с. 55]. Основные положения, определяющие сущность категории модальности изложены в трудах таких ученых, как Ахманова О.С., Байби Дж., Беляева Е.И., Виноградов В.В., Палмер Ф.Л., Романова Т.В., Фоулер Р.

В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах» характеризует это понятие следующим образом: «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [2, с. 55]. Согласно определению Джоана Байби, категория модальности в лингвистике выражает различные типы отношения между четырьмя факторами коммуникации: говорящий, слушающий, содержание высказывания и действительность [8, с. 129]. Почти такого же мнения О.С. Ахманова. Она рассматривает модальность как понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражающуюся различными лексическими и грамматическими средствами, такими как форма и наклонение, модальные глаголы и т.д. Модальность может иметь значение утверждения, приказания, пожелания, допущения, достоверности, ирреальности и др. [1, с. 228]. Модальность может быть выражена различными лингвистическими средствами, которые требуют особого внимания, поскольку представляет большую трудность в процессе перевода из-за несоответствия средств выражения модальностей [5, с. 718]. Согласно Я.И. Рецкеру, модаль-

ность может выражаться теми же средствами, какими она выражена в оригинале, или другими средствами, или же вовсе не находить эквивалентного выражения [4, с. 166-171].

В русском языке наблюдается похожая картина, однако существует некоторые различия при передаче разных типов модального значения.

Значение необходимости какого-нибудь явления, выражается главным образом соединением инфинитива с безличными глаголами *приходится, остается, следует, стоит, суждено, следует и т.д* [6; 7, с. 86]. Значение желания, намерения, стремления произвести какое-нибудь действие выражается преимущественно сочетаниями инфинитива с глаголами: *хотеть, желать, намереваться, пытаться, готовиться, предполагать, думать, и др.*, а также сочетанием инфинитива со словами: *нельзя, пора, можно, важно, надо, жалко, стыдно, тошно, завидно, грустно, больно, лень, охота, недосуг и т.п.* Вводные слова (*к сожалению, к изумлению, к счастью, к несчастью, к стыду, без сомнения, без преувеличения, по мнению, по словам, по слухам, видимо, естественно, очевидно, бесспорно, верно, возможно и т.д.*) также выражают различные модальные оттенки [2, с. 65-68]. Английский язык изобилует модальными значениями по сравнению с русским языком. В английском есть более разработанный набор модальностей, который позволяет говорящему выражать тончайшие оттенки значения, включая различные степени требования, обязательства или желания. Такой феномен, прежде всего, заметен в модальных глаголах. Существует множество способов выражения модальности вынужденности или обязательства в английском языке: *you must do it/ you have to do it/ you are to do it/ you should do it/ you are supposed to do it*. Сравним следующие примеры из газеты The New York Times и их переводы на русский язык: *The day of the raid, there was to be an auction for Sayana* [The New York Times 2013, Nov. 17]. *В день нападения там должен был быть аукцион по Саяну; We knew we had to develop him, but we felt that the kid has the opportunity to be a very special one* [The New York Times 2013, Nov. 17]. *Мы знали, что должны были его развивать, но чувствовали, что у ребенка есть возможность быть особенным.*

Модальные значения английских предложений переведены на русский язык с помощью одного глагола *должен (должен был)*, который является эквивалентом английского модального глагола *must*. В различных контекстах прагматическое значение глагола *должен* такое же, как и у английских глаголов *must, have to (had to), is/are to (was/ were to)*. Но для англичан важно разграничивать степени требования для того, чтобы избежать прямоты и навязывания слушателю обязательств, поэтому у них есть различные средства выражения требования. Для представителей же русской культуры это не так важно, поэтому язык не предоставляет им большого выбора средств для выражения данного значения. В задачи переводчика входит умение видеть эти различия и выбрать надлежащий модальный глагол при переводе на английский язык. Для верного определения значения модальности важную роль играют классификации модальности в русском и английском языках, в которых описаны средства выражения того или иного модального значения. Су-

ществуют различные классификации модальностей и способы их категоризации. Например, британский лингвист Ф.Р. Палмер различает две основные модальные категории в рамках нереальности (категориальное значение реальности у него выведено за рамки модальности):

1. Пропозициональная модальность, которая «выражает субъективное отношение говорящего к достоверности и реальности пропозиции/ее соответствию действительности. *Kate may be at home now. → It is possible that Kate is at home.*

2. Событийная модальность, характерная для высказываний, обозначающих потенциальные, не актуализовавшиеся еще ситуации, содержащие, в отличие от предыдущих высказываний, элемент желательности. *Kate may come in now – It is possible for Kate to come in now* [10, с. 8].

Их основное различие сводится к сфере действия. Пропозициональная модальность характеризует всю пропозицию в целом. Для иллюстрации данного высказывания ученый приводит следующий пример: *The library must be closed today. It is probable that the library is closed today.* Событийная модальность же относится только к предикату и обозначает отношение действующего лица к соответствующему действию, состоянию, событию: *The library might close early. It is possible for the library to close early* [10, с. 9].

Другой британский лингвист, Р. Фоулер, предлагает пять категорий модальности, которые показывают отношение говорящего к суждениям, которые он высказывает. Говорящий может выражать большую или меньшую уверенность в истинности суждения, предсказуемость – будущие события с определенной долей вероятности, желательность – эстетическое суждение говорящего, обязательство – говорящий судит о том, что должен сделать слушатель, разрешение – одобрение действия адресата [9, с. 72].

Таким образом, категория модальности занимает важное место в лингвистике и представляет трудности в процессе перевода. Это связано как с самим пониманием модальности, поскольку до сих пор не существует единого мнения относительно проблемы определения понятия модальности и выделения ее основных видов, так и несовпадением средств выражения данной категории в английском и русском языках.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1996. 624 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. М.: Просвещение, 1950. 105 с.
3. Вотинцева Е.В., Фаткуллина Ф.Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университет. 2015. Т.20, №4. С. 1352-1355.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
5. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г., Модифицированная герменевтическая модель перевода (на материале художественных текстов) // Материалы XLIV Международной филологической конференции, 10 по 15 марта 2015 г. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 718-719.

6. Фаткуллина Ф.Г. Семантическая деривация в сфере глаголов деструктивной семантики // Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015, С.50-57.
7. Фаткуллина Ф.Г., Башарова Р.Р. Семантическая характеристика глаголов разрушения в русском языке // Современные направления теоретических и прикладных исследований 2011. Том 25. Философия и филология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 85-88.
8. Bybee J.L., Perkins R., PagUuca W. 1994 – The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
9. Fowler, H. R. The little, brown handbook / H. R. Fowler, J. A. Aaron. – 4th ed. Glenview, 1989.
10. Palmer F. Modality in English: Theoretical, descriptive and typological issues // Modality in contemporary English. Mouton de Gruyter. Berlin New York, 2003.

ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ МОДЕЛИ V3s

Свинцова И.Ю.

профессор кафедры русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Ханкук университет иностранных языков, Республика Корея, г. Сеул

В статье анализируются логико-синтаксические типы безличных конструкций модели V3s, уделяется внимание приосновным распространителям – детерминантам с пространственным и временным значениями.

Ключевые слова: безличность, синтаксическое лицо, логико-синтаксический тип, бытийность, характеристика, тема, детерминант.

Вопрос о безличных предложениях по-прежнему продолжает оставаться одним из наиболее спорных в кругу синтаксических проблем. Это происходит по разным причинам, наиболее общей из которых является неразличение уровней грамматической организации и семантической структуры предложения [3].

В настоящее время среди лингвистов нет единого мнения об односоставности/двосоставности безличного предложения. Сложности возникают при определении такой комплексной категории, как синтаксическое лицо, охватывающей различные уровни предложения – формально-грамматический, коммуникативно-смысловой, функционально-стилистический. Поэтому и оказываются различными точки зрения на субъект и предикат, на их реализацию в предложениях, называемых безличными. Наконец, различны объем и критерии отбора предложений в группу безличных.

Нас будут интересовать предложения, соответствующие следующей структурной схеме V3s, где предикат – безличный глагол (или личный глагол в безличном употреблении) в форме 3 лица единственного числа. Это традиционная схема русских простых безличных глагольных предложений. Однако, когда речь заходит о семантическом наполнении таких конструкций, естественно опираться на тезис о более широком комплексе компонентов, необходимых для реализации предложением функции содержательного сообщения. Необходимо учитывать и логическую сторону вопроса.

Логическая организация мысли отражается в определенных синтаксических структурах. Для современного русского языка наиболее существенными считаются следующие логико-синтаксические типы предложений [2, с. 7]:

- 1) бытийные или экзистенциальные предложения;
- 2) предложения тождества или идентификации;
- 3) предложения характеристики.

В бытийных предложениях «утверждается существование в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками», т.е. отражается «пространственно-предметный аспект мира» [2, с. 8].

Логическая схема включает максимально три члена: область бытия – факт бытия – бытующий объект. Внутри группы бытийных предложений выделяются два разряда в зависимости от того, что представляется в качестве области бытия: пространство или класс предметов.

В лесу// на улице (пространство) вьюга.

В его картотеке (класс предметов) есть книги по искусству.

В предложениях тождества утверждается идентичность объектов, которые в языковом плане выражены по-разному:

Молодые люди в коридоре и есть мои студенты.

Она не та, за кого себя выдает.

В предложениях характеристики выражено логическое суждение, эксплицирована субъектно-предикатная структура. Субъект относится «к конкретному предмету, классу предметов или части класса, а предикат выражает признак, свойство, действие, состояние, процесс, принадлежность к классу, местопребывание предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, отношение к другим предметам, время (если субъект означает событие)» [2, с. 10].

Кроме того, предикат может характеризовать субъект-лицо по внешним данным и по внутреннему содержанию:

Летом семья обычно ездит отдыхать за границу.

В шкафу стоит хрустальная ваза.

Совершенно очевидно, что безличные структуры V3s не могут быть причислены к типу идентификации [2, с. 9; 1, с. 24].

Если же соотнести эти структуры с другими логико-синтаксическими типами, то можно заметить, что часть из них войдет в группу бытийных (*Вечерело. За окном рассвело.*), а другая – в группу предложений характеристики (*Мне нездоровится. В голове все еще шумело.*) Это объясняется тем, что семантика безличных предложений, т.е. отражение процессуально-статального состояния природы, среды, некоего пространства, отражение физического и психического состояния живого существа, соотносима с семантикой предложений бытийного типа и типа характеристики.

В обоих типах присутствуют приосновные распространители – детерминанты – чаще всего с пространственным и/или временным значением. Круг их очень широк, они могут представлять область бытия как нечто реальное:

- а) мир в целом, фрагмент мира;

б) внешний и внутренний, физический и психический микромир человека.

Или представлять некое «идеальное пространство» [2, с. 16].

Такие распространители Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев называют квазилокализаторами, приписывая им два значения:

а) продукт, проявление познавательной (речевой или артистической, художественной) деятельности человека;

б) события, явления, состояния.

Присутствие приосновных распространителей с пространственным и/или временным значением в предложениях структурной схемы V3s – явление почти облигаторное. Как член с конкретной референцией, распространитель связывает, соотносит понятие о действительности с самой действительностью. Отсутствие распространителя в таких предложениях, его лексическая невыраженность указывает на наличие незамещенной синтаксической позиции, на возможность его «извлечения» из контекста.

Несмотря на представленные выше характеристики бытийного типа и типа характеристики, очень часто определить однозначно принадлежность к какому-то из них бывает сложно. В качестве примера проинтерпретируем конструкцию типа *В лесу похолодало*. Приосновный распространитель определяет область бытия (как фрагмент мира) – *лес*, где имеет место такое явление, как *похолодание*. Это описание реальной, актуальной, конкретной ситуации: «наличие» факта похолодания в определенном, в какой-то мере ограниченном пространстве. Но поскольку налицо предикативный признак, «охватывающий» всю область бытия, можно предположить, что «лес» является объектом характеристики. Тогда мы будто имеем дело с предложением характеристики. Эта «двойственность» объясняется неразличением семантического и коммуникативно-семантического аспектов предложения. И когда на семантическом уровне будет доминировать бытийность, на коммуникативно-семантическом – характеристика.

С нашей точки зрения, предложения бытийного типа, в которых лексически выражена область бытия, являются своего рода разновидностью предложений характеристики.

Безличные глагольные предложения типа V3s с детерминантами пространственного и/или временного значения, а также с вербализованным заместителем субъекта в косвенном падеже, амбивалентны. Они, в свою очередь, со всей очевидностью доказывают, что тип характеристики шире бытийного, так как область бытия предиката, сфера действия предиката, эксплицированная при помощи названных выше компонентов, может являться и объектом, и предметом, и субъектом характеристики.

В пользу сказанного свидетельствует и тот факт, что в обоих типах – и в характеристике, и в бытийном – может использоваться одинаковое лексическое обозначение области бытия, соотношенной с действительностью.

С точки зрения коммуникативного членения предложения это будет тема (Т) или часть темы:

1) В саду (Т) // прохладно, гуляют люди.

Что происходит в саду?

2) В саду (Т1)/ бабушки (Т2) // гуляют с внуками.

Что делают бабушки в саду?

Поскольку «утверждение существования в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками» [2, с. 8] – это тоже своего рода логическое суждение, характеристика какой-то области бытия с точки зрения наличия кого- или чего-либо, постольку предложения типа *На улице вьюга* и *На дворе подмораживает* амбивалентны: бытийные (по факту бытия) и характеризующие (по области бытия), либо они представляют собой особый тип – бытийно-характеризующий.

Итак, безличные глагольные предложения типа V3s с детерминантами пространственного и/или временного значения, а также с вербализованным заместителем субъекта в косвенном падеже, амбивалентны и представляют собой бытийно-характеризующий тип.

This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2016.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Референция имени и структура предложения// Вопросы языкознания. 1976. №2. С. 24-35.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: бытийный тип. М. 1983. 198 с.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л. 1941. 620 с.

СПЕЦИФИКА ИНСПИРАТИВНОЙ И ДЕКЛАРАТИВНОЙ ФУНКЦИЙ В ТЕКСТАХ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «КЛЯТВА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сиразиева З.Н.

доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков,
канд. филол. наук, Казанский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации, Россия, г. Казань

В статье рассматриваются прагмалингвистические особенности функций в текстах речевого жанра «Клятва», анализируются специфика и средства реализации инспиративной и декларативной функций. В русской и английской лингвокультурах традиция произнесения клятвы подразумевает выполнение определенных нормативных условий, таких как торжественность обстановки, наличие атрибутов, демонстрация адресантом отношения к будущим действиям в новом качестве (должности). Функции клятв связаны непосредственно с позицией адресанта и адресатов и коммуникативной цели произнесения клятвы, функционирующей в институциональных дискурсах: медицинском, политическом, военном, педагогическом, юридическом и спортивном.

Ключевые слова: клятва, функция, декларирование, адресант, адресат.

Текст клятвы произносится в соответствующих нормативных условиях (присутствие адресанта и адресатов, наличие атрибутов, определенный сце-

нарий, длительность церемонии) и обязывает адресанта выполнить определенное действие.

Инспиративная функция актуализируется в способности клятвы служить инструментом и механизмом воодушевления и обусловлена общей пресуппозицией адресанта и адресата(-ов). Новый врач, произнося клятву, вселяет в слушающих надежду на излечение и высокое качество оказания медицинских услуг. Новый судья – на справедливость и порядок в обществе. Президент – на процветание нации. Маркерами служат номинации возвышенных эмоций (*use treatment to help the sick, защищать права, свободы и интересы доверителей, верно служить народу*) и похвала в адрес адресата (*дорожить их доверием, видеть и уважать в ученике личность, послужит славе, величю и процветанию моей Родины – великой России!, for the glory of sport and the honour of our teams*).

Подобным образом, общая пресуппозиция участников индуцирует общие семантические смыслы конситуации клятвы: воодушевленность, торжественность, официальность, значимость происходящего, облигаторность клятвы для общества и др.

Декларативная функция заключается в том, что отправитель дает понять реципиенту, что данный текст создает новую реальность. Успешное произнесение текста клятвы означает установление определенного положения дел будущей профессии.

Декларативная функция актуализируется в провозглашении принципов действий адресанта, декларировании долга, профессиональных обязанностей и проблем в спектре интересов адресата. Декларирование **долга** включает провозглашение адресантом **морального долга** перед адресатом (*воздерживаясь от ... несправедливости; будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного; ничего не скрывая, не искажая и не замалчивая; не опускаясь до вражды, хулы и клеветы; keeping myself free from all intentional wrongdoing and harm; will keep them from harm and injustice; I will abstain from harming or wronging*), **патриотического долга** (*горячо любить свою Родину; Свято соблюдать Законы Пионерии Советского Союза; пронести незапятнанным через всю свою жизнь благородное звание учителя России; что я совершу на этом поприще, послужит славе, величю и процветанию моей Родины – великой России!; мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество; defend the Constitution of the United States; to obey the Scout Law*), **гражданского долга** (*уважать и охранять права и свободы человека и гражданина; защищать права, свободы и интересы доверителей; to help other people at all times*). Языковыми маркерами декларирования **профессиональных обязанностей** выступают лексемы *искусство/art* (*считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, Чисто и непорочно буду я проводить свое искусство/to hold him who has taught me this art as equal to my parents, in purity and in holiness I will guard my art*), *лечение/treatment* (*Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, I will use treatment to help the sick according to my ability and judgment*), *дело, работа/work* (*исполь-*

звать в своей работе знания и опыт педагогической науки, *avoiding busy-work in favor of work with real meaning to the students and their families*), полномочия/*power* (Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации, *I will use my power to help the sick to the best of my ability and judgement*), обязанности/*obligations* (добросовестно исполнять обязанности адвоката, *and I impose upon myself this voluntary obligations*).

Декларирование **общих насущных проблем** заключается в интересе и волнении адресата о выполнении/невыполнении обязанностей клятвы адресантом и каков будет результат (*Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому; If I fulfil this oath and do not violate it, may it be granted to me to enjoy life and art, being honored with fame among all men for all time to come; if I transgress it and swear falsely, may the opposite of all this be my lot; If I keep this oath faithfully, may I enjoy my life and practice my art, respected by all and in all times; but if I swerve from it or violate it, may the reverse be my lot*).

Однако, произнося клятву в торжественной (Клятва пионера Советского Союза, 1986; Клятва учителя, 2005; Scout oath, 1908; Teachers' oath, 2000 и др.) или торжественно-официальной обстановке (Воинская присяга, 1993; Присяга президента РФ, 1993; The Enlistment oath, 1962; The oath of office of the president of the USA, 1787 и др.) [7, с. 88], адресант не только декларирует свои намерения, но демонстрирует отношение к будущим действиям в новом качестве (**горячо** любить свою Родину; **строго** выполнять требования воинских уставов).

Таким образом, инспиративная и декларативная функции клятв связаны с личностью адресанта, его коммуникативной целью, профессиональной деятельностью, оценочным отношением к компонентам ситуации общения и эмоциональным воздействием на адресата.

Список литературы

1. Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. Томск: Томский государственный университет, 2010. № 3. С. 16-32.
2. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109-121.
3. Карабыков А. В. Речевой жанр клятвы в истории культуры / А. В. Карабыков // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы междунар. науч. конф. Кемерово, 2006. Ч. 3. С. 226-231.
4. Кодзасов С.В. Перформативность и интонация // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 216-227.
5. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986. С. 10-17.
6. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов, 1999. С. 13-26.
7. Сиразиева З.Н. Моделируемость клятвы как текста речевого жанра / З.Н. Сиразиева. Казань: Медицина, 2013. 140 с.
8. Сиразиева З.Н. Структурно-языковой анализ типов атрибутивных и объектных словосочетаний в русских и английских клятвах / З.Н. Сиразиева // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 1 (27). С. 76-79.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Уметбаева А.И.

магистрант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются вопросы становления и эволюции паремиологического фонда башкирского языка. Особо внимание уделяется двум основным периодам академической обработки башкирского фольклора.

Ключевые слова: башкирский язык, пословицы и поговорки, фольклор.

Отдельные образцы пословиц и поговорок содержатся уже в генеалогических родоплеменных хрониках – шежере (шэжэрэ) (с XVII в.). Составители указанных хроник нередко включали в текст слова – назидания, дидактики.

Большой интерес к сбору устного народного творчества появляется в XIX в. [1; 5] Так, например, рукописи преподавателя Неплюевского кадетского корпуса Мирсалиха Бикчурина помимо фольклорных песен, сказок и загадок содержат в себе пословицы и поговорки.

Переводом башкирских паремий на русский язык одними из первых начали заниматься такие исследователи как С.Г. Рыбаков и М.И. Уметбаев. В фондах архива Русского географического общества хранится 96 единиц пословичных единиц на языке оригинала или в переводе с комментариями, которые были собраны С.Г. Рыбаковым во время поездки в Уфимскую и Оренбургскую губернии (1893 г.). В 1883 г. была опубликована работа М.И. Уметбаева «Справочная книжка Уфимской губернии», где в разделе «Приметы, поверья, поговорки и изречения магометан Уфимской губернии» было представлено 48 единиц с переводом на русский язык.

В 1895 г. на страницах «Известий Оренбургского отдела Императорского русского географического общества» было опубликовано 130 башкирских пословиц в оригинале в переводе на русский язык, собранных и переведенных М.А. Куватовым. Важный момент в его работе – комментарии, которые сопровождают тексты пословиц [6, с. 701; 7, с. 92]. Новым в работе Куватова являлось сравнительное сопоставление башкирских пословиц с русскими, что сделало башкирский фонд более доступным, понятным для широкого круга читателей.

По сравнению с русским фольклором, исследование башкирского фольклора с научной точки зрения, началось довольно поздно. Историю академического собирания, изучения и опубликования башкирского фольклора условно можно разделить на два периода:

- дореволюционный и послереволюционный период (примерно с 1916-е по 1930-е годы);
- советский и послесоветский период (с 1930-х годов до наших дней).

Первый период характеризуется энтузиазмом башкирской интеллигенции, которая проявила интерес к фольклору и организовала работу по его

собирацию и опубликованию. Академик Г.Б. Хусаинов утверждает, что организованное в 1920 году Научное общество в городе Стерлитамак, затем открытый в Уфе Башкирский академический центр выполнили огромную работу по собиранию башкирского народного творчества, в том числе и башкирского детского фольклора. Действительно, в 1924 году в Москве был издан сборник «Изречения предков», куда вошли более тысячи башкирских пословиц. Кроме этого, в 1930 году был издан сборника «Пословицы и загадки из народной литературы».

Второй период истории собирания, исследования и издания башкирского фольклора берет свое начало с конца 1950-х годов. Это объясняется тем, что во время Великой Отечественной войны, затем, в послевоенные годы восстановления фольклору не уделяется практически никакого внимания. Лишь после открытия в 1957 году Башкирского государственного университета, а затем и Института истории, языка и литературы при Академии наук СССР, появляется возможность организовывать фольклорные экспедиции. В эту область огромный вклад внесли такие ученые, как К. Мергэн, С. Галин, М. Мингажетдинов, М. Сагитов, Н. Зарипов, И. Галяутдинов, Н. Шункаров, А. Сулейманов, Ф. Надршина, Р. Султангареева, Б. Баиимов, Р. Ураксина, М. Мамбетов, Г. Хусаинова, а также студенты Башкирского государственного и Стерлитамакского государственного педагогического институтов.

Исследование башкирских пословиц и поговорок в составе паремий в творчестве тюркских народов проводилось Ф.А. Надршиной. Ею был внесен ощутимый вклад в развитие данной сферы, в своих работах Ф.А. Надршина определила вектор дальнейшего развития башкирской паремиологии. Ее исследования выявили обширный общетюркский пласт, который сохранился в пословичном репертуаре башкирского народа [4].

На данный момент существует несколько словарей пословиц и поговорок башкирского языка, составленных по тематическому принципу [3; 9]. Жизнь народа многообразна и часто определить тему того или иного высказывания бывает крайне трудно, что придает тематической структуризации таких словарей некую условность. Таким, например, является сборник «Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки», который был опубликован в 1980 году в Уфе.

В 1994 г. под авторством И.М. Гарипова был издан «Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок» [2]. Автором предисловия к этому словарю является Ф.А. Надыршина. Расположение пословиц и поговорок в алфавитном порядке является и минусом, и плюсом данной работы одновременно. Трудности возникают при поиске пословичных единиц без знания их конкретной формы. Неоспоримым достоинством данного словаря заключается в том, что рядом с текстом башкирского оригинала приведены русские эквиваленты и контексты с афористическим материалом [8, с. 249]. В конце словаря даны русские эквиваленты в алфавитном порядке и указаны номера и буквы соответствующей пословицы или поговорка на башкирском.

В 2008 году свет увидел «Словарь башкирских народных пословиц и поговорок» под редакцией М.Х. Ахтямова. Уникальность данного словаря

состоит в том, что он составлен в алфавитном порядке центральных смысловых слов, каждое из этих слов образует гнездо, в котором содержатся все пословицы и поговорки с данным словом. Также этот словарь содержит в себе огромное количество статистической информации, например, таблицу частотного употребления слов.

Особо следует отметить тот факт, что на данный момент паремиология башкирского языка несколько обделена теоретическими трудами по своим синтаксическим и морфологическим особенностям. Поэтому можно говорить о том, что разработка данных тем будет долгое время плодотворной и благодарной почвой для исследователей.

Список литературы

1. Башкирское народное творчество. Т.7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ф.А. Надршина. Уфа, 1993. 464.
2. Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок. Составитель И.М. Гарипов. – Уфа, 1994. – 168 с.
3. Кульсарина И.Г., Фаткуллина Ф.Г. Национальные особенности функционирования фитонимов в фольклорных текстах // Научный диалог. №7 (55) 2016. С. 92-106.
4. Надршина Ф.А. История собирания и изучения башкирских пословиц и поговорок. // Пословичная концептуализация отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке. Уфа, 2013. С. 4-29.
5. Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г. Тюркизмы в русской лингвокультуре // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2; URL: <http://www.science-education.ru/122-20435> (дата обращения: 10.07.2015).
6. Фаткуллина Ф.Г. Отражение этнического характера и культуры в концептосфере разноструктурных языков // Материалы II международной научно-методического семинара «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». Москва, 2011. С. 702-707.
7. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана: Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы Городской науч.- практ. конф. Москва, 24 ноября 2014 г. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014 С. 190-197.
8. Фаткуллина Ф.Г. Реалии духовной культуры в паремиологической картине мира башкирского и русского языков // Модернизация высшего образования в России: Опыт истории и векторы развития. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 245-253.
9. Фаткуллина Ф.Г. Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века. Автореф... канд. филол. наук. М., 1991. 22 с.

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

Фаткуллина Ф.Г.

заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии,
д-р филол. наук, профессор, Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются особенности формирования и функционирования терминологической лексики в области права.

В работе уделяется внимание классификации юридических терминов, а также особенностям их словообразования.

Ключевые слова: термин, терминообразование, функционирование, значение заимствование.

Терминосистема права сформировалась на протяжении многих веков и в настоящий момент представляет собой сложившуюся и достаточно развитую упорядоченную систему и является составной частью общественно-политической терминологии. Термины права обозначают юридические понятия, которые имеют общий абстрактный характер, обладают правовым смыслом и необходимы для правильного и точного выражения законодательной воли. Язык права охватывает довольно широкий круг областей и предметов регулирования, в терминосистеме права органично функционируют термины юриспруденции, психологии, логики, других гуманитарных наук, а также естествознания и техники [4]. На неоднородность терминологии права обращал внимание и С.П. Хижняк, выделявший в ней «терминологию права (закона) и терминологию правоправедения (юриспруденции). Выделение таких групп в юридической терминологии связано с различными сферами функционирования юридической терминологии: официально-деловой и научной» [5, с. 6]. Отличия этих групп друг от друга исследователь видит в том, что терминология права – это терминология правоприменительной практики, а терминология правоправедения – это терминология правовой доктрины, т. е. науки о праве. Этим объясняется тот факт, что ядро терминологических систем правоправедения и права представлен одним и тем же составом терминов.

В современной лингвистике до сих пор не существует определения термина, которое удовлетворило бы всех терминологов [1, с. 132; 3, с. 37]. Однако исследователи терминологической системы права определяют юридический термин как «слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающийся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [5, с. 56]. Терминам права свойственна «формальная и семантическая вариативность», которая «отражает процесс терминотворчества» [5].

В юридическом дискурсе функционируют следующие группы:

1) понятия, известные широкому кругу людей и отражающие экономические, социальные, политические и др. явления и отношения: *минимальный размер оплаты труда, доверенность, владелец ТС* и др.;

2) термины – правовые понятия, отражающие нормативные потребности правового регулирования: *правообладатель, истец, ответчик, юридическое лицо* и др.;

3) собственно-термины, составляющие ядро терминосистемы права и служащие маркерами для определения стилистической и тематической принадлежности текста: *законодатель, условно-досрочное освобождение, срок лишения свободы, антропогенный объект* и др.

Работа в области систематизации и упорядочения отраслевой терминологии начинается с выбора собственно терминов. Терминолог решает важный вопрос: в чем существенное различие термина от нетермина. Ответить на этот вопрос возможно только при условии знания характерных признаков термина. В теории терминоведения постоянно идет поиск объективных признаков, по которым можно безошибочно выявить термин [3].

Что касается терминообразования, то в юриспруденции активны те же способы номинации, что и в общелитературном языке, однако их продуктивность определяется особенностями и функциями языка права.

Словообразование терминов юриспруденции имеет свои особенности:

1) термины права создаются как наименования нормативных понятий, связанных с профессиональной областью юриспруденции и вследствие этого служащих средством общения юристов-профессионалов;

2) терминологическое словообразование – это процесс сознательного терминотворчества, дающий условия для искусственного внедрения в терминологию права специализированных по значению словообразующих морфем, позволяющих связывать классификационную систему нормативных понятий с определенной системой языковых средств выражения этих понятий;

3) сознательное терминотворчество – процесс контролируемый и регулируемый;

4) словообразующий акт создания любого термина сложнее аналогичного процесса для обиходного слова;

5) важным является прозрачность внутренней формы терминологической номинации, выполнение словообразующими морфемами классифицирующих функций;

6) акт терминообразования зависит от классификации понятий, термины одного классификационного ряда чаще всего образуются по одной словообразовательной модели [2, с. 91-97].

В качестве наиболее продуктивными словообразовательными моделями в языке права можно назвать следующие:

- суффиксальный способ образования отглагольных существительных, обозначающих процесс или результат процесса, положительные и отрицательные оценочные категории, а также субъектно-объектные отношения: *возместить – возмещение, обвинять – обвинение, опровергать – опровержение, причинить – причинение;*

- аффиксальный способ образования терминов нормативных наименований с общим предметным значением отрицания: *неуплата, невменяемость;* часто используются заимствованные префиксы (греческие и латинские, являющиеся универсальными для терминологий многих специальностей): *контр-* (*контраргумент*), *анти-* (*антитеррористические действия*);

- образование терминов с общим предметным значением путем сложения стандартных терминоэлементов, природа которых различна, но, как правило, большая их часть представляет собой самостоятельные слова; стандартные терминоэлементы в подобных терминах отличаются постоянностью значения и закрепленностью за классификационными рядами нормативных наименований: *налогоплательщик, залогодержатель.*

Терминосистема права представляет собой одну из наиболее развитых терминологических систем силу своего давнего существования. С историей становления и развития данной отрасли знания связано значительное количество заимствованных терминов. При этом воспринимая иноязычный вариант научного знания, русский язык переносит его на национальную почву, «пристраивая» к своей системе.

В языке права заимствования представлены следующими группами:

1) иноязычные слова греко-латинского происхождения, восходящие к терминологии римского права, а также обусловленные необходимостью унифицировать терминологию российского законодательства с терминологией международных и европейских правовых стандартов: *санкция* (лат. *sanctio* – строжайшее постановление), *референдум* (лат. *referendum* – заслуживающее утверждения), *дискриминация* (лат. *discriminatio* – обособление, различие), *конвенция* (лат. *conuentio* – договор, соглашение); в силу своей «интернациональности» подобные термины понятны большинству членов общества даже при условии недостаточной компетентности в вопросах права;

2) иноязычные термины смежных областей знания: *трансплантация* (лат. *trans-plantare* – пересаживать), *экология* (греч. *oikos* – родина, дом, жилище, местопребывание), *бонитировка* (лат. *bonitas* – доброкачественность); подобные термины в процессе их использования требуют предварительного специального комментария;

3) часть заимствованных терминов представлена заимствованиями более раннего периода и не воспринимается как чужеродная: *документ* (лат. *documentum* – свидетельство), *кредит* (лат. *creditum* – долг), *пенсия* (лат. *pen-sio* – платеж); подобные термины в силу своей широкой распространенности в общелитературном языке активно используются в языке права.

Таким образом, терминология области права представляет собой специфическую систему, которая определяется использованием слова для обозначения ключевых элементов нормы права, а также развитием между отдельными терминами родовидовые отношения, различного рода логических отношений и связей, обусловленных системным характером законодательства и единством его понятийной структуры.

Список литературы

1. Гарифуллина Р.В., Фаткуллина Ф.Г. Трудности профессиональной терминологии: словарь-справочник. Рекомендовано МО РБ – Уфа, 2004. – 218 с.
2. Даниленко В.П. Об основных лингвистических требованиях к стандартизируемым терминам // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. – М.: МГУ, 1971.
3. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А. К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа. Монография [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова – Уфа: РИЦ БашГУ. 2014. – 168 с.
4. Фаткуллина Ф.Г., Климович О.В. Лингвокультурологический аспект судебного дискурса // Социально-гуманитарные проблемы современности: монография / – Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. – 180 с.
5. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л.И. Баранниковой. – Саратов, 1997.

КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Шамсутдинова Л.Р.

старший преподаватель кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирского государственного университета, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются особенности формирования и функционирования концептосферы семейных отношений в русской и английской языковых картинах мира.

Ключевые слова: концептосфера, семья, отношения, концепт, значение, русский язык, английский язык.

Концептосфера семейных отношений является одной из самых исследуемых в последние 10-20 лет в русской и зарубежной лингвокультуре и относится к числу важнейших ориентиров человеческого поведения и психологии межличностных отношений.

Рассмотрим языковые средства репрезентации концептосфер «семья и семейные отношения» в русской и английской лингвокультурах. В словарях слово «семья» толкуется следующим образом: «группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.)» [9, с. 637-638].

В комментарии к статье 2 «Семейного кодекса РФ» семья определяется «как круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью» [8, с. 148]; «основанная на браке или кровном родстве группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной ответственностью и взаимопомощью» [2, с. 324].

В словаре В. Даля слово «семья» не зафиксировано, но представлена дефиниция слова «семейство»: 1. «совокупность близких родственников, живущих вместе, родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью» [6, с. 173];

В английском языке «family» представлено следующими значениями: «parents and their children» (родители с детьми) [15, с.254]; «the unit consisting of parents and their children» (сообщество родителей и их детей); «persons related by blood or marriage» (люди, связанные узами кровного родства или брака); a clan (клан, род); «the group of persons who live in one household and under one head» (группа родственников, живущих под одной крышей) [18, с. 556].

Таким образом, в английском языке существительное *семья* имеет большее количество толкований, чем в русском языке и обладает значением, не свойственным данному слову в русском языке: «the children of the same parents» (дети одних родителей).

Далее рассмотрим семейные отношения в рамках понятийной сферы family, сферы Близкое родство / Close relatives, прежде всего на примере лексем муж-жена / husband – wife.

В англоязычной культуре образ жены обладает большей колоритностью, вспыльчивостью, болтливостью, раздражительностью, суетливостью и

т. д. поскольку, по мнению англичан, женщины – это существа эмоциональные и им свойственно выразительное и многогранное проявление своих чувств, что и дает основу для метафорического переноса данного образа [5, с. 209; 16].

Выделим наиболее существенные черты концептуализируемого понятия: «отношение к женскому полу», «наличие детей», «продолжательница жизни», «рожает детей», «противопоставляется мужскому полу», «выступает в роли матери» [17]. В современном русском языке лексема «жена» состоит из таких концептуальных признаков, как «супруга», «благочестивая», «половина», «баба», «подруга жизни» [12, с. 63-64]. Отметим, что в концепте «жена» появляется установка на партнерство («половина»). То есть в русском языковом сознании концепт «жена» репрезентируется и биологическим фактором и фактором партнерства и равноправия в рамках семейных отношений.

Что касается объединения концептов «муж и жена», «husband and wife» – можно отметить, что для англичанина «husband and wife» – это одна «команда» без какой-либо коннотации, а для русского «муж и жена – одна сатана».

Рассмотрим словарные дефиниции для определения сферы отношений Мать / отец – mother/father. Мать является источником жизни и всего жизненно необходимого для своих детей, источником силы, энергии, добра, нежности, заботы [3; 10].

В англоязычных канонах образы матери и отца представлены символами порождения и сотворения: the Father of English printing – родоначальник книгопечатания в Англии (прозвище английского первопечатника Уильяма Кекстона); символами защиты и покровительства: а) She always mothers her lodgers; в религиозном или библейском аспекте: God's Mother (Mother of God); our first mother – прародительница (Ева); б) Fathers of the Church – 1) отцы церкви.

Интересным представляется и анализ метафоры близкого кровного родства son / daughter на примере русского и английского выражений «маменькин сынок» и «mother's son». Английское выражение употребляется обычно в более развернутом виде: «every mother's son», содержит положительную коннотацию и обозначает «все до единого», «все как один (человек)». В русском же языке выявляется отрицательный оттенок – *изнеженный, привыкший к чрезмерной заботе, слабый* (физически и духовно). В английской лингвокультуре этому русскому выражению соответствует словосочетание «mother's boy» (со стилистически нейтральным словом boy), что свидетельствует о положительной культурологической коннотации слова son и ее отсутствии в русской лингвокультуре.

Если сравнить выражения, *Eve's daughter* и русское *дочь Евы*, то выясняется, что английское выражение выступает в значении (любая) «представительница прекрасного пола», а в русское выражение *дочь Евы* – *это женщина, страдающая излишним любопытством*. То есть, значение русского фразеологизма несколько уже, чем у его английского эквивалента, и в нем представлена дополнительная коннотативная сема, обозначающая черту характера женщины [16; 17].

Далее рассмотрим эмоциональную близость в английском менталитете понятий Дом / семья “house”, “home” и “family”.

В Большом англо-русском словаре представлены следующие дефиниции слова “house”: 1) (свой) дом, семья; хозяйство; house and home дом, очаг; noisy house шумное семейство; to keep house with smb вести общее хозяйство с кем-л., жить совместно /одним домом /одной семьей с кем-л. 2) домашние, домочадцы; 3) семейство, род; an ancient house старинный род.

Концепт «дом» выступает в значениях «строение», «крепость», «средоточие семьи» и «семья» как таковая [4, с. 302; 5, с. 209]. Это царство частной жизни с девизом: «My house is my castle».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «дом» у англичан тесно связано с понятием «семья», которые сливаются в словах «house – home – family» и внутрисемейные отношения настолько же глубоко скрыты от посторонних глаз, как и жилище англичанина.

В русской языковой картине мира «дом» является символом идеальной семьи, местом, хранящим семейные традиции, воплощающим желания и стремления людей к счастливой и благополучной жизни; символом гостеприимства и щедрости, местом, где у членов семьи общая судьба и жизнь [5, с. 209; 13, с. 253].

Таким образом, концепты, составляющие сферу «родственные отношения», включают в свой состав ряд «коннотаций, обладающих национальной спецификой» в рамках русской и английской лингвокультур [1, с. 111].

Результаты выполненной работы подтверждают наше наблюдение о том, что целостная многоярусная концептосфера «семейные отношения» реализует ключевые понятия культуры и национального менталитета.

Список литературы

1. Аиткулова Э.Р., Фаткуллина Ф.Г. Прецедентные феномены как элементы региональной идентичности // Вестник Башкирского университета, 2016. Т.21, № 1. С. 109-114.
2. Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд.: В 30 т. М.: Сов энциклопедия, 1995. Т 2.
3. Воробьев В. В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета, 2016. Т.21, №1. С. 355-359.
4. Габбасова А.Р., Фаткуллина Ф.Г. Языковая картина мира: ее основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4 С. 302.
5. Гибадуллина Л.З., Фаткуллина Ф.Г. Репрезентация концепта «семья» в русской и татарской языковой картине мира // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 208-210.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., Большая Советская Энциклопедия. М.: БСЭ, 1995, Т38. 1980, Т4.
7. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Национальная языковая картина мира в герменевтической модели перевода // Материалы Международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе». Москва, РУДН, 2015. С. 67-70.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

9. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, Т4, 1962.
10. Степанов, Ю.С. Вводные статьи: Культура. Концепт. Константа / Ю.С. Степанов // Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1980. – С. 13 – 78.
11. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура // Вестник ВГУ, сер.1. Гуманитарные науки, т.2. Воронеж, 1996.
12. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», М., 2010, №2, С. 60-67.
13. Фаткуллина Ф.Г. О классификации прецедентных единиц // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика». Уфа; РИЦ БашГУ, 2016. С. 61-66.
14. Ян Ф. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 250-255.
15. The American Heritage Dictionary. Boston, 1987.
16. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics // Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С.239-243.
17. Kobiakova T.I., Suntsova N. L., Raemguzhina Z. M., Tumanova A. S., Fatkullina F. G. Russian Approach to the Problem of Correlation of Linguistic Consciousness and National State of Mind // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy Vol 6 № 6S 2 November 2015. -111-121 pp. // <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/8072/7736>
18. New Webster Dictionary of the English language. – New Delhi, 1988.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

КОЛОНИАЛЬНАЯ И ИНДИЙСКАЯ ВЫСТАВКА 1886 г. В ЛОНДОНЕ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОПЫТА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Антонова Л.В.

аспирант кафедры всеобщей истории,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена анализу Колониальной и Индийской выставки 1886 г. в Лондоне как уникального проекта межкультурной коммуникации. Изучение материалов выставки позволяет сделать вывод о том, что, констатируя достижения культуры населявших империю народов, британцы, тем ни менее, вели этот диалог культур с позиции уверенности в своей цивилизаторской миссии по отношению к ним. Наряду с этим, выставка может быть оценена как попытка воплощения одного из направлений политики имперской интеграции – укрепления духовных связей между народами империи.

Ключевые слова: Колониальная и Индийская выставка 1886 г., Британская империя, «туземные» колонии, межкультурный диалог.

Всевозможные индустриальные, сельскохозяйственные, художественные, и др. выставки были частью повседневной жизни европейца вт. пол. XIX – нач. XX вв. С 1880-х гг. имперские темы стали доминировать на выставках. Они трансформировались из международных индустриальных в имперские и колониальные экспозиции [5, р. 97]. Особое место в этом ряду заняла прошедшая в 1886 г. в Лондоне Колониальная и Индийская выставка. Также как и другие подобные мероприятия, она должна была способствовать расширению экономических связей, поиску рынков сбыта колониальной продукции, привлечению эмигрантов и инвесторов. Однако на первом месте для организаторов стояла сверхидея формирования в массовом сознании оптимистического образа процветающей и консолидированной Британской империи, мирного и взаимовыгодного сосуществования народов.

Уже на обложке ежедневной программки выставки посетитель видел Британию в образе богини Афины в окружении девушек, чьи этнические особенности и костюм говорили о принадлежности к многочисленным населявшим империю народам [1, р. 1]. Перед главным входом размещались панно с сюжетами, изобразившими контраст образа жизни в отдаленных друг от друга частях империи. Индию воплощали ремесленник у гончарного круга и украшающая посуду женщина. Промышленная Великобритания – это фигуры инженера и кузнеца, а Австралию олицетворяли золотоискатель и фермер [3, р. 18].

Разделы «белых» колоний могли впечатлить достижениями промышленности и высококачественной сельскохозяйственной продукцией, но именно экспозиция Индии привлекала больше всего посетителей. Ее целью было показать процветание традиционной культуры «туземной империи». Во вступительной статье каталога выставки говорилось: «нельзя допустить ис-

чезновения под британским правлением производившихся в течение веков прекрасных ремесленных изделия и знаний во многих областях искусства» [2, р. 9] Поражал роскошью сооруженный в индийских павильонах настоящий восточный дворец. Аутентичные ткани, посуда, драгоценности, пряности, масла, чай можно было приобрести с прилавков здесь же организованного рынка колониальных товаров.

Масштаб экспозиции был беспрецедентным, но восточные диковинки лондонцы видели не впервые, так как индийские товары активно завозились в Англию, а в обществе было модно увлечение ориентализмом. Непосредственное соприкосновение культур происходит при общении их представителей, и такую возможность предоставила Колониальная выставка. К организации активно привлекались представители местной элиты, которые поддерживали британское правление. Так, в Королевскую комиссию входил Т. Н. Мукарджи – ученый, коллекционер, куратор индийских экспозиций на многих международных выставках, оставивший воспоминания о выставке 1886 г. под названием «Визит в Европу» [7].

Специальная комиссия занималась приемом посетителей из колоний. С ними встречались королева и принц Уэльский, устраивались банкеты, концерты, прогулки по Темзе, поездки в другие города, экскурсии и т.д. Попасты туда можно было только «по частному приглашению», списки составлялись комиссией в соответствии со строгим отбором. Всего в мероприятиях приняли участие 5-6 тыс. гостей из колоний [8, р. 353-368].

Рядовым посетителям свое искусство демонстрировали индийские ремесленники – группа доставленных из Агры «живых экспонатов». Их одежда, украшения, характерные этнические черты, производили неизгладимое впечатление на зрителя [подробнее см. 6, 9]. Сцены роскоши восточного дворца и «идиллической» простоты сельского быта должны были стать квинтэссенцией образа многоликой индийской культуры. Такая репрезентация Индии, стремление представить британцам разные грани индийской культуры согласовывалась с новым политическим курсом в отношении крупнейшей туземной колонии. После восстания сипаев 1857–59 гг. стало ясно, что политика грубой «англизации» Индии не просто провалилась, но и стала непосредственной причиной кровавого мятежа. Метрополия осознала, что к резкому обострению противоречий в области межэтнической коммуникации привело непонимание и неуважение британцами местных обычаев, религии, образа жизни, высокомерная демонстрация своего превосходства над туземцами [10, с 124-144; 11, с. 273-275]. Колониальная и Индийская выставка стала одним из инструментов корректировки такого подхода.

Особое внимание на выставке уделялось этнографии. Этнографические разделы присутствовали во всех экспозициях. Так в индийском павильоне разместились фигуры туземцев из гипса или глины почти в натуральную величину. Серия моделей из 12 групп фигур представляла ведущие провинции и штаты Индии [9, р. 2-4].

В числе научных конференций, прошедших в рамках выставки, Антропологическим институтом Великобритании и Ирландии были проведены

пять заседаний под общей темой – «Туземные расы в британских владениях», касавшиеся Африки, Вест-Индии, Австралии, Новой Зеландии и островов Фиджи, Стрейтс Сетлментс и Борнео [4, р. 175-236]. Докладчиками выступили ученые, колониальные чиновники и коллекционеры древностей. Они использовали экспозиции выставки для наглядной иллюстрации своих выступлений. Слушатели узнали, что в павильонах Австралии можно увидеть «ожерелья из раковин, семян, зубов; пояса из коры, меха или волос», деревянные копья, бумеранги, каменные топоры. В канадской секции – коллекцию оружия, инструментов, трубок, одежды, изготовленных индейцами. А ремесло племени банту представлено корзинами, горшками, музыкальными инструментами, на которых играют присутствующие туземцы. Но спектр рассматривавшихся проблем был гораздо шире описания «причудливых изделий» туземцев; затрагивались вопросы социальных отношений внутри племен, уровня развития материального производства, религии и обычаев. Особое место занимала идея о цивилизаторской миссии Британии. Председатель конференции расценил выставку как беспрецедентную возможность собрать мнения касательно ценности влияния на «туземные расы» «белого человека» [4, р. 175-179, 199-204].

Исследователи дают этнографическим разделам экспозиций противоречивые оценки. Даже некоторые современники считали использование людей в качестве экспонатов неуместным. А выставка фигур туземцев, классифицируя народы от самых примитивных и варварских к более цивилизованным, отражала господство в обществе расовых предрассудков, популярность концепции социал-дарвинизма, идею превосходства «белого человека» [9, р. 4-5]. Тем ни менее, Колониальная выставка успешно реализовывала культурно-познавательную цель – познакомить британцев с нравами и обычаями населявших империю народов и, как нам представляется, идеологическую – поддержать и насытить конкретным содержанием представления о долге – «бремени белого человека» – по отношению к туземцам.

Таким образом, экспозиции Колониальной выставки искусно подчеркивали достижения прогресса и богатство традиционной культуры народов. Британская империя представала в соответствии с замыслом организаторов на выставке как обширное мультикультурное пространство, объединяя множество типов культур, выработанных составлявшими ее этносами. Контакт культур на выставке имел место на всех уровнях: общение между высокопоставленными жителями колоний и королевской семьей, экспозиции туземной жизни для рядовых зрителей, исключительные по содержанию и размаху этнографические разделы и научные конференции по данной тематике. Объединив в одном месте павильоны всех владений британской Короны, выставка 1886 г. стала уникальной площадкой не только для экономической интеграции, но и для своеобразного диалога культур, становившегося более интенсивным в процессе имперской модернизации.

Список литературы

1. Colonial and Indian Exhibition, 1886. Daily Programme. L., 1886. 10 p.

2. Colonial and Indian Exhibition, 1886. Official Catalogue. L., 1886. 534 p.
3. Hoffenberg P. H. An Empire on Display: English, Indian, and Australian Exhibitions from the Crystal Palace to the Great War. L., 2001. 418 p.
4. Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. XVI. L., 1887. 434 p.
5. MacKenzie J. M. Propaganda and empire: manipulation of British public opinion, 1880–1960. Manchester, 1984. 277 p.
6. Mathur S. Living Ethnological Exhibits: the Case of 1886 // Cultural Anthropology. 2001. №15(4). P. 492–524.
7. Museum Victoria Collections [Электронный ресурс]. URL: <http://collections.museumvictoria.com.au/articles/1188> (дата обращения: 24.08.2016).
8. Report of the Royal Commission for the Colonial and Indian Exhibition. L., 1887. 373 p.
9. Wintle C. Model Subjects: Representations of the Andaman Islands at the Colonial and Indian Exhibition, 1886 // History Workshop Journal. 2009. №1. P. 194–207.
10. Грудзинский В. В. Великобритания и ее империя в сер. XIX в: либерализм и проблема модернизации. Челябинск, 2015. 220 с.
11. Дронова Н.В., Величко Е.О. От «права силы» к «силе справедливости»: память об индийском восстании 1857 – 1859 гг. в общественном сознании Великобритании в 60–70-х гг. XIX в. (к оценке опыта преодоления конфликта) // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарная серия. Тамбов. 2014. №11 (39). С.272-282.

РАЗРАБОТКА КОЛЛЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ОТ УДУШЛИВЫХ ГАЗОВ В РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Багдасарян А.О.

кандидат исторических наук,

ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» МЧС России,
Россия, г. Москва

В статье рассматривается вопрос разработки в России различных способов защиты от химического оружия в годы Первой мировой войны. На основе проведенного анализа проблемы автор устанавливает взаимосвязь между разрабатываемыми в те годы мероприятиями защиты от удушливых газов и современными методами локализации отравляющих веществ.

Ключевые слова: Первая мировая война, химическое оружие, удушливые газы, средства защиты.

В современных условиях научно-технический прогресс предполагает широкое применение химически опасных веществ практически во всех сферах народного хозяйства. Известно, что значительные запасы ядовитых веществ находятся не только на предприятиях оборонной, химической, нефтеперерабатывающей промышленности, но и на объектах пищевой промышленности, в холодильниках продовольственных баз, на объектах жилищно-коммунального хозяйства и т.п. [8, с. 382]. Поэтому для наиболее эффективной защиты населения от химически опасных веществ предусмотрен комплекс мероприятий, включающий в себя: обеспечение средствами индивидуальной защиты, строительство защитных сооружений гражданской обороны,

а также проведение инженерных мероприятий по локализации и обеззараживанию источников химического заражения. К ним можно отнести и постановку водяных завес, рассеивание с облаков отравляющих веществ воздушно-газовыми или тепловыми потоками и т.п. [5, с. 167].

Заметим, что постановка водяных завес считается основным способом ограничения распространения и нейтрализации хлоровоздушного облака при проведении аварийно-спасательных работ в ходе ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, связанных с выбросом (проливом) хлора [4, с. 44].

Однако такие, названные выше способы по локализации и нейтрализации очагов химического поражения, имеют давнюю историю применения. Впервые они стали использоваться в годы Первой мировой войны.

Сразу же после первых газовых атак германской армии у Ипра русское командование незамедлительно приступило к разработке способов защиты от химического оружия [2, с. 312]. Для этих целей были привлечены различные научные учреждения, местные комитеты Всероссийского земского и городского союзов, Военно-промышленный комитет, Комитет Военно-технической помощи, промышленные организации.

Первоначально вопросы защиты от удушливых газов включали производство противогазов и обеспечение военнослужащих противохлорными масками.

Однако, кроме этого активно разрабатывались и другие способы защиты от боевых отравляющих веществ. Они назывались «позиционными средствами борьбы» [6] или же мерами массового предохранения. К ним относилось сжигание заранее подготовленных пахучих материалов, постановка дымовых завес и др. способы, препятствующие проникновению облака отравляющих газов на позиции войск [7].

Так, практически через месяц после первой газовой атаки немцев на Восточном фронте 28 июня (11 июля) 1915 г. в газете «Варшавская мысль» была опубликована статья, в которой предлагалось для защиты от приближения облака хлора, «как при пожаре, поливать его водой из пожарных рукавов. Рекомендовалось подготавливать заранее обильное снабжение водой из реки, озера, особого резервуара или пожарных бочек» [5]. Это было одно из первых предложений постановки водяной завесы.

Физико-механическая группа в составе Комиссии по борьбе с удушливыми газами Всероссийского союза городов также начала активно разрабатывать различные меры для предотвращения проникновения отравляющих веществ. Среди них наиболее действенными на тот момент были такие, как: постановка завесы путем нагревания воздуха с помощью костров, создание посредством мортир вихревых колец, использование вентиляторов и воздушных пропеллеров, различных распылителей, бомб с нейтрализующим удушливые газы веществом [1, с. 90].

Кроме различных общественных организаций, решением задач по защите от химического оружия занялись и различные промышленные объединения. В 1916 г. фирма «Динамо» предложила нейтрализовать действие хлора с помощью артиллерийских снарядов, начиненных аммиаком. Однако на

заседании Особого совещания по обороне отметили, что аммиак вместе с хлором дает такую же опасную смесь ядовитых газов, кроме того, использование данного метода потребует поставки в войска большого количества специальных артиллерийских снарядов, производство которых невозможно из-за промышленного кризиса 1915 года. [2, с. 45].

Но, несмотря на это, большинство разработанных предложений по нейтрализации газового оружия были взяты на вооружение и начали широко использоваться в действующей армии.

Уже в 1916 году способы защиты от химического оружия были разделены на три группы:

- индивидуальная защита (использование противогазов и масок);
- общая защита;
- механическая защита.

К общим средствам защиты относилось использование специальных заслонов на пути движения газового облака, укрытие в изолированных помещениях, разжигание костров, разбрызгивание воды и нейтрализующих растворов, стрельба потоками пуль и снарядов и сильными струями воды.

Особо отмечалась эффективность использования огневых и дымовых завес. Действие огневых завес было связано с разжиганием костров, которые образовывали горячие потоки и поднимали вверх холодные слои отравленного воздуха. Дымовые же завесы позволяли нейтрализовать действие удушливых газов продуктами горения.

Наибольшее распространение получило использование водяных завес, разбрызгивание нейтрализующих растворов и распылителей.

Механическая защита предполагала использование различных приспособлений для рассеивания облака отравляющего вещества. Для этого использовались вентиляторы, стрельба по газовому облаку разрывными снарядами и т.п. [3, с. 54-69].

Таким образом, в годы Первой мировой войны в России были разработаны эффективные меры защиты от химического оружия, позволявшие локализовать его распространение и нейтрализовать его действие. В практику вошли такие способы противодействия и нейтрализации отравляющих веществ, как водяные и дымовые завесы, распыление нейтрализующих растворов, применение воздушно-газовых и тепловых потоков и т.п. Опыт, который был приобретен в годы войны 1914-1918 гг., на сегодняшний день эффективно используются и в мирных отраслях жизнедеятельности человека, и в защите от чрезвычайных ситуаций, связанных с выбросом (проливом) опасных химических веществ.

Список литературы

1. Всероссийский союз городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914-1915 гг. – М., 1916. – 239 с.
2. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (ЖОСО), 1915-1918 гг.: публикация, 1916 год. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – 860 с.

3. Кориц И.Г. Удушливые и ядовитые газы. Новые средства и меры борьбы в настоящей мировой войне. В 2-х ч. – М.: Типография штаба Московского военного округа, 1916. – 96 с.

4. Котов Г.В. Постановка водяных завес при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, связанных с выбросом (проливом) хлора. // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2011. №2. – С. 44-52.

5. Методические рекомендации по применению и действиям нештатных аварийно-спасательных формирований при приведении в готовность гражданской обороны и ликвидации чрезвычайных ситуаций. под общ. ред. В.А. Пучкова. – М.: Департамент гражданской защиты МЧС России, 2005. – 221 с.

6. РГВИА Ф.507. Оп.3. Д.15. Л.278.

7. РГВИА Ф.2054. Оп.1. Д.32. Л.9.

8. Учебник спасателя / С. К. Шойгу, М. И. Фалеев, Г. Н. Кириллов и др.; под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Краснодар: «Сов. Кубань», 2002. – 528 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСЕТИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Гаглоева Б.Б.

аспирант кафедры новейшей отечественной истории и философии,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

В статье впервые проводится анализ и осмысление причин широкого участия населения Северной и Южной Осетии в революционном движении на стороне большевиков. На основе анализа хорошо известных и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов сделана попытка дать оценку партизанскому движению, т.н. «красным» партизанам, явившимся основной общественной силой, направленной на борьбу с небольшевистскими режимами.

Ключевые слова: антиденикинское движение, большевики, власть, война, мировоззрение, партизаны, противостояние.

В 1917 г. на Тереке началось широкомасштабное противостояние социальных, сословных, но, прежде всего, национальных сил, что сопровождалось ростом социально-экономической и политической нестабильности. Назвать происходившие события в Терской области гражданской войной в классическом смысле не представляется возможным, ибо далеко не всегда понятно, какие классы и политические силы противостояли друг другу [2, с. 19].

Следует заметить, что в гражданской войне приняло участие практически все население Терской области. Часть участников включилась в партизанское движение, которое явилось наиболее массовой формой вооруженного противостояния. Вместе с крестьянскими и рабочими выступлениями партизанское движение стало важной частью антиденикинской борьбы.

---

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект а/м 16-21-13001)

В конце 1918 г. к границам Республики приближались деникинские войска. Части 11-й Красной армии под натиском превосходящих сил отошли в Закавказье. В конце января 1919 г. деникинская армия вступила на территорию Осетии. На своем пути захватчики встречали героическое сопротивление населения. Так, в народной памяти осталась оборона с. Христиановского, которой руководил Реввоенсовет Осетии. В защите села принимали участие местные жители, отряды керменистов, а также казаки станицы Николаевской под предводительством М. Легейдо и И. Жайло.

Было организовано партизанское движение для подготовки удара по армии Деникина. Центром противодействия стали села Дигорского ущелья. Партизанскому движению Терской области были присущи некоторые особенности. Прежде всего, на нем сказывались различия в социально-экономическом положении национального крестьянства и казачества, что определяло политические предпочтения и поведение. Наиболее революционной частью стало дигорское крестьянство, что было связано с мощной прослойкой интеллигенции, создавшей партию «Кермен», придерживающуюся левых взглядов[3, л. 15].

Весной 1919 г. на территории Северной Осетии и в казачьих районах действовало уже свыше 800 партизан, которые объединялись в отряды, разные по численности, боеспособности.

Отличительной особенностью партизанского движения в Терской области, и в Северной Осетии, был его размах и организованность, использование не столько отрядных, но и очагово-территориальных форм организации. Это было связано с тем, что партизанское движение развивалось под сильным влиянием большевиков и местных пробольшевистских организаций.

Партизанские отряды совершали налеты на места дислокации белогвардейцев: Карман-Сидзикау, Магометановское, Салугардан и др. Большой победой стало привлечение на сторону большевиков некоторых солдат деникинской армии[1, с. 103]. Так, две роты Апшеронского полка перешли на сторону местных большевиков и пополнили отряды «красных» партизан. Такая активность народных масс вызвала ответную реакцию правителя Осетии полковника Я. Хабаева, который снарядил экспедицию под командованием генерала Вадбольского на разгром мятежного с. Христиановского. В последний момент партизанам удалось скрыться из села, но последнее было подвергнуто страшному разрушению. Были подвергнуты пыткам и казням многие жители. В их числе оказался и один из лидеров партии «Кермен» Г. Цаголов, который не смог уйти в лес с другими партизанами, т.к. заболел тифом.

Нарастание антиденикинского движения в конце 1919 г. привело к сплочению революционных сил во всех районах региона. Приближение отрядов Красной армии к границам Терской области дало возможность партизанским отрядам Северной Осетии осуществить контакты с командованием и вести организованную борьбу. В начале марта 1920 г. все партизанские отряды Северной Осетии были объединены в следующие подразделения: Дигорский (Д. Тогоев), Левобережный (А. Ботоев), Правобережный (Х. Псахциев),

затем их включили в Терскую областную группу красных повстанческих войск Н.Ф. Гикало [4, л. 18]. Партизанские отряды к приходу Красной армии приступили к восстановлению советской власти.

Не менее драматично революционные события проходили в южной части Осетии, где классовые антагонизмы сочетались с национально-освободительным движением против грузинских помещиков. 22 апреля 1918 г. Закавказский Сейм заявил об отделении от России и формировании своей государственности. Население Южной Осетии выразило свое несогласие с этим. Уже в первый период в партизанском движении проявились элементы стихийности и организованности. Крестьянские выступления стали ответом на попытки грузинских властей превратить население Южной Осетии в послушных крепостных. Однако в это время в Южной Осетии довольно сильно было большевистское крыло демократического движения, в нем приняли участие не только местные интеллигенты, но и бежавшие от деникинских репрессий большевики Северной Осетии. Поэтому именно они оказывались во главе партизанских отрядов. Успех сопутствовал тем из них, кто обладал организаторскими и лидерскими качествами. Вместе с тем партизанские вожаки были представителями крестьянской массы, поэтому в полной мере на них накладывалась ее миропонимание. В условиях, когда партизанские отряды не были между собой связаны и действовали автономно, проявлялись противоречия, свойственные для мелкобуржуазных слоев российского общества, что, конечно же, ослабляло дееспособность многих отрядов партизан.

25 февраля 1921 г. при помощи отрядов Красной армии после кровопролитных боев в Тбилиси, а потом и по всей Грузии была провозглашена советская власть, часть беженцев-осетин вернулась в родные места. С этого времени развитие северной и южной частей Осетии, несмотря на поступательное движение в рамках советской цивилизации, все более отличалось по темпам социально-экономического и культурного развития.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что партизанское движение в Осетии, став движущей силой антиденикинского движения в регионе, фактически предопределило победу большевиков в военно-политическом противостоянии в годы Гражданской войны.

Список литературы

1. Хубулова С.А. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920-1930-е гг. Сборник документов и материалов / Сост. С.А. Хубулова. Владикавказ, 2016. – 256 с.
2. Хубулова С.А. Участие населения Северной Осетии в гражданской войне: новые подходы. //Современные проблемы науки и образования, 2015, №2. С. 18-23.
3. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп.1. Д. 1092а.
4. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп.1. Д. 295.

К БИОГРАФИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПАВЛА ФЕЛИЦЫНА (1894-1941 гг.)

Денисов М.Е.

генеральный директор, ООО «Центр исторических исследований»,
Россия, г. Москва

В статье вводятся в научный оборот неизвестные архивные источники к биографии священномученика Павла Фелицына: запись в метрической книге о его рождении, послужной список его отца, прошение его матери о его приеме в училище, «Список лиц, не имеющих право избирать и быть избранными в Старосиньковский совет согласно Конституции и Инструкции по выборам Обольяновской волости Дмитровского уезда Московской губернии», актовая запись о смерти его отца и сведения о смерти его матери.

Ключевые слова: епископ Серафим (Звездинский), Дмитровское духовное училище, Московское городское ремесленное училище им. Г. Шелапутина, Воскресенская церковь села Карпово Дмитровского уезда Моск. губ., Никольская церковь села Горки Дмитровского уезда Моск. губ., церковь Ризоположения в Леоново (Москва), Таганская тюрьма.

Священномученик Павел Иванович Фелицын родился 28 февраля 1894 г. в селе Карпово Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. Таинство его крещения было совершено в местной Воскресенской церкви села Карпово 2 марта 1894 г. священником Василием Лебедевым из Введенской церкви г. Дмитрова, который и стал восприемником младенца [5, л. 28 об. – 29].

Отец священномученика, священник Иоанн Николаевич Фелицын, родился в семье диакона ок. 1855 г. В 1878 г. окончил Вифанскую духовную семинарию. С августа 1878 г. по октябрь 1879 г. служил псаломщиком при Введенской церкви г. Дмитрова. С октября 1879 г. по май 1887 г. – псаломщиком при Богородицерождественской церкви в Александро-Мариинском доме призрения в г. Сергиев Посад Дмитровского уезда. В мае 1887 г. он был назначен священником к Воскресенской церкви села Карпово Дмитровского уезда. Позже, в 1913 г., священник Иоанн Фелицын вышел за штат. В 1916 г. он проживал в «*приюте у Покрова Пресвятой Богородицы*» в Москве.

Мать священномученика, Варвара Васильевна, родилась в 1859 г. [6, л. 47 об. – 48]. Сестра священномученика, Елизавета Ивановна, впоследствии была замужем за протоиереем Иоанном Федоровичем Лавровым, который в 1913 г. занял место священника в селе Карпово вместо о. Иоанна Фелицына, ушедшего за штат. Она скончалась в 1918 г., оставив трое маленьких сыновей [2].

В 1910 г. Павел окончил Дмитровское духовное училище, после которого поступил в Московское городское ремесленное училище имени Григория Шелапутина. В Центральном государственном архиве города Москвы сохранилось прошение Варвары Васильевны о принятии в училище ее сына: «*Его Высокоблагородию, господину инспектору Московского городского ремесленного училища имени Григория Шелапутина на Калужской улице жены священника села Карпово Дмитровского уезда Московской губернии Варвары*

Васильевой Фелицыной прошение. Представляя при сем нижеименованные документы моего сына, метрическую выпись о его рождении, Павла Фелицына, имею честь покорнейше просить о принятии его в число учеников вверенного Вам училища пансионером по __ отделению. Сентября 2-го 1910 года. Варвара Васильева Фелицына» [4, л. 235].

Училище Павел Фелицын окончил в 1914 г. В связи с этим на процитированном прошении В.В. Фелицыной имеется автограф, сделанный Павлом после окончания училища: *«Все означенные выше документы получил обротно. Фелицын П. Июня 14 дня 1914 года» [4, л. 235].*

После окончания училища Павел поступил на место псаломщика в Воскресенскую церковь в родном селе Карпово. В 1915 г., во время Первой мировой войны, он был мобилизован на фронт, а в 1916 г. – попал в австрийский плен. Вернувшись в 1918 г. на родину, он был вновь назначен псаломщиком в Воскресенскую церковь села Карпово.

15 ноября 1920 г. псаломщик Павел Фелицын был рукоположен епископом Дмитровским Серафимом (Звездинским) в сан диакона, а в 1923 г. – в сан священника с переводом к Никольской церкви в селе Горки Дмитровского уезда [1, с. 49 – 51].

Вскоре, 1 апреля 1924 г., в возрасте 68 лет, от болезни легких скончался его отец, священник Иоанн Фелицын, проживавший в селе Карпово и похороненный на Карповском кладбище [7, л. 107 – 107 об.].

В Центральном государственном архиве Московской области сохранился *«Список лиц, не имеющих право избирать и быть избранными в Старосиньковский совет согласно Конституции и Инструкции по выборам Обольяновской волости Дмитровского уезда Московской губернии»*, составленный 12 декабря 1925 г. В нем, среди прочих, значатся Филицин Павел Иванович 30 лет, «служитель культа» и Филицина Екатерина Андреевна 23 лет, «жена служителя культа» [8, л. 4], дальнейшая судьба которой, к сожалению, мной не выяснена.

В апреле 1931 г. священник Павел был переведен в московскую церковь Ризоположения в Леоново, в которой прослужил до 15 ноября 1937 г., когда был арестован вместе с другими священнослужителями и некоторыми верующими, жившими в Леоново.

Один из них, священник Александр Кедров, живший в Леонове, но служивший в Троицкой церкви на Пятницком кладбище, захваченной обновленцами, оклеветал священника Павла в *«проявлении большой злобы к советской власти»*: *«Я служу священником с 1919 года, раньше был тихоновской ориентации, а сейчас, с 1935 года, стал постепенно отходить от тихоновцев, но Фелицын является убежденным тихоновцем и проявляет большую злобу к советской власти».*

Священник Павел Фелицын был заключен в Таганскую тюрьму, где 23 ноября 1937 г. он был допрошен: *«К Церкви какого направления Вы принадлежите?»*, – спросил следователь. *«Я принадлежу к тихоновской Церкви»*, – ответил священник. *«Следствию известно, что Вы на квартире встречались... и проводили контрреволюционную агитацию... Признаете, что это*

было? Так или нет?», – спросил следователь. «Нет, этого не было, ибо таких встреч на квартире и где бы то ни было не было, кроме как встреч мимоходом, и никакой контрреволюционной агитации против советской власти я не проводил», – ответил священник.

По завершении следствия, 5 декабря 1937 г. тройка НКВД приговорила священника Павла Фелицына к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Священник Павел Фелицын скончался в заключении 17 января 1941 г. и был погребен в неизвестной могиле [1, с. 49-51].

Надо сказать, что его мать, Варвара Васильевна, на одиннадцать месяцев пережила сына, скончавшись в деревне Карпово Коммунистического района Московской области 19 декабря 1941 г. в возрасте 83-х лет [3, л. 1].

В 1957 г. Президиумом Московского городского суда священник Павел Иванович Фелицын был реабилитирован, а в 2001 г. Священным Синодом Русской Православной Церкви – канонизирован.

Церковное празднование его памяти совершается в день его кончины, 4/17 января, а также в составе Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Список литературы

1. *Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. Тверь. 2005.*
2. Лавров Иван Федорович // БД «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века».
3. Письмо Первого заместителя начальника Главного управления записи актов гражданского состояния Московской области Г.Л. Литвиновой-Поволоцкой Генеральному директору ООО «Центр исторических исследований» М.Е. Денисову № 34исх-12088/2015 от 27.08.2015 г.
4. ЦГА Москвы. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6.
5. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 2153.
6. ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 79.
7. ЦГАМО. Ф. 2510. Оп. 1. Д. 2856.
8. ЦГАМО. Ф. 5648. Оп. 1. Д. 23.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Жалолова Д.М.

преподаватель, школа №47, Узбекистан, г. Андижан

Формирование нравственного мировоззрения молодежи – задача очень сложная, ответственная и многогранная. В реализации данной работы необходим всесторонний подход, использование разнообразных средств.

Ключевые слова: музей, совершенствовать комплектование музейных резервов, расширить международные связи музеев, создать новый, оригинальный облик музеев, молодежи.

Здесь особое внимание должно быть обращено негативным явлениям, от которых нужно уберечь молодое поколение. Необходимо рационально ор-

ганизовывать досуг молодежи. Это требует координации усилий образовательных учреждений, махали, Общественного Движения Молодежи "Камолот", профсоюзных и иных общественных организаций, фондов, учреждений культуры и искусства. Как известно, несравнима роль музеев в ознакомлении молодого поколения с богатой и славной историей народа, в формировании у них национального самосознания, художественного вкуса, нравственного мировоззрения.

Особое значение обретает деятельность музеев в деле изучения прошлого, исторического опыта, сохранения материального и духовного наследия предков. С обретением государственной независимости стало уделяться особое внимание совершенствованию деятельности музеев, расположенных на территории Республики Узбекистан, усилению их роли в совершенствовании духовно-нравственного облика народа. Музеи обогатились редкими экспонатами, рассказывающими о национальных ценностях, богатой и славной истории, долгом пути к государственной независимости. Уделяется внимание вопросам приведения их в соответствие с международными стандартами, прославления их на весь мир. Музеи признаны важным фактором в формировании в сознании молодого поколения идей национальной независимости, воспитании их патриотами, преданными своей Родине. Следует отметить, Узбекистан – родина великих памятников. На её территории расположены более 5000 археологических и около 300 архитектурных памятников. В республике функционирует более 510 центральных, краеведческих и местных музеев.

Крупнейшими считаются Республиканский музей народно-прикладного искусства и Каракалпакский государственный музей искусств имени И.В. Савицкого. Музеи, работающие в различных направлениях, являются уникальным источником в изучении богатого культурного и духовного наследия страны. Однако, не смотря на огромное их значение в духовно-просветительской жизни общества, их воспитательный потенциал используется сегодня далеко не в полном объеме.

Для эффективной реализации образовательно-воспитательной функции музеев, формирования нравственности и научного мировоззрения молодого поколения важна организация сотрудничества музеев и образовательных учреждений в виде нетрадиционных учебных занятий в музеях, широкого использования музейных экспонатов. Ибо музеи являются общественным институтом, воспитывающим подрастающее поколение в духе уважительного отношения к нравственному наследию, сокровищницей историко-культурных, естественнонаучных ценностей. Именно поэтому требуется системный и программный подход к деятельности музеев и школ в области образования и воспитания.

Закономерен вопрос – "От чего столь большое внимание музеям?"

На наш взгляд, причины этого заключаются в следующем.

Во-первых, музеи – учреждения, связывающие человека с прошлым и наставок. Важный фактор формирования национальной идеи.

Во-вторых, музеи – учреждения предоставляющие научные сведения о

пути, пройденном нашими предками. Их деятельности, жизни, условиях быта, обычаях и обрядах.

В-третьих, в музеях можно получить сведения о культурных и религиозных ценностях, древних обычаях, религиозных праздниках и обрядах.

В-четвертых, музеи, предоставляя сведения о славном пути наших предков, учат гордиться своей историей, воспитывают чувства патриотизма, любви и гордости за свою страну и народ; способствуют формированию нравственного мировоззрения, художественно-эстетического вкуса и т.д.

В последние годы в республике построены новые музеи. Особым событием в культурной жизни страны было открытие в столице Государственного Музея Истории Тимуридов (18 сентября 1990 года). Говоря о роли музеев в воспитании нравственного мировоззрения молодого поколения, следует отметить, что содержащиеся в них экспонаты, материалы, картины, книги, настенные надписи направлены на объективное и научно обоснованное освещение истории страны.

В ходе исследования был проведен социологический опрос "Музей глазами студентов", в котором принимали участие 348 студентов Института национального искусства и дизайна имени Камолиддина Бехзода, ташкентского государственного педагогического университета имени Низами, Узбекского государственного института искусств. Из них 38,6% парней, 61,4% девушек.

Студенты ответили на вопрос "Как вы относитесь к музеям?" Анализ ответов показал, отношение к музеям 72,4% студентов положительное, 12,3% отрицательное, 15,3% – затрудняются ответить.

На вопрос: "Какие музеи вы предпочитаете?" 17,4% ответили – Музей народно-прикладного искусства. 19,2% – Узбекский государственный музей искусства. 40,6% – музей истории народов Узбекистана. 22,8% студентов ответили "все музеи". Данные свидетельствуют о том, что музеи для молодых людей является не только источником нравственного обогащения, но и имеет значение для формирования их национального самосознания, нравственного мировоззрения.

Основываясь на результатах социологических опросов, были разработаны рекомендации по устранению проблем в формировании нравственного мировоззрения молодежи посредством музеев:

- для большего привлечения молодежи в музеи необходимо усилить рекламу деятельности музеев;
- широко разъяснять роль музейного дела в Узбекистане в современной художественной и культурной жизни;
- совершенствовать комплектование музейных резервов;
- расширить международные связи музеев;
- создать новый, оригинальный облик музеев;
- создать систему взаимосвязи музея и посетителя (зрителя);
- широко освещать деятельность музеев республики в СМИ, в том числе и электронных;
- организовать систематическое изучение мнения молодежи, и всех

посетителей о музеях, составив специальные анкеты;

- создавать фильмы о деятельности музеев, демонстрировать их в образовательных учреждениях в отдаленных селах и городах;
- организовать филиалы музеев в образовательных учреждениях, привлечь в это дело сотрудников музеев;
- при каждом музее организовать духовно-просветительский отдел;
- наладить сотрудничество музеев и общественных организаций.

Совершенствование деятельности музеев республики послужит эффективному формированию нравственного мировоззрения молодого поколения.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕЁ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Жалолова Д.М.

преподаватель, школа №47, Узбекистан, г. Андижан

Во все времена развития человеческого общества прогрессивные экономические, политические и культурные взаимоотношения между различными племенами, народами, этносами и территориями основывались на принципах мирного добрососедства. В силу этого исторические корни толерантности на протяжении тысячелетий тесно связывались с созидательной деятельностью народов и имеют духовные истоки, являясь одним из устоев образа жизни наших предков. Идея толерантности восходит к истории философской мысли и опирается на опыт человеческой цивилизации: древности, античности, средневековья и других эпох и современности. Исходя из этого, без всякого сомнения, можно говорить о том, что истоки, состояние и последствия происходящих в нашей стране перемен во многом самобытны.

Ключевые слова: толерантность, концепции, человеческих, отношений, декларация, конвенция, международных отношений.

Территория Узбекистана – одно из древних пристанищ человеческой цивилизации, где благодатный среднеазиатский край был перекрестком судеб многих племён и народностей.

Согласно естественно-правовой концепции, толерантность возникает лишь тогда, когда вмешательство продиктовано признанием за другой стороной равных прав на самореализацию и самовыражение. Понятие «толерантность» с латинского языка (*tolerantia*) переводится как терпение. До конца XVIII века оно переводилось словом «терпеливость».

С середины XIX века понятие толерантности начало рассматриваться философами несколько шире в аспекте понимания и принятия человека человеком, уважения к представителям другой веры и культуры. Великие мыслители говорили о толерантности как о принципе, выражающем истину человеческих отношений. XX век оставил после себя тяжелые примеры проявления насилия и антитолерантности. Так, нацистские движения, как известно, базируются на отрицании равенства, человечности и толерантности. После Второй мировой войны толерантность стала определять новые типы политики,

мышления и практического поведения, что позволило сделать шаги в направлении юридической защиты прав человека, в создании системы защиты прав маргинальных, социальных групп и отдельных людей. В настоящее время современные нации в культурном, религиозном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохранили свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Культурный и религиозный плюрализм, развившиеся в мире, вызвали к жизни толерантность, необходимую для установления общности в условиях плюрализма. Толерантность была с одной стороны, необходимым побочным продуктом этого плюрализма, а с другой – условием его дальнейшего развития. Признание терпимости в качестве одного из основополагающих компонентов мира между нациями имело большое значение для исторического климата, способствовавшего появлению первых современных деклараций о правах человека, кульминацией которых стала появившаяся три века спустя Всеобщая декларация прав человека.

Принципы толерантности провозглашены в документах международного масштаба: Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 года), Международный пакт о гражданских и политических правах (19 декабря 1966 года), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (19 декабря 1966 года, в 1995 году ратифицирован Узбекистаном), Декларация принципов международного культурного сотрудничества (17 декабря 1979 года), Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении женщин (1979 год), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 год), Декларация о праве народов на мир (12 ноября 1984 года), Декларация о праве на развитие (12 ноября 1984 года), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 год), Декларация о праве на развитие (1986 год), Конвенция о техническом и профессиональном образовании (10 ноября 1989 года), Конвенция о правах ребёнка (20 ноября 1989 года), Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (30 сентября 1990 года, в 1992 году ратифицирована Узбекистаном), документ Совета Европы «Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств» и т.д. В частности, Конвенцию о правах ребёнка ратифицировали 192 страны, в том числе Республика Узбекистан. Подписав Конвенцию 6 декабря 1992 года, наша страна взяла на себя обязательства соблюдать все её принципы и положения и нести ответственность перед международным сообществом. Данный документ провозглашает, что все дети имеют право на особую заботу и помощь для развития личностного потенциала и подготовки к самостоятельной жизни в обществе. Мировая педагогическая теория и практика ориентируются на возникновение новых социокультурных реалий: глобализацию и интернационализацию мира, процессы этнокультурного самоопределения и возрождения, проблемы мультикультурного общества и миграции,- разрабатывая соответствующую образовательную стратегию, которая отражена в документах ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО, СНГ, Азиат-

ской организации ШОС и т.д. Задача подготовки молодёжи к жизни в многонациональном мире названа в числе приоритетных в документах, принятых международным сообществом. На основе принятой ООН в 1945 году Хартии Объединённых Наций стало осуществляться юридическое закрепление международно признаваемых прав человека. В Преамбуле Устава ООН подчёркивается, что необходимо «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». В 1948 году была принята Декларация ООН, учитывающая гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права человека. Проблема прав человека тесно связана с толерантностью. В силу этого в Преамбуле «Всеобщей декларации прав человека» говорится, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». Далее в статье первой данного документа указывается: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах».

Международная комиссия по образованию для XX века (1993 год, Париж) в штаб-квартире ЮНЕСКО создала подразделения по толерантности. Было принято решение, что центральной темой деятельности подразделений должна стать «роль образования в содействии сотрудничеству и солидарности в условиях возрастающей глобализации человеческого общества». Образование с упором на приобретение присущих всемирному сообществу ценностей (терпимость, уважение и признание различий в области культуры; формирование культуры мира) нам представляется как целостная система, состоящая из двух взаимосвязанных звеньев: 1) развитие национального самосознания учащихся на базе своей культуры, языковой среды; 2) овладение достижениями мировой культуры, системой общечеловеческих ценностей.

В сентябре 1994 года в официальных документах Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций были обозначены основные направления программы действий в рамках года ООН, посвящённого толерантности. В честь пятидесятилетия образования Организации Объединённых Наций 1995 год был объявлен Годом ООН, посвящённым терпимости.

Понятие толерантности формировалось на протяжении многих веков, и этот процесс продолжается до сих пор. «Терпимый – что или кого терпят только по милосердию, снисхождению; терпимость – свойство, качество» (Словарь В. Даля). Накапливая разносторонние значения, термин «толерантность» стремится соответствовать действительности, в которой многообразные проявления нетерпимости требуют новых средств преодоления. Согласно определению, данному в Декларации принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 года в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО), толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [1]. Это определение является наиболее масштабным, подразумевая терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, нацио-

нальному или социальному происхождению, собственности и пр. Нетерпимость превратилась в одну из крупнейших глобальных проблем современного мира. Её суть в отрицании и подавлении различий между отдельными людьми и культурами. Парадокс толерантности как ценности заключается в том, что она обязательна для всего человечества. Анализ перечисленных классических концепций толерантности позволил выявить направленность многих из них на её интерпретацию (прежде всего как духовно-нравственного явления). Значит, признание терпимости в качестве одного из основополагающих компонентов мира между нациями имело большое значение для исторического климата, способствовавшего появлению первых современных деклараций о правах человека. Сегодня следует сделать всё, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех и открыла бы широкие возможности для развития каждого человека. В качестве приоритетных ценностей планеты названы свобода, равенство, солидарность, уважение к природе, разделённая ответственность и толерантность как основа международных отношений.

Список литературы

1. Декларация принципов толерантности. – Генеральная ассамблея, 28 сессия, Париж, 16 ноября 1995 года. – SICS – 96/WS – 5. ЮНЕСКО. – 16 с.
2. Узбекистан и международные договоры по правам человека. Сб. международных договоров по правам человека /Отв. ред. проф. А.Х.Саидов. – Т.: «Адолат», 1998.

«ТРИУМВИРАТ» И «ДУУМВИРАТЫ» В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Зеленский Ю.В.

старший научный сотрудник отдела археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-
заповедник им. Е.Д. Фелицына, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются случаи совместно правления двух князей (дуумвират) и трёх князей (триумвират). Исследуются реальные и формальные случаи подобного соправительства.

Ключевые слова: дуумвират, триумвират, князь, летописи, походы, половцы, торки.

Термины триумвират и дуумвират употребляются историками при описании истории Древнего Рима. Однако иногда их используют для характеристики отдельных периодов древнерусской истории.

Впервые о складывании дуумвирата (соправительства) можно говорить после 1026 г. когда Ярослав Владимирович (Мудрый) и тмутараканский князь Мстислав Владимирович заключили мир и разделили территорию Древней Руси. Левобережье Днепра было закреплено за Мстиславом Владимировичем. Ярослав Мудрый получил во владение правобережье Днепра. Это соправительство продолжалось до смерти Мстислава в 1036 г. В 1031 г. князья-соправители вместе совершили поход против поляков [1, с. 101].

В 1054 г. после смерти Ярослава Мудрого киевским князем стал его старший сын Изяслав Ярославич. Считается, что он правил совместно со своими братьями черниговским князем Святославом и переяславским князем Всеволодом.

По отношению к ним историки употребляют термин «триумvirат». Впервые его ввёл в научный оборот А. Е. Пресняков [2, с. 393]. Летописцы употребляли термин «трие».

Изяслав Ярославич, Святослав Ярославич и Всеволод Ярославич совместно разработали новую редакцию «Правды Ярослава» – «Правду Ярославичей». В 1060 г. они совершили поход против торков. В 1067 г. «триумvirы» воевали против полоцкого князя Всеслава Брючиславича, а на следующий год потерпели поражение от половцев.

Прочность «триумvirата» была подвергнута испытанию сначала во время мятежа в Киеве в сентябре 1068 г. и изгнания Изяслава Ярославича. В 1073 г. союз князей распался после того как Изяслав вновь был изгнан из Киева, на этот раз Святославом Ярославичем и Всеволодом Ярославичем. Во время пребывания Изяслава Ярославича в Польше и Германии нельзя говорить о «дуумvirате» Святослава Ярославича и Всеволода Ярославича. Святослав Ярославич правил единолично. Не сложился также «дуумvirат» Изяслава Ярославича и Всеволода Ярославича после смерти Святослава Ярославича. Возможно, этому помешал мятеж Бориса Вячеславича и Олега Святославича и гибель Изяслава Ярославича в сражении с этими князьями.

В конце XI – начале XII вв. можно говорить о существовании ещё одного «дуумvirата» киевского князя Святополка Изяславича и переяславского князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Они вместе совершили поход против половцев в 1096 г. и организовали съезд князей в Любече в 1097 г. «Дуумvirы» были организаторами походов против половцев в 1103 г. и в 1111 г. Возможно, «дуумvirат» перерос бы в «триумvirат» если бы к Святополку Изяславичу и Владимиру Мономаху присоединился бы брат Владимира Ростислав. Однако этому помешала гибель Ростислава в сражении с половцами на р. Стугне.

В конце XII – начале XIII вв. «дуумvirат» был возрождён сначала Рюриком Ростиславичем и Святославом Всеволодовичем, а затем Романом Мстиславичем и Рюриком Ростиславичем. Последний союз оказался непрочным и распался после того как Роман Мстиславич насильно постриг Рюрика Ростиславича в монахи.

Мы видим, что применительно к истории Древней Руси можно говорить о существовании «триумvirата» и четырёх «дуумvirатов». Более частые случаи «дуумvirатов» могут быть связаны с достаточно частыми случаями соправительства императоров в Византии. Это могло оказать влияние на Русь.

Список литературы

1. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии Наук., 1950. 556 с.
2. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 642 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Зотова А.В.

кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург

На сегодняшний день исследователи опубликовали тысячи статей, посвященные различным аспектам истории Ленинграда в период блокады (1941-1945 гг.). В последнее время появились новые тенденции изучения истории тех событий. Исследователи стали уделять внимание тем сферам жизни ленинградцев, которые раньше не представляли интерес для историков. Прежде всего, это касается экономики города в период Великой Отечественной войны. Анализ путей укрепления экономики мегаполиса в условиях его изоляции позволяет выявить эффективные пути ее развития в условиях современных санкций против Российской Федерации. В 1941-1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, экономика, финансы.

В период Великой Отечественной войны Ленинград, находясь в блокаде, приобрел важный опыт не только увеличения объемов выпускавшейся продукции, но и опыт стратегического планирования развития всех отраслей экономики, нацеленных на укрепление обороноспособности страны. По оценке газеты «Правда» от 3 декабря 1943 г. «Ленинград, несмотря на свое фронтовое положение, является одним из важнейших центров, изготавливающих для фронта вооружение и боеприпасы» [1]. Из Ленинграда было эвакуировано в 1941-1942 гг. до 80 тыс. единиц оборудования, составлявших 80% от всего парка производственного оборудования города [2].

Как известно, эвакуация длилась до конца осени 1943 г. Лучшее оборудование Ленинграда передавалось на создававшиеся предприятия в тыловых регионах страны. Благодаря оборудованию и кадрам ленинградских предприятий была заложена инфраструктура всей советской экономики времен Великой Отечественной войны.

В июле 1942 г. в Ленинграде действовали 170 предприятий союзно-республиканского подчинения, на которых выпускалась продукция, необходимая для ведения боевых действий. Как отмечал А.Р. Дзенискевич, «с начала войны и до конца 1943 г. ленинградская промышленность дала фронту 836 новых и 1346 отремонтированных танков, 150 тяжелых морских орудий, более 4,5 тысяч единиц сухопутной артиллерии разных калибров, свыше 12 станковых пулеметов, более 200 тысяч автоматов, миллионы артиллерийских снарядов и мин, взрыватели разного типа, большое количество раций, полевых телефонов, разного типа – приборов и аппаратов. Ленинградские судо-

---

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (Договор от 16 февраля 2015 г. № 14.W01.15.6540-МК).

строители достроили и построили 407 и отремонтировали около 850 кораблей разного класса» [3].

Во время войны и блокады непосредственно в Ленинграде действовали более 20 совхозов, свыше 400 (а в начале блокады свыше 600) подсобных хозяйств. В Ленинграде только по официальным данным более 225 тыс. человек занимались огородничеством. Все это позволяло засеять около 12 тыс. гектар земли в черте города, добиваясь сбора урожая, равного почти 106 тыс. тоннам овощей в год [4].

В условиях боевых действий ленинградцы создали ряд экономических проектов, нацеленных на долгосрочную перспективу: проект сельскохозяйственного развития, образовательные проекты, научные проекты, социально-культурные проекты и многие другие. В 1943 г. земельным отделом Ленгорисполкома был разработан проект развития сельского хозяйства пригородной зоны Ленинграда с 1944 по 1948 гг. Его главная идея состояла в том, чтобы за счет городского экономического потенциала полностью обеспечивать ленинградцев высококачественной сельскохозяйственной продукцией.

Во время Великой Отечественной войны и, в частности, в период блокады, на ленинградских предприятиях были разработаны новые технологии, позволившие выпускать продукцию, аналогов которой не существовало в мире. Свидетельства тому – выпуск радиолокационных станций, аналогов которым не было в Германии, Великобритании и США, выпуск оборудования для военно-морского флота и военной авиации, которые по своим тактико-техническим характеристикам заметно опережали зарубежные аналоги и представляли собой боевую технику «завтрашнего дня».

Велика роль финансового вклада Ленинграда в общее дело Победы над врагом. Благодаря проведению сбора денег в Фонд обороны, подписке на государственные военные займы, участию ленинградцев в денежно-вещевых лотереях, а также благодаря добровольным пожертвованиям горожан на нужды фронта, Ленинград стал одним из крупнейших финансовых сегментов, обеспечивавших боеспособность Красной армии и флота.

В ходе войны ленинградская экономика проявила жизнестойкость и умение развиваться в экстремальных условиях. Она вырабатывала новые подходы к осуществлению своей экономической деятельности, переосмысливала и воплощала в жизнь идеи высокоэффективной экономики.

В подавляющем большинстве случаев на протяжении всей войны ленинградская экономика полностью справлялась с выполнением плановых мероприятий. Ни один кварталный или годовой план развития экономики и финансов города не был не выполнен. Практически все планы перевыполнялись. Опыт разработки новых экономических технологий в экстремальных условиях – в условиях деконверсии и конверсии предприятий – бесценен сейчас, когда наметились тенденции восстановления отечественного военно-промышленного комплекса.

Список литературы

1. Фролов М.И. Ленинград – фронту. 1943 год / М.И. Фролов // Забвению не подлежит. Вып. VIII. Статьи. Воспоминания. Документы. СПб.: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2011. С. 66.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 82. Л. 4.
3. Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941-1944) / А.Р. Дзенискевич. СПб: Нестор, 1998. С. 229-230.
4. Зотова А.В. Об отчете продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. / А.В. Зотова // Клио. 2013. № 3. С. 12-17; Зотова А.В. Отчет продовольственной комиссии при Военном Совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. / А.В. Зотова // Клио. 2013. № 4. С. 3-18.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КАРАЧАЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА. 1917 – 1922 ГГ.

Орешин С.А.

ведущий эксперт, кандидат исторических наук,
Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Московский
дом национальностей», Россия, г. Москва

В статье рассматривается политическая борьба в Карачае в период Российской революции 1917 г. и Гражданской войны. Автор освещает национальное движение карачаевцев после падения монархии в России, показывает его место и роль в истории общественно-политического противостояния на Кубани, взаимодействие с основными политическими силами России, дискуссии относительно политического будущего карачаевского народа и его места в революционных событиях. Основное внимание уделено созданию карачаевской национальной государственности в начале 1920-х гг., роли региональных и центральных российских властей в ее образовании. Автор приходит к выводу, что создание Карачаево-Черкесской автономной области было обусловлено как ростом национального движения карачаевцев, так и стремлением руководства Советской России заручиться поддержкой горцев в борьбе с контрреволюцией на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Гражданская война в России, Кубанская область, Карачаево-Черкесская автономная область, национально-государственное строительство.

Одним из результатов Революции 1917 г. и Гражданской войны явилось преобразование России в федеративную республику и появление на карте нашей страны автономных государственных образований, созданных по национальному признаку. Затронул этот процесс и Северный Кавказ, в том числе его северо-западную часть, на которой до революции размещалась Кубанская область, образованная в 1860 г.

Карачаевцы – народ тюркской группы алтайской языковой семьи, проживавшие на Северном Кавказе со времен Средневековья, входили в число национальных меньшинств на Кубани, составляя в начале XX в. лишь 1,4%

населения области. Они проживали в основном на территории Баталпашинского отдела, где их доля среди жителей достигала 12,47% [12, с. 20]. Вплоть до свержения монархии горцы не обладали автономией и пользовались лишь ограниченным самоуправлением на аульном уровне [1, с. 29]. Падение самодержавия и начавшиеся демократические преобразования на Кубани вызвали активизацию карачаевского национального движения, которое начинает ощущать себя в качестве отдельной политической силы, со своими интересами и предпочтениями. Перед политической элитой карачаевцев встают проблемы определения политического будущего народа, места в обновленной России. Представители карачаевцев (феодал Х. Хубиев, адвокат М. Абуков и др.) вошли в состав Кубанского областного гражданского исполнительного комитета – нового, демократического органа управления, созданного на Кубани вскоре после падения монархии [8, с. 6].

21 марта состоялся съезд уполномоченных горских населенных пунктов Баталпашинского отдела под председательством ногайского князя адвоката Султана Шахим-Гирея и карачаевского князя подполковника М. Крымшамхалова. Съезд признал новые органы власти в России, решил «всеми мерами поддержать новое правительство», поддержал лозунг доведения войны до победного конца. Был избран Гражданский национальный комитет карачаевского народа (председатель – А. Байрамуков), комиссаром карачаевского народа избран А. Батчаев, Баталпашинского участка – Р. Куатов, Воронцово-Карачаевского – А. Лайпанов, Уччуланского – М. Абаев, судебная власть вручена князю М. Крымшамхалову [14, л. 2.].

Однако вскоре в карачаевском национальном движении начали проявляться разногласия. Представители политической элиты (дворяне, муллы, часть интеллигенции) выступала за тесный союз с верхушкой кубанского казачества, рассчитывая добиться с их помощью реализации своих автономистских требований и не допустить дальнейшего углубления революции. В то же время, демократически настроенные представители интеллигенции склонялись к расширению взаимодействия горцев с левыми общественно-политическими организациями России. Вскоре правые смогли добиться смещения демократически настроенного председателя Карачаевского национального комитета А. Байрамукова со своего поста, заменив его муллой Х.-Х. Урусовым [2, л. 217].

На прошедшем 10-17 августа в ауле Хакуринохабль I свободном общегорском съезде представителей аулов Кубанской области и Черноморской губернии правым удалось провести резолюцию о поддержке Временного правительства и заключении альянса с казаками. Съезд решил «действовать в контакте с казачьим населением Кубанской области, предварительно установив и согласовав точно и определенно политические и общественно-административные задачи обоих народов». В то же время делегаты высказались за преобразование России в «демократическую республику на территориально-федеративных началах областной автономии», создание особых национальных округов в районах с компактным проживанием национальных меньшинств, а также представительство горцев в органах местного само-

управления области. Был сформирован Кубанский областной горский Совет – представительный орган мусульман края, который должен был отстаивать их интересы перед областными и российскими властями, куда вошли представители карачаевцев Т. Биджиев, И. Байрамуков, К.-Х. Лайпанов и др. В постоянно функционировавшем Кубанском областном горском комитете интересы карачаевцев представлял Х. Хубиев [7, с. 247].

Осенью представители карачаевцев (Х. Хубиев, Т. Биджиев и др.) были включены в состав Кубанской Законодательной Рады – высшего органа управления Кубанской области, созданного политической элитой кубанского казачества. В развернувшемся в начале 1918 г. вооруженном противостоянии на Кубани между Радой и сторонниками Советской власти, подавляющая часть руководителей карачаевского национального движения выступила на стороне казаков. Немногочисленные левые не имели влияния на широкие народные массы. В результате горцы оказались втянуты в Гражданскую войну, целей и смысла которой они не понимали, а весной 1918 г. ряд горских аулов был разгромлен превосходившими силами Красной гвардии [13, с. 15].

В мае на съезде Советов Кубани и Черноморья была провозглашена Кубано-Черноморская Советская республика – территориальная автономия в составе Советской России. Национальный фактор при ее образовании в расчет не принимался, более того, большевики в то время склонны были с подозрением относиться к кубанским горцам, видя в них пособников контрреволюционеров, и не стремились предоставлять коренному населению края автономию. Однако постепенно у новых властей возникало понимание необходимости налаживания конструктивных взаимоотношений с горцами. Состоявшийся в апреле съезд горцев Баталпашинского отдела единогласно признал власть Советов и выразил доверие Кубанскому областному исполкому [9, с. 36].

В структуре высших органов управления Кубано-Черноморской республики был создан комиссариат по горским делам, который возглавил адыгейский революционер М.Х. Шовгенов. Его главной задачей являлась пропаганда среди горского населения идей Советской власти, привлечение горцев на ее сторону, организация сил для борьбы с контрреволюцией, просвещение горского населения, оказание ему материально-технической помощи. С мая под эгидой комиссариата по национальным делам началось издание газеты «Красная Кубань» (редактор – Х. Плецерун) на русском языке тиражом 600 экземпляров. Однако в условиях неграмотности большей части горского населения, господства патриархально-родовых пережитков, сильного влияния традиционной элиты (дворянство, мусульманское духовенство) на настроения горцев, достичь успеха было непросто. Комиссариат по горским делам испытывал острую нужду в квалифицированных сотрудниках, которые хорошо бы знали языки горцев, их традиции и обычаи и, в то же время, имели навыки государственного управления и стояли на платформе Советской власти. Сам М. Шовгенов признавался, что неграмотные, не знающие, в большинстве своем, русского языка, горцы не могли разобраться в программах различных политических партий, не видели между ними разницы, а по традиции, «слепо доверяли своим султанам и князьям, посылая их в Раду и

куда только требовалось для решения своих судеб». Эксплуататоры же, используя свой авторитет, натравливали горцев на большевиков и вообще на иногороднее население, убеждая их примкнуть к контрреволюционному казачеству [5].

Во второй половине 1918 г. Кубано-Черноморская Советская республика пала под ударами белогвардейской Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, захватившей Северный Кавказ. Белые являлись сторонниками «единой и неделимой» России, выступали против права нерусских народов на национальное самоопределение и создания национальных государственных образований. Впрочем, на Кубани они вынуждены были считаться с Кубанской Радой, которая вернулась в Екатеринодар и рассматривала себя в качестве полномочного органа власти в регионе. Испытывая необходимость в поисках союзников в противостоянии как с красными, так и с белыми (разногласия с ними с течением времени становились все более острыми), кубанские регионалисты старались вновь привлечь на свою сторону лидеров горского национального движения.

Видное место в рядах белого движения на Кубани занимал карачаевский князь М. Крымшамхалов. Горцы были уравнены в политических правах с казаками, получили право избирать и быть выбранными в органы местного самоуправления, их представители были вновь включены в состав Кубанской Законодательной Рады. Помощником атамана Баталпашинского отдела был назначен карачаевский офицер Х. Боташев, а приставом Карачая – губернский секретарь А. Батчаев. В структуре отдела пропаганды Кубанского краевого правительства было образовано карачаевское отделение, которое возглавил Т. Хубиев. В Екатеринодаре был организован выпуск газеты «Свободный Карачай» на карачаевском языке. Следует отметить, что представители Карачая в Раде поддерживали антиденикинскую казачью оппозицию, выступавшую за расширение автономных прав Кубани, против вмешательства военных властей в деятельность регионального правительства [6, с. 130].

Однако после того, как по настоянию белогвардейских властей в сентябре 1919 г. съезд карачаевского народа, проходивший в укреплении Хумаринском, принял решение о мобилизации горцев в ряды Вооруженных сил Юга России (до революции они были освобождены от воинской повинности), влияние белых в горах стало стремительно падать. Не добавляли им популярности и многочисленные реквизиции, проводимые на военные нужды, введение дополнительных повинностей, налогов и чрезвычайных сборов. В результате в Теберде, Большом Карачае, Джегуте стали возникать партизанские отряды (их возглавляли И. Байкулов, М. Урусов, М. Батчаев, Т. Алиев, И. Хубиев и др.), которые с оружием в руках выступали против белогвардейцев и их ставленников. Попытки белых силой подавить волнения успехом не увенчались. Более того, на сторону партизан стали переходить даже некоторые аульные старшины и чиновники, назначенные деникинцами [9, с. 61].

Приход в марте 1920 г. на Кубань регулярной Красной армии привел к активизации партизанского движения в Карачае. В ночь на 20 марта партизаны захватили укрепление Хумаринское, а вскоре выбили белых из аулов Ха-

саут и Джегутинский. 22 марта подразделения X армии РККА взяли станицу Баталпашинскую, а к началу апреля очистили всю территорию отдела от белых. Горцы встречали советские войска с красными флагами, хлебом и солью, заявляя, что они «признают Советскую власть и обещают оказывать всяческое содействие по разоружению казачьих банд» [11, л. 152]. Состоявшийся 27-30 апреля съезд горцев Баталпашинского отдела единодушно поддержал установление Советской власти в регионе, при этом, как отмечалось в отчете о работе съезда, среди делегатов-карачаевцев была замечена сильная тенденция к созданию отдельного карачаевского революционного комитета, который должен был сосредоточить в своих руках всю полноту власти в карачаевских аулах [10, л. 2].

Между тем на протяжении лета 1920 г. политическая обстановка в Карачае резко обострилась. Среди горцев стремительно росло недовольство новой властью, вызванное введением продразверстки, многочисленными реквизициями на военные нужды, начавшимся «красным террором», принявшим большой размах, а также кампанией по борьбе с религией. Горцы выражали недовольство и тем фактом, что никакой автономии они не получили, а практически все высшие должности в структуре управления Баталпашинского отдела заняли люди, плохо знакомые с бытом и обычаями коренных народов края, зачастую проявлявшие пренебрежительное отношение к традиционной культуре горцев, видя в ней всего лишь «пережиток прошлого».

Значительная часть традиционной карачаевской элиты продолжала вооруженную борьбу с большевиками, стремясь втянуть в нее народные массы. Так, в рядах белогвардейской т.н. «Армии возрождения России» сражались отряды карачаевских князей Крымшамхаловых, Джантемировых и др. 1 сентября 1920 г. в Большом Карачае вспыхнуло массовое антисоветское восстание. Советская власть пала на большей части территории края. О взятии всей полноты власти заявил сформированный повстанцами Верховный совет обороны Карачая под руководством муллы Т.-Х. Каракетова и коннозаводчика К. Узденова. Повстанческие отряды были сведены в т.н. Северокавказский фронт, которым командовали князья С. Клыч-Гирей и М. Крымшамхалов [9, с. 76]. В аулах вместо упраздненных ревкомов власть передавалась выборным старшинам.

Несмотря на то, что некоторые аулы поддержали большевиков (из них наиболее революционным был Каменноостский, отразивший многочисленные попытки восставших захватить его), положение было угрожающим. Для подавления восстания на Северо-Западный Кавказ спешно перебрасывались дополнительные силы. Сам председатель российского Совнаркома В.И. Ленин счел нужным обратиться к карачаевцам с воззванием, в котором призвал трудящихся горцев к борьбе против врагов народа – белогвардейцев. 9 октября в Пятигорске состоялась конференция трудящихся горцев-карачаевцев, вынесшая резолюцию о мобилизации всех революционных сил на борьбу с «белыми бандами» во имя восстановления Советской власти [6, с. 169]. Колоссальный перевес в силах и средствах позволил Красной армии сравнительно быстро разгромить основные силы восставших. Поняв, что дальней-

шее сопротивление бесперспективно, горцы стали искать соглашения с большевиками. 27 октября в станице Красногорской было подписано мирное соглашение между представителями карачаевцев и командованием РККА, по которому горцы согласились восстановить Советскую власть в своих аулах и выступить против белогвардейцев; в свою очередь, большевики обещали пресекать злоупотребления отдельных должностных лиц и учитывать интересы карачаевского народа при разработке курса своей политики в регионе. Прошедший 11 ноября в ауле Учкулан чрезвычайный съезд карачаевского народа высказался за всемерную поддержку Советской власти и ее начинаний. Кроме того, делегаты вновь поставили вопрос о создании карачаевской национальной автономии.

Правда, против этого возражали органы власти Кубано-Черноморской области и Баталпащинского отдела, не желавшие терять контроль над частью своей территории и доказывавшие центральным властям несвоевременность подобного шага. Тем не менее, Кавказское бюро ЦК РКП (б) и российский Совет Народных Комиссаров приняли, как им казалось, компромиссное решение о включении территории проживания карачаевцев в состав вновь создаваемой Горской АССР, которая, по мысли ее создателей, должна была представлять собой форму коллективной автономии горских народов Северного Кавказа. 19 ноября был образован Карачаевский округ ГАСССР, сформированы окружной революционный комитет и оргбюро РКП (б), которые возглавил известный деятель карачаевского национального движения левого толка У.Д. Алиев [9, с. 82]. В начале апреля 1921 г. в Кисловодске состоялся I съезд Советов Карачая, который объявил о замене ревкомов Советами и уделил большое внимание урегулированию поземельных споров между карачаевцами и кабардинцами, грозившими вылиться в межнациональные столкновения между этими народами [4, с. 143].

Однако создание округа не устраивало карачаевскую политическую элиту, стремившуюся к созданию отдельного автономного государственного образования. В июне 1921 г. У. Алиев обратился к отдыхавшему в Нальчике народному комиссару по делам национальностей И.В. Сталину с просьбой рассмотреть вопрос о выделении Карачая из состава Горской АССР, мотивируя это тем, что карачаевские населенные пункты не имеют прямого сообщения с основной территорией Горской Республики, кроме того, экономически они всегда тяготели к Баталпащину и Кисловодску больше, нежели к Владикавказу. Сталин с представленными мотивами согласился и направил в Наркомнац телеграмму, в которой отмечал, что «за выходом Кабарды из Горской Республики стоит выделение Карачая». Однако против этого предложения решительно выступило руководство Горской АССР, обвинившее карачаевских лидеров в «сепаратизме» и стремлении «расколоть» Горскую Республику. От слов они перешли к делу: осуществили реорганизацию партийного бюро РКП (б) в Карачаевском округе, заменили выборные исполкомы Советов назначаемыми ревкома на местах, а также попытались привлечь на свою сторону часть руководителей карачаевского национального движения [4, с. 165].

Однако удержать Карачай в составе ГАССР не удалось. 8 ноября на заседании Карачаевского оргбюро РКП (б) в присутствии представителей Народного комиссариата по делам национальностей, а также членов ЦИК и СНК Горской АССР было принято решение ходатайствовать перед Центром об образовании Карачаево-Черкесской автономной области, с подчинением непосредственно властям РСФСР [6, с. 177]. Это решение было закреплено 20 ноября на очередном съезде карачаевского народа, проходившем в Учкулане. Делегаты отметили, что побудительными мотивами выделения Карачая является территориальная и экономическая оторванность Карачая от Горской АССР, исторически сложившиеся тесные связи карачаевцев с населением Кубанской области, а поэтому приняли решение «просить ВЦИК о выделении Карачая... в автономную область, совместно с зеленчукскими черкесами и смежно с ними расположенными станицами» [3, л. 70-71].

В Москву была направлена делегация под руководством У. Алиева (в ее состав вошли Д. Гутекулов, А. Калмыков, Я. Чайкин, А. Батчаев, Ш. Алиев, М. Мансуров), которая в декабре обратилась с ходатайством о создании национальной автономии во ВЦИК. Делегаты сумели заручиться поддержкой Ленина, который дал указание Наркомнацу подготовить проект решения о создании объединенной автономной области. 12 января 1922 г. ВЦИК РСФСР издал декрет об образовании Карачаево-Черкесской автономной области в составе Учкуланского, Хумаринского, Мало-Карачаевского, Эльбурганского и Баталпашинского округов с непосредственным подчинением РСФСР [6, с. 179].

Итак, какие можно сделать выводы? Февральская революция дала толчок активизации национального движения карачаевцев – коренного населения Северо-Западного Кавказа, при этом во главе его стояли представители мусульманского духовенства, аристократии и интеллигенции. Вследствие малочисленности горского населения по сравнению с другими народами Кубано-Черноморья стремление к национальной независимости оказалось выражено весьма слабо. Потребность в политическом оформлении своей этнонациональной идентичности воплотилась в борьбе за достижение автономного статуса, при этом политическая элита карачаевцев первоначально делала ставку на союз с лидерами кубанского казачества.

Однако региональные кубанские власти (и казачьи, и советские) прохладно относились к идее выделения горцев в автономную область, не желая утратить контроль за частью своей территории. По мере своих сил они старались замедлить процесс становления карачаевской национальной автономии, в то же время рассчитывая использовать горское движение в своих интересах. Очевидно, что карачаевская политическая элита не располагала достаточными силами для самостоятельного достижения поставленных целей. В этих условиях все зависело от позиции российских властей, которые, начиная с 1920 – 1921 гг. начинают склоняться к предоставлению горцам автономного статуса. Причина заключалась в сложной внутривластной обстановке на Северо-Западном Кавказе, враждебности части кубанского казачества Советской власти, продолжавшейся вооруженной борьбой в регионе, а также

начавшимся в сентябре 1920 г. мощным антисоветским восстанием в Карачае. Стремясь урегулировать конфликт и заручиться поддержкой горцев в борьбе с контрреволюцией, центральные власти идут навстречу их требованиям, результатом чего явилось появление в начале 1922 г. Карачаево-Черкесской автономной области – первого национального государственного образования карачаевского народа. При этом основную инициативу в ее создании проявил Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, в то время как руководство Горской АССР отрицательно относилось к этой идее.

В то же время следует отметить, что в состав вновь созданной автономной области оказались включены территории, населенные представителями различных этнических групп (карачаевцами, черкесами, ногайцами, абазинами, русскими и т.д.), что предопределило особую значимость национального вопроса в дальнейшей истории Карачаево-Черкесии.

Список литературы

1. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в.-1920-е годы). М.: ИЭА, 2012. 340 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 49.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645.
4. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917 – 1924 гг.). Владикавказ: СОГУ, 2003. 210 с.
5. Известия Кубанского областного исполнительного комитета и Екатеринодарского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 5 мая.
6. Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии: Борьба большевиков за власть Советов (1917 – 1920 гг.). Черкесск: Ставроп. Кн. изд-во. Карачаево-Черкес. Отд-ние, 1987. 192 с.
7. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007. 518 с.
8. Очерки истории Адыгеи. Т. II. Советский период / Редкол. Г. П. Иванов, д-р ист. наук, проф. (гл. ред.) и др. Майкоп: Краснодар. Кн. изд-во, Адыг. Отд-ние, 1981. 368 с.
9. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Том второй. Советский период / Ред. Коллегия: канд. ист. наук Р. Х. Джанибекова (отв. Ред.) и др. Черкесск: Ставроп. Кн. изд-во. Карачаево-Черкес. Отд-ние, 1972. 448 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 11. Д. 31.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 193. Оп. 4. Д. 334.
12. Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917-1920 гг.). Майкоп: АГУ, 1998. 150 с.
13. Тамбиев И. Карачай прежде и теперь. Ростов н/Д: Изд-во Северный Кавказ, 1931. 42 с.
14. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2.

ОКТАБРЬ 1917 г.: РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ЯКУТИИ

Федоров В.И.

ведущий научный сотрудник, д-р истор. наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера, Россия, г. Якутск

В статье рассматривается общеполитическая обстановка, расклад политических сил в Якутии в канун октябрьских событий 1917 года, идейные и тактические платформы политических партий, их силы и слабости, формирование предпосылок для крутых социальных преобразований, причины их незрелости и слабости. Изучение и обобщения этих вопросов приводят автора к выводу об отсутствии предпосылок в регионе для захвата власти и удержания её в духе Октября.

Ключевые слова: политическая обстановка, Октябрь, Февральская революция, предпосылки, партии, Временное правительство, Октябрьский переворот, политические ссыльные.

На рубеже веков (XIX-XX) Якутия считалась местом ссылки, особенно политической. Политссылка имела благоприятное влияние на развитие образования и самосознания народа саха.

После Февральской революции к началу лета 1917 г. почти все политические ссыльные выезжали в центр. В связи с предстоящим выездом Г.И. Петровский на заседании Якутского комитета общественной безопасности (ЯКОБ), состоявшемся 7 мая 1917 г., сообщил о необходимости своего ухода с поста правительственного комиссара. На его место меньшевик М.М. Константинов выставил кандидатуру В.Н. Соловьева (эсера). Под дружные аплодисменты присутствующих он избирается правительственным комиссаром. Губельман (Ем. Ярославский), поддерживая избранного Соловьева и считая, что власть должна быть в твердых руках социалистов, выразил уверенность в том, что она передается именно в такие руки. Председатель ЯКОБ меньшевик Г.О. Охнянский, отказываясь от своей должности по той же причине, выразил надежду в том, что, работая в других местах, «он и его товарищи продолжат начатое дело в Якутске по решению (задач – В.Ф.) якутской организации социал-демократов и по соглашению с партией социалистов-революционеров» (стиль сохранен – В.Ф.). Получив поддержку организации эсеров, от имени социал-демократической организации была выставлена кандидатура на пост председателя ЯКОБ П.Ю. Перкона (социал-демократ), который был избран единогласно. Г.О. Охнянский, работая председателем ЯКОБ, пользовался большим авторитетом и популярностью [Национальный архив Республики Саха (Якутия) Далее: НА РС(Я). Ф.1. Оп. 1. Д. 1. Л. 73].

После отставки Г.И. Петровского и Г.О. Охнянского с руководящих постов области и смены руководства, 18 мая 1917 г. проходили выборы в городскую думу Якутска, которая прекратила деятельность, как известно, 4 марта 1917 г., передав свои функции ЯКОБу. Итоги выборов в городскую

думу отражали новую расстановку политических сил. Эсеры и члены союза «Свобода» получили 24 (соответственно 15 и 9) места, социал-демократы – 15, остальные 11 мест распределились между союзом учителей, еврейской и мусульманской общинами и другими мелкими союзами, которые поддерживали политику Временного правительства. Председателем вновь избранной думы был избран член союза «Свобода» Г.В. Ксенофонтов, председателем городской управы – эсер И.Н. Эверстов [2, с. 16]. В состав руководства города не попал ни один социал-демократ, хотя победивший в думе блок считался социалистическим, участие большевиков в нем впоследствии было признано ошибкой [4, с. 141].

25-30 июня 1917 г. проходила конференция союза «Свобода», вместо отмененного исполнительным бюро ЯКОБ (10 мая) второго съезда якутов и русских крестьян, которая стала учредительной для новой организации под названием «Якутский трудовой союз федералистов». Конференция приняла программу и устав Союза. Это означало не только переименование прежнего союза «Свобода», а новую ступень национального партийного строительства якутов в новых условиях.

Большевистское крыло социал-демократической организации получило сильный удар и в результате перевыборов в совет рабочих депутатов. Состоявшееся 18 июня 1917 г. объединенное собрание четырех профсоюзов приняло решение, согласно которому новый состав совета рабочих депутатов формировался путем представительства профсоюзов и организаций социал-демократов и эсеров [Вестник ЯКОБ. 1917. 22 июня (5 июля)].

Социал-демократы и эсеры послали в соответствии с нормой по 10 депутатов. Первые в подавляющем большинстве делегировали меньшевиков, а большевики в количестве 10 человек в совет попали благодаря профсоюзам. Всего в совет рабочих депутатов было избрано около 60 депутатов. В состав исполкома совета были избраны одни меньшевики, кроме К. Медницкого – правого эсера. Председателем исполкома стал меньшевик В. Виленский [3, с. 14]. Вскоре эсеры, недовольные избранием в состав совета большевиков и, оказавшись в жесткой оппозиции проводимой советом политике, вышли из него.

К лету 1917 г. в среде основных политических партий России в соответствии с меняющейся обстановкой произошли существенные изменения в их политических и тактических задачах и установках.

Внутриполитический курс Временного правительства, обещавшего широкую демократизацию общественной жизни, выборы в Учредительное собрание, уничтожение всякой сословной, религиозной и национальной дискриминации, оказался противоречивым и непоследовательным. В управлении страной, оставляя все существовавшие ранее структуры исполнительной власти (министерства, городские думы, земства), Временное правительство ограничилось введением должности комиссара в качестве своего представителя в губерниях и областях взамен губернаторов, упразднением царской полиции и созданием нового органа охраны правопорядка – милиции. В аграрной политике – довольно вяло занималось подготовкой реформы, откладывая

её проведение до созыва Учредительного собрания. Нота П.Н. Милюкова от 18 апреля с заверением союзников о ведении войны до победного конца спровоцировало правительственный кризис, результатом которого явилось соглашение с Петроградским советом и создание коалиции в Правительстве с участием социалистов и меньшевиков.

Якутская действительность была иной. В Якутии не было промышленного пролетариата, после Февральской революции в связи с выездом социал-демократов в центр, их позиции сильно ослабли. В совете рабочих депутатов верховенствовали эсеры и меньшевики и о замене их большевиками не могло быть и речи, т.к. для этого не было ни социальной базы, ни политической обстановки.

Тяжелое положение страны, неудачи на фронте подрывали авторитет партии эсеров, усиливалась внутривнутрипартийная борьба. Летом 1917 г. из неё выделилось левое крыло. Оно требовало разрыва с Временным правительством, немедленного решения аграрного вопроса, заключения с воюющими странами мира без аннексий и контрибуций и стало более тесно сотрудничать с партией большевиков. В отличие от положения партии социалистов-революционеров в стране, позиция якутских эсеров значительно укрепились. Они стали ведущей организацией не только по численности, но и влиянием на народные массы, вполне легитимно стали во главе Комитета общественной безопасности, городской думы и управы, вступили в более тесный союз с национальной интеллигенцией через её партии – Союза федералистов, ставшей выразительницей интересов и чаяний народа саха. Эсеры считали революцию законченной, призывали народ к спокойной, мирной жизни. Главной политической задачей они считали выборы в Учредительное собрание, которое, по их мнению, все расставит по своим местам. Вместе с тем, группа левых эсеров, к числу которых относились И.В. Альперович, Л.Н. Аммосов, А.Е. Кугаевский, М.Ф. Пясецкий, Л.М. Тверской, Н.Г. Юдин и другие, защищая свои воззрения на происходящие события, интересы рабочих и бедноты, отшатнулись от правых эсеров, бесповоротно поддерживающих Временное правительство [Там же, с. 21].

Меньшевики по-прежнему считали, что в России отсутствуют предпосылки для социалистической революции. Поэтому резко выступали против лозунга перехода власти в руки советов, в которых они видели только «форму классовой пролетарской организации и органа давления на буржуазию» [3, с. 358]. После первого кризиса Временного правительства (апрель 1917 года), меньшевики, сменив тактику ведения борьбы вместе с либеральной буржуазией, вступили в правительственную коалицию и поддерживали эту линию во всех трех коалиционных правительствах. Однако кризис коалиционной политики, неэффективность Предпарламента, внутривнутрипартийная борьба подрывали авторитет меньшевиков среди населения страны. На выборах в Учредительное собрание меньшевики получили только 1158 тыс. голосов [3, с. 358].

Якутские меньшевики составляли подавляющее большинство в социал-демократической организации и находились по своим политическим взгля-

дам в близких отношениях с эсерами. Однако, находясь в единой организации с большевиками и имея общие или близкие взгляды с ними по общедемократическим задачам Февральской революции, особенно в защите интересов трудовой части народа, они выступали единым блоком по многим вопросам. Большевики стояли во главе Продовольственного комитета, очень важного органа продовольственного и материального обеспечения населения в условиях войны и острой политической обстановки в стране. Действуя в рамках положения этого комитета, они добивались завоза необходимых товаров, справедливого распределения имеющихся продовольственных и иных ресурсов среди населения. После выезда из Якутии Г.И. Петровского, Ем. Ярославского и Г.К. Орджоникидзе, руководство социал-демократической организацией и советом рабочих депутатов оказалось в руках меньшевиков. Новое руководство области для укрепления своей позиции в ЯКОБ, в начале августа 1917 г. провело реорганизацию его состава. В итоге её усилили блоки партий, объединений и политических течений, поддерживающих линию Временного правительства и противостоящих большевистской линии, направленной «на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую».

География представительства в новом составе ЯКОБ значительно сузилась, фактически он сформировался из городских организаций и профсоюзов, за исключением нескольких наслегов Западно-Кангаласского и Таттинского улусов Якутского округа. Другие округа не были представлены вовсе, хотя он объявлялся областным органом власти. В реорганизованный состав ЯКОБ были делегированы 115 членов и 22 кандидата [2, с. 38]. Преобладающее большинство их представляло либеральную силу из различных партий и профсоюзов. В ЯКОБ попали около 40 эсеров, социал-демократов – 20 членов и кандидатов, среди них только 4 большевика; более 20 рабочих делегатов; служащих – около 20 и всего 6 делегатов от наслегов двух улусов [3, с. 38].

В результате этой реорганизации упрочил свою позицию эсеро-федералистский блок, который, составляя почти половину состава ЯКОБ, путем привлечения дополнительных голосов за счет других фракций, легко проводил свою линию в этом органе власти. Большевики, поддерживая эсеров в крупных российских вопросах, продолжали выступать совместно с большевиками по ряду местных вопросов. Самостоятельная фракция большевиков, возникшая в сентябре 1917 г., в силу своей малочисленности и сильного радикализма не имела реального влияния. В сентябре 1917 г. для консолидации сил в защиту демократии оформился блок под названием «Объединенная демократия», куда вошли: Якутская организация эсеров, «Якутский трудовой союз федералистов», Якутский национальный комитет, общество «Саха аймах», Якутская городская дума, совет военных депутатов, Комитет общественной безопасности [1, с. 14]. «Объединенная демократия» по своему составу и практическим делам представляла собой либерально-демократическую силу, которая в вопросах государственного устройства и социально-экономических реформ в России возлагала всю надежду и ответственность на Учредительное собрание. По этой причине она поддерживала

усилия ЯКОБ, затем Областного совета по сохранению старых порядков по налогообложению, умиротворению попыток левых сил к радикализации общественного движения.

Такая расстановка политических сил в области накануне Октябрьского вооруженного переворота в Петербурге свидетельствовала об отсутствии всяких предпосылок – ни материальной, ни политической, для победы советской власти в Якутии. В материальном плане – социально-экономическая отсталость Ленского края обусловила патриархально-родовой менталитет народов, минимизировала социальное расслоение населения, ослабила остроту классовых взаимоотношений внутри якутского общества. В политическом плане – социокультурная отсталость народов севера сдерживала политизацию общественного сознания и развитие в целом, что обусловило индифферентный настрой подавляющего большинства населения, исключало радикальный способ решения назревших вопросов в обществе. На этом фоне укрепили свои позиции консервативно-либеральные силы в лице эсеров и якутских федералистов, также правых меньшевиков, состоящих в социал-демократической организации.

Список литературы

1. История Якутской АССР. Т. 3. – М., 1963. – 362 с.
2. Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. Установление советской власти. Часть вторая. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 248 с.
3. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.: Росспэн, 1996. – 872 с.
4. Ярославский Е.М. О Якутии. Якутск, 1968. – 238 с.

ЯКУТИЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА (XX): НАЦИОНАЛЬНО-ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Федоров В.И.

ведущий научный сотрудник, д-р истор. наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера, Россия, г. Якутск

В статье автор рассматривает начало национально-партийного строительства в Якутии, степень зрелости условий для возникновения политических организаций, способных решать социально-экономические и политические задачи народа саха в рамках многонационального унитарного государства, каким являлась Российская империя.

Ключевые слова: политические организации, национальная интеллигенция, представительство народа, Государственная дума, программа, устав, земское самоуправление, Союз якутов, революция 1905-1907 гг. Февральская революция, союз федералистов.

Якутия в начале XX в. считалась одной из самых отсталых окраин Российской империи. В её общественно-политической жизни накапливалось много проблем. В связи с Первой Русской революцией эти проблемы обострились и подтолкнули зарождающуюся национальную интеллигенцию более

обостренно задуматься о будущем народа саха и, а где возможно, к активным действиям по решению насущных задач национального строительства. Такими были вопросы местного самоуправления, представительства народа саха в Государственной Думе, проблемы аграрных отношений, особенно равного землепользования, преподавания в школах на родном языке и др.

Не получив поддержки в решении этих проблем путем реформ, и убедившись в косности власти имущих, представители национальной интеллигенции встали на путь организованной борьбы за осуществление своих идей. Они поняли необходимость создания национальной политической организации, способной возглавить эту работу. Инициативу взял на себя лидер национальной интеллигенции Василий Васильевич Никифоров, являвшийся в то время председателем Якутского сельскохозяйственного общества (ЯСХО).

Для обмена мнениями Василий Васильевич 31 декабря в своей квартире собрал сторонников и поднял вопрос о необходимости создания подобной организации с программой и уставом. Получив одобрение, он и инициативная группа 4 января 1906 г. провели собрание представителей улусов и различных чинов. Открыв заседание, В.В. Никифоров прямо сказал о связи собрания с происшедшими в России революционными событиями и подчеркнул, что нужно «поддержать освободительное движение в центре» созданием союза инородцев-якутов [4, с. 147]. В.В. Никифоров получил полную поддержку собравшихся. Собрание приняло программный документ – устав «Союза якутов», определивший его цели и задачи – «прочное установление своих гражданских и экономических прав». Для достижения этих целей союз поставил себе задачу добиваться:

- признания всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также владеемых казной в виде оброчных статей, монастырями, церквями и ссыльными поселенцами по распоряжению правительства без согласия инородцев, собственностью самих инородцев;

- скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении, выработанного всеми представителями инородцев Якутской области;

- представления права якутам иметь своего отдельного представителя в Государственной думе;

- немедленного уничтожения опеки полиции над инородческими общественными учреждениями и прекращения всякого сношения с ними администрации.

Союз в уставе определил способы, с помощью которых предполагалось достигнуть удовлетворения своих целей: а) предъявление выдвинутых требований местной и высшей администрации; б) отказ от всякого сношения с чинами полиции; в) отказ от платежа податей и повинностей [Национальный архив Республики Саха (Я) (далее – НА РС(Я) Ф. 15. Оп. 18. Д. 280. Л. 8.].

Собрание избрало ЦК Союза, куда вошли Афанасьев Петр Алексеевич, Васильев Иван Гаврилович, Говоров Иннокентий Степанович, Ксенофонтов Василий Никифорович, Никифоров Василий Васильевич, Аммосов Иван Иванович, Слепцов Петр Ванифантович, Скрыбыкин Николай Николаевич,

Попов Илья Алексеевич, всего 9 членов ЦК и кандидат в члены Артамонов Василий Фомич [НА РС(Я) Ф. 15. Оп. 18. Д. 280. Л. 8].

5 января в квартире Васильева состоялось заседание ЦК Союза, где В.В. Никифоров составил телеграмму на имя председателя Совета Министров, которую подписали все члены ЦК. Телеграмма была отправлена 6 января и имела следующее содержание: «Союз инородцев-якутов», не получая ответа на ходатайство своих представителей о допущении представителя от якутов в Государственную думу, постановил требовать признания всех земель, находящихся во владении инородцев, а также находящихся в распоряжении казны, монастырей, церкви и отведенных ссыльным, собственностью якутов; скорейшего введения земского самоуправления в области, предоставления права избрания в Государственную думу представителя от якутов и передачи функций окружных полицейских управлений в заведование самих инородцев» [4, с. 147-148]. В заключение извещалось, что до удовлетворения означенных требований союз приостанавливает платежи всех податей и повинностей.

«Союз якутов», будучи по своему характеру национально-демократической, либеральной организацией, не выдвигал революционных требований, выходящих за рамки существующего строя, даже монархического режима. В требованиях союза мы не находим идеи об отделении Якутии от России, классовой сущности этих требований. Но в них красной нитью проходит мысль о дальнейшей судьбе народа саха, о признании его элементарных прав. Центральное место в требованиях занимали вопросы собственности коренного народа на землю, введения земского самоуправления и представительства в Думе и др.

После создания Союза члены ЦК и участники собрания срочно разъехались по улусам и наслегам для работы по созданию местных организаций союза и развернули энергичную деятельность по созданию местных комитетов в улусах и наслегах. Прокурор якутского окружного суда А.И. Гречин в своем представлении прокурору Иркутской судебной палаты докладывал, что «из 8 улусов Якутского округа с 131 наслегами присоединились к программе «Союза якутов»: 10 наслегов Восточно-Кангаласского улуса из 13 наслегов этого улуса; все 8 наслегов Дюпсинского улуса; 15 из 17 наслегов Мегинского улуса; 19 из 31 наслега Ботурусского улуса; 6 наслегов Баягантайского и несколько наслегов Западно-Кангаласского улусов [2, с. 165].

ЦК «Союза якутов» на 5 февраля назначил областной съезд организации, но ему не было суждено состояться: в ночь с 18 на 19 января шесть членов ЦК «Союза якутов» были арестованы. Вскоре такая же участь постигла и остальных членов и активистов Союза. Судебные преследования их продолжались полтора года. Последний суд состоялся 11–15 сентября 1907 г. На этот раз рассмотрение дела поручили Якутскому окружному суду. До этого этим делом занималась Судебная палата Иркутской области. В приговоре В.В. Никифоров был признан «главным руководителем и ...душою преступного сообщества и был приговорен 1 году 6 месяцам заключения в исправительный дом. Восемь руководителей Союза были приговорены к разным сро-

кам заключения, семь человек были оправданы [НА РС(Я) Ф. 192. Оп. 18. Д. 23. Л. 23-26].

В историографии до 1990-х гг. господствующей оценкой деятельности Союза и его лидеров, в первую очередь В.В. Никифорова, являлось полное отрицание их роли в национально-демократическом движении народа саха. Большинство исследователей оценивало «Союз якутов» как организацию либеральных, обуржуазившихся тойонов и нарождающейся буржуазии, стремившихся своими деяниями упрочить свое политическое и экономическое господство в Якутии. Такая оценка вытекала из классово-партийного подхода и политизированной трактовки исторических процессов и отдельных событий.

«Союз якутов» является первой политической организацией «инородцев», возглавившей национально-демократическое движение народа саха за свое достойное место в геополитическом пространстве России.

Революция 1905-1907 гг. потерпела поражение. Устои царизма, его имперская политика, получив первый ощутимый удар, все же сохранились. Но результатом ее явились обозначившаяся демократизация общественно-политической жизни, возникновение элементов парламентаризма в виде Государственной думы, установление многопартийности, легализация либеральной печати и т. д. Революция оказала заметное влияние и на такую окраину России, как Якутская область, хотя это влияние ощущалось в основном только в Якутске, где формировались условия для более широкого демократического движения. В других городах, особенно в улусах, влияние революции, даже ее отголосков, если не считать отдельных явлений недовольства, вообще не чувствовалось. Это объясняется, прежде всего, уровнем развития общего развития общества, традиционным укладом жизни коренного населения, не допускающим организованного насилия в решении своих вопросов, даже самых насущных, ведь общинные и патронажные устои там оставались господствующими.

После разгрома «Союза якутов», тем более поражения Первой революции в России, национальная интеллигенция сняла вопросы национально-партийного строительства и в годы Первой мировой войны возникли новые задачи, где, считая Якутию составной частью России, она стояла на позициях защиты Отечества.

Февральская революция подвигла национально-демократическое движение в крае на новый уровень, и соответственно возродилось в новом качестве национально-партийное строительство. Имеющийся союз «Свобода» оставался не до конца продуманным и организационно оформленным.

На первом съезде якутов и русских крестьян (март 1917) было решено созвать второй подобный съезд летом 1917 г., но перед сенокосной страдой решили его не проводить, хотя некоторые делегаты из улусов съехались в Якутск. Городские члены союза «Свобода» решили воспользоваться этим случаем и провести конференцию союза для рассмотрения его актуальных организационных вопросов. Конференция, проходившая с 25 июня по 1 июля 1917г., переименовала союз «Свобода» в Якутский трудовой союз федералистов. Переименование союза связывалось с тем, что старое его название яко-

бы ассоциировалось с кадетской партией «Народная свобода», компрометированной своей антинародной политикой [НА РС(Я). Ф. 24. Оп. 6. Д. 3. Л. 136].

Конференция приняла программу и устав союза федералистов. По своей организационной завершенности и численности союз вполне мог бы называться партией якутских федералистов. Ко 2 августа 1917 г. в составе союза уже состояло 400 членов [НА РС(Я). Ф. 24. Оп. 6. Д. 3. Л. 144], их численность быстро росла, по сведениям ЦК союза к ноябрю 1917 г. число местных комитетов достигло 19, в них членами записалось 1198 человек [НА РС(Я). Ф. 24. Оп. 6. Д. 3. Л. 147].

В советской историографии никто из историков не осмеливался сделать подробный анализ программы и устава союза федералистов, так как сам союз в то время оценивался как буржуазно-националистический и тойонатский. Впервые краткий обзор этих документов сделал профессор Г.Т. Макаров, оставаясь на позициях общепринятой оценки [3, с. 24-25]. Иначе в то время, и не могло быть.

В постсоветское время д.и.н. Е.Е. Алексеев предпринимал попытки подробного анализа как программы, так и устава союза федералистов с точки зрения внеклассового и внепартийного подхода, но, в основном, с точки зрения проблем национального вопроса, поскольку монография автора была посвящена этой теме [1, с. 73].

В связи с этим, пишущий эти строки решил более подробнее разобратся по всему спектру проблем и вопросов, поставленных в программе и уставе союза федералистов, не претендуя на исчерпывающую их оценку.

Программа разработана на солидной теоретико-правовой основе, мало чем отличающейся от подобных документов партий и объединений цивилизованных стран. Она была растиражирована в якутской областной типографии. Копия текста программы Союза федералистов имеется у автора, её анализ проводится без ссылки.

Программа состоит из 29 статей, некоторые из них детализированы подпунктами в виде букв в алфавитном порядке или цифр. Например, статья 5, определяющая функциональные полномочия Сибирской областной думы, имеет 12 подпунктов.

Программу условно можно разбить на 6 групп проблем: государственное устройство России; государственно-правовое устройство Сибири; права граждан России; земское самоуправление; аграрный вопрос; социальные и другие вопросы.

В первую группу «Государственное устройство России» включены четыре первые статьи программы. Рассматривая государственное устройство России, якутские федералисты высказались за цельное государство в форме демократической республики во главе с избираемым Президентом. В качестве Высшего органа власти они выдвинули идею создания Всероссийской законодательной палаты (собрание – *В.Ф.*), состоящей из избираемых народом депутатов. Российская республика, по их мнению, должна быть только федеративной, состоящей из субъектных областей с правом «самостоятель-

ного устройства и управления во внутренних делах через свои местные законодательные палаты».

Ко второй группе вопросов якутские федералисты, как последователи сибирских областников, отнесли государственно-политическую организацию Сибири. Они видели ее «на началах полной автономии во главе с Сибирской областной думой» с широкими полномочиям, оставляя за центральной властью вопросы федерального бюджета с валютно-денежной политикой, обороны, уголовно-правовых норм, межгосударственных (международных) отношений, включая вопросы мира и войны.

В третьей группе вопросов в статьях 7-10 программы провозглашается борьба за торжество равноправия народов, населяющих Россию. Она выражена в словах: «Не должно быть наций, господствующих и угнетаемых, как понятий противоречащих великим принципам свободы, равенства и братства народов». Как никогда четко и ясно написаны святейшие права человека – гражданина в своем родном государстве. «Все граждане России должны быть равны перед законом». Вся суть правового государства заключается в неприкосновенности личности и жилища, свободе слова и совести, печати и собрания, союзов и стачек. Союз также высказался за право законодательной инициативы. Вместе с тем, статью 8 программы о самоопределении народностей, населяющих Россию, ограничил «полным культурным самоопределением».

К четвертой группе проблем относятся статьи 17-19, которые включают в себя вопросы земского самоуправления. Этим органам самоуправления, как требовали якутские федералисты, должны быть переданы все дела местного характера – хозяйственные, просветительские, административно-полицейские и прочие. Они хорошо понимали, что местные органы самоуправления в условиях Якутии не могут перейти на финансово-материальное самообеспечение, поэтому в примечании к этой статье (№ 18) сделали оговорку, что «Союз будет настаивать на широкой поддержке государством земского хозяйства области – ежегодными субсидиями в достаточном размере». К пятой группе проблем относятся вопросы земельных отношений и рассматриваются в статьях 20-28. Союз федералистов четко определил свою программную позицию, заключающуюся в том, что «он стоит за передачу всей земли в пользование трудового народа и изъятия её из частного оборота, ...земля не может быть предметом капиталистической эксплуатации, ею должны пользоваться на уравнильных началах только те, которые ведут на ней свое трудовое хозяйство». Как видно из этого, чувствуется его тяготение к традициям общинного земледения как в Якутии, так и в Сибири.

По представлению союза бывшие частные владельцы земель наделяются одинаковой со всеми нормой. Вопрос о возмещении расходов землевладельцу за отчужденную от него часть земли решается областными законодательными думами, но в отношении Сибири – союз высказывается за бесплатность отчуждения.

В противовес развивающемуся кулачеству и целях защиты труда и укрепления жизненной силы и трудовой инициативы населения, союз федералистов предлагал насаждение и развитие в крае всех видов кооперации –

кредитных, потребительских и производительных, даже сельскохозяйственных артелей и товариществ.

В шестой группе вопросов сгруппированы разные статьи, которые по содержанию не размещаются в предыдущие, но очень важные с точки зрения правовых норм и социальных отношений. Якутские федералисты – за светское государство, они проповедуют отделение церкви от государства, но на этом они остановились, допуская свободу совести в рамках обучения учащихся в школе.

В вопросах правосудия и судопроизводства якутские федералисты выступали за независимость суда и его гласность, он должен быть одинаковым для всех граждан и избираемым ими. К этим положениям сделаны два примечания с учетом местных условий. Первое – о необходимости безотлагательного введения суда присяжных заседателей. Второе – в качестве переходной меры в пределах Якутской области допускать элементы словесного права в судопроизводстве. По налоговому обложению – введение прогрессивного налога и отмена косвенных налогов на предметы первой необходимости». В Якутской области ружный сбор (в пользу церкви – *В.Ф.*) отменяется, а ясачный (ранее поступавший в Кабинет Его Императорского величества – *В.Ф.*) – по форме остается, но из него должен образоваться фонд на земские нужды, т.е., по своему назначению теряет свою колониальную суть.

В области народного образования союз поставил своей задачей добиться введения обязательного обучения учащихся в начальных школах на родном языке; бесплатности, общедоступности всех ступеней школы – от низшего до высшего учебного заведения. Для Якутской области безотлагательной задачей, по мнению союза, стало открытие и развитие сельскохозяйственных, технических и других профессиональных школ и курсов. Союз федералистов в своей программе требовал установления 8-ми часового рабочего дня, минимума заработной платы, учреждение примирительных камер и профессиональных организаций, охрану детского и женского труда и государственное страхование трудящихся от потери трудоспособности. Указанные требования отражали общечеловеческие ценности, возникшие в соответствии с требованием времени.

Вместе с тем, Якутский союз федералистов в своей программе почему-то обошел такой острый вопрос, как отношение к продолжающейся в то время мировой войне. Вызывает сомнение статья 12 программы, которая гласит: «По окончании войны и восстановления прочного мира постоянная армия должна быть заменена народным ополчением». Было ли возможно это в то время? Первые же дни Гражданской войны опровергли эту позицию.

Организационная структура Союза по вертикали построена вполне адекватно существующим требованиям, однако права и обязанности низовой организации и членов союза, кроме внесения взноса, совершенно не определены, практически упущены. В связи с этим боеспособность, самоорганизованность и дисциплина оказались не гарантированы, что сказалось на дальнейшей деятельности союза. Конференция избрала Центральный Комитет союза. Его председателем стал А.Д. Широких, один из лидеров национальной

интеллигенции, секретарем – Р.И. Оросин. Протокол конференции до сего времени не найден, что затрудняет более подробное его освещение.

Таково содержание программы Якутского трудового союза федералистов и его видение проблемных вопросов социально-экономического, политического и духовно-культурного возрождения народов северного края, выпестованное многострадальной жизнью и на его основе – вымученная лучшими представителями национальной интеллигенции. Программа разработана в традициях общечеловеческих ценностей и не дает оснований оценить её, как тойонатскую и националистическую. Содержание программы показывает высокий уровень воззрения её творцов и глубокое понимание сложившейся общественно-политической ситуации в регионе. Данная программа является примером самостоятельного и творческого поиска путей развития народа саха в новых условиях.

Список литературы

1. Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (Февраль 1917-1941 гг.). – Якутск. ИГИ СО РАН РС(Я). 1998. – 320 с.
2. Документы о революционных событиях 1905 -1907 гг. в Якутии. Установление советской власти. – Якутск, 1957. – 208 с.
3. Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. Часть вторая. – Якутск: кн. изд-во, 1980. – 248 с.
4. Малькова А. Василий Никифоров. – Якутск: Бичик, 1994. – 272 с.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ СОСУД VIII – НАЧАЛА VI В. ДО Н.Э. ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Фоменко В.А.

ст. научный сотрудник сектора древней истории и археологии, канд. ист. наук, доцент, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, Россия, г. Нальчик

В публикации говорится о металлическом сосуде VIII – начала VI в. до н.э., поступившем в Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований в 2012 г. Приводятся описание и фотографии предмета. Определяются его датировка и культурная принадлежность.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская республика, предскифское и раннескифское время, металлический сосуд с зооморфной ручкой.

Настоящая краткая публикация посвящена недавней случайной находке металлического сосуда предскифского или раннескифского времени, находившегося в экспозиции археологической выставки Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (далее КБИГИ). Впервые предмет был опубликован в Республике Молдова в журнале «Tyragetia» [20, p. 145-150].

Этот сосуд поступил в КБИГИ в конце 2012 г. и вероятно был найден местными жителями в окрестностях селения Заюково (долина реки Баксан, Кабардино-Балкарская республика). О происхождении данного предмета, к

сожалению, нет более точных данных. Рядом с селением Заюково известно несколько памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа, в т.ч. не менее трех могильников [6, с. 11-28; 11, с. 19; 5, с. 135; 14, с. 183; 13, с. 22-23; 7, с. 10-11; 10, с. 25-26; 21, с. 96. рис. 15, с. 116. рис. 36].

Описание предмета. Сосуд типа ситулы с одной ручкой на тулове (рис. 1-3). Поверхность покрыта патиной. Цвет поверхности темно-серый с зелеными пятнами. На внешней поверхности имеются следы копоти. Сосуд сильно деформирован крупной вмятиной сбоку и менее значительными вмятинами в «передней» части тулова и в области венчика. На поверхности вмятин на тулове имеются разрушения металла в виде трещин (рис. 1; рис. 2 – А, Б, В, Г). Ввиду сильного изменения формы сосуда точные его размеры установить затруднительно, потому они указываются приблизительно. Высота сосуда 20 см. Наибольший диаметр $\approx$ 23 см. Диаметр края венчика 18 см. Диаметр дна 10 см. Тулово и венчик сосуда скованы из листа металла (бронзы или меди). Края листа металла креплены заклепками ручки (рис. 3 – Б) и более мелкими заклепками невидимыми снаружи. Край венчика сосуда разрезан в нескольких местах и загнут наружу, образуя бортик или орнамент. Дно сосуда изготовлено из листа металла (рис. 3 – В, Г) и прикреплено к тулову несколькими заклепками заметными только внутри сосуда. Ручка литая из металла с двумя «ушками» присоединена с помощью крупных заклепок (приварена?) к тулову сосуда (рис. 3 – А, Б). Создается впечатление, что ручка изготовлена ранее для более качественного сосуда и после разрушения первоначального сосуда использована для более грубого сосуда местного изготовления.

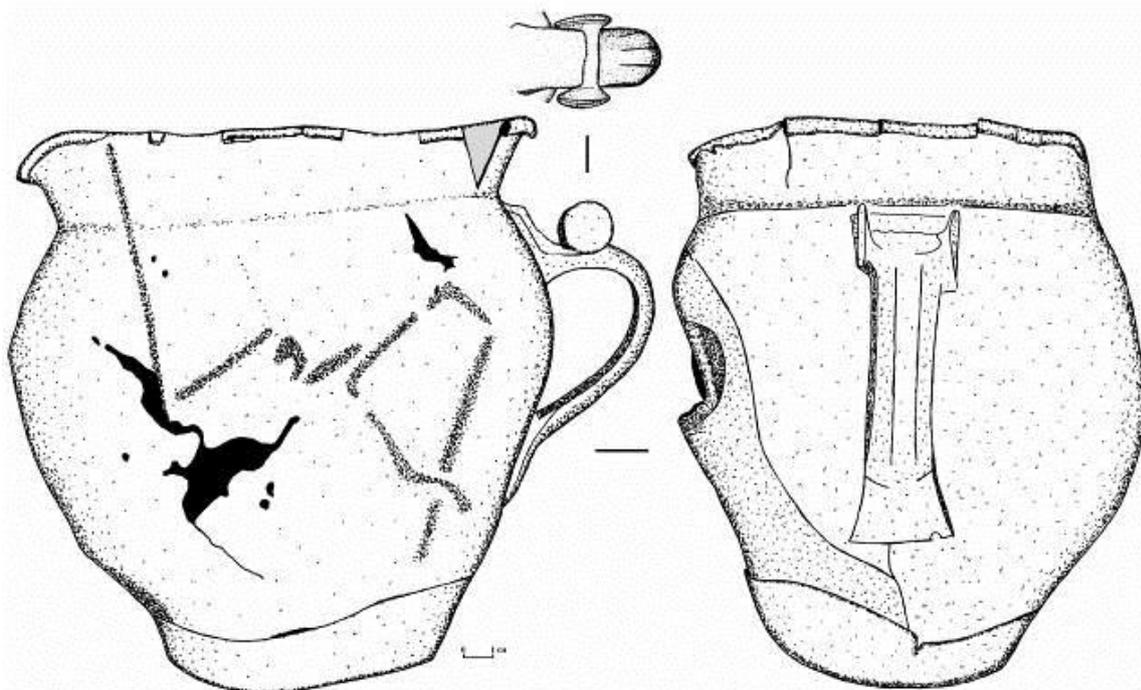

Рис. 1. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии

Таким образом описанный выше сосуд скорее всего имеет местное происхождение в отличие от более качественно изготовленных привозных бронзовых или медных сосудов. В пользу этого говорят грубое изготовление

тулова, видимо вторичное использование зооморфной ручки от более качественного сосуда, а также примитивная имитация орнамента по краю венчика.

Закопченная поверхность сосуда подтверждает предположение С.Л. Дударева об использовании подобных металлических сосудов для приготовления и разогревания пищи [9, с. 52].

Датировка и культурная принадлежность. Аналогичные металлические сосуды встречаются в Кабардино-Пятигорье (ареал западного локального варианта кобанской культуры) довольно редко по сравнению например с Тлийским могильником в Южной Осетии, где медные и бронзовые сосуды в основном вытеснили керамику из состава погребального инвентаря [19, с. 75. рис. 63; 18, с. 275. рис. 27 – 1-11. с. 403. рис. 5. с. 404. рис. 7, 8. с. 439. рис. 58-6].

Наиболее близки по форме сосуды из Жемталинского клада [14, с. 437. табл. XV – 4, 5], Тырнаузского клада, Бедыкского могильника [2, табл. 2-1, табл. 3-4], «Кескемского» клада [9, с. 56. рис. 8, 9], гробницы 3 могильника Терезе [12, с. 75. рис. 77. с. 80. рис. 83-1, с. 181. табл. 12. с. 183. табл. 14], кургана 20 у селения Нартан [2, табл. 48-41]. Это позволяет датировать сосуд из КБИГИ в пределах VIII – начала VI в. до н.э.

Металлические (бронзовые и медные) сосуды предскифского и раннескифского времени Кабардино-Пятигорья происходят в основном из кладов или являются внекомплексными случайными находками. В погребениях металлическая посуда встречается очень редко: находка на могильнике у Кисловодской мебельной фабрики (хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея); погребение № 1 могильника Султан-гора I [4, с. 192. рис. 5-3], гробница 3 могильника Терезе [12, с. 75. рис. 77, с. 80, рис. 83-1, с. 181. табл. 12, с. 183. табл. 14], Учкеевский курган [8, табл. 30-3] и др. В плохо документированных материалах Эшкаконского [15, с. 191; 22, с. 10] и Бедыкского могильников [2, табл. 3-4] также были найдены металлические сосуды.

Исключение составляет Нартанский курганный могильник VI-V вв. до н.э., где «в самых богатых могилах» были обнаружены 20 металлических сосудов или их фрагментов [1, с. 125].

Таким образом металлическая (бронзовая и медная) посуда характерна для наиболее богатых захоронений воинов предскифского и раннескифского времени, судя по составу погребального инвентаря (оружие, доспех, упряжь, посуда и др.), принимавших участие в далеких военных походах (Закавказье, Ближний Восток).

В публикации 1985 года Т.Б. Барцева, анализируя состав металла упомянутого Нартанского курганного могильника пишет, что вся посуда изготовлена из оловянистой бронзы и только ситула была «исполнена из чистомедного рецепта». Местом изготовления металлических сосудов Нартанского могильника в том числе и ситулы с зооморфными ручками признаются горные районы Центрального Кавказа [1, с. 125]. К сожалению условия находки металлического сосуда из экспозиции КБИГИ не известны и спектральный анализ его материала не проводился.

Кроме того известно, что металлические сосуды в новочеркасскую эпоху (позднейшее предскифское время) попадали в южноевропейские степи [9, с. 53-54].

Следует сказать также, что в Центральном Предкавказье известна находка клепанного котла эпохи поздней бронзы (Суворовский могильник, курган 4, погребение 2) [16, с. 25-28. рис. 27 – 1, 28]. И его происхождение видимо следует связывать с Северным Причерноморьем или Поволжьем [3, с. 208].

Как справедливо отмечают Т. Сорочану и Е.Н. Сава металлические изделия (в том числе и посуда) в предскифскую эпоху показывают торгово-обменные (или другие контакты) населения Южного Урала, Северного Кавказа, степей Северного Причерноморья и Карпато-Подунавья [17, с. 203-204].

Рис. 2. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии (общий вид):
А, Б – вид с боку, В – «передняя» часть, Г – вид со стороны ручки

А

Б

В

Г

Рис. 3. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии (детали)

Список литературы

1. Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла из курганного могильник у селения Нартан (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 116-134.
2. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 7-115.
3. Бочкарев В.С. О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. Спб., 2010. С. 185-208.
4. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. К., 1980. С. 184-199.

5. Гриневи́ч К.Э. Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951. № 23. С. 125-139.
6. Деген-Ковалевский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской ГЭС // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 110 (Археологические работы академии на новостройках в 1932-1933 гг., Вып. II). М.; Л., 1935. С. 11-28.
7. Дударев С.Л. Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у сел. Заюково) // XVI чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2011. С. 9-20.
8. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. 156 с.
9. Дударев С.Л. «Кескемский» клад бронзовых предметов (полная публикация) // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. М., 2011. С. 51-60.
10. Дударев С.Л. О новых находках шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // Истoрия зброї. Альманах. Запорожье, 2012. № 5-6. С. 25-33.
11. Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. № 3. С. 7-50.
12. Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Моги́льник Терезе к. XII-VIII в. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2004. Вып. 5. 220 с.
13. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант // Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2-5. 196 с.
14. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 520 с.
15. Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 68. С. 176-195.
16. Нечитайло А.Л. Суворовский курганный моги́льник. К., 1979. 87 с.
17. Сорочану Т., Сава Е. Металлические сосуды предскифского периода между Карпатами, Кавказом и Уралом // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 203-204.
18. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. 543 с.
19. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977. 240 с.
20. Фоменко В.А. Металлический сосуд с зооморфной ручкой из Кабардино-Балкарии // *Tyragetia*. Chişinău: Muzeul naţional de istorie a Moldovei, 2015. Vol. IX [XXIV]. Nr. 1. P. 145-150.
21. Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. Нальчик, 2015. 176 с.
22. Фоменко В.А. Эшкаконский моги́льник // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 2. С. 7-12.

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

ОСОБЕННОСТИ ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТИКИ

Казанцев В.А.

магистрант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

Актуальность избранной темы обусловлена низким уровнем изученности положения гонзо-журналистики в России, что, соответственно, влияет и на масштаб распространения этого направления. Гонзо может дать мощный толчок для обогащения традиционного журналистского метода нестандартными для него средствами выразительности, повысить значимость авторского начала в тексте и тем самым «подогреть» читательский интерес.

Ключевые слова: журналистика, гонзо-журналистика, альтернативная журналистика, субъективность.

Гонзо-направление в журналистике существует уже более 40 лет, однако до сих пор не имеет под собой устойчивой теоретической основы и в научной среде малоизучено. В учебной программе российских вузов это направление освещается только в контексте истории зарубежной журналистики. Большинство научных работ по этой теме так же ориентировано или на исторический аспект, или на анализ журналистского творчества Хантера Томпсона – создателя гонзо. В каком-то смысле научное сообщество, акцентируя свое внимание исключительно на прошлом и постоянно осмысляя одни и те же факты, топчется на месте. Тем не менее, данное направление постепенно развивается. Благодаря появлению Интернета, оно начало адаптироваться под новые формы передачи информации: блоги, сетевые издания [3, с. 230]. Возможно, ещё очень рано говорить о массовом внедрении гонзо-журналистики в систему российских СМИ, поскольку вопрос адаптации такого неоднозначного и в какой-то степени маргинализованного направления в нашей стране носит дискуссионный характер. Однако обобщить имеющиеся на сегодняшний день тенденции необходимо.

Впервые термин «гонзо» использовал Билл Кардозо – редактор *Boston Globe* – в отношении знаменитой и уже ставшей культовой статьи Хантера Томпсона «Дерби в Кентукки: Упадочно и Порочно», которая была опубликована в 1970 году. Эта статья представляла собой разрозненные заметки и наброски из записной книжки, имевшие глубоко субъективную оценку. По утверждению Кардозо, слово гонзо употребляют, говоря о человеке, который смог последним устоять на ногах после алкогольного марафона. На американском сленге «*gonzo*» означает *рехнувшийся, чокнутый, сумасшедший*.

Гонзо обладает своими характерными признаками, но этому явлению не хватает формообразующих элементов для того, чтобы получить статус жанра. Поэтому гонзо – это не жанр, а направление. Причем оно с трудом поддается какой бы то ни было конкретике в теоретическом обосновании.

Теории по гонзо вообще не существует. Есть только набор характеристик и недостижимый ориентир – Хантер Томпсон.

Гонзо-журналистику часто характеризуют как художественную или альтернативную. Возникшее из не совсем органичного сочетания литературного вымысла и журналистской достоверности, это направление лучше всего подходит для освещения и осмысления социальных и политических проблем. Темы, которые на первый взгляд представляются сухими и пресными, при использовании приемов гонзо-журналистики становятся удивительно захватывающими и шокирующими.

В сущности, гонзо – это поток мыслей журналиста, его импрессионистический взгляд и рефлексия. Автор гонзо-текста преподносит событие или факт через свою призму. Читая материал в этом стиле, нужно понимать, что никаких рамок, этики и официоза в нем не будет. Мы попадаем в голову к человеку, который видит то же, что и мы, за одним лишь исключением: видит он это под другим углом и через свою призму.

Гонзо-журналисту, в рамках репортажа, необходимо быть непосредственным участником описываемых событий, а вернее – событие, чтобы быть описанным, должно стать участником происходящих внутри автора процессов. Гонзо – это не человек в событии, а событие в человеке. Само происшествие отходит на второй план, и основное внимание уделяется не обстановке, людям и их поведению, а тому, что происходит с самим автором. Он не только наблюдатель и рассказчик, но и главный герой материала. В связи с этим колоссальное значение имеет мнение и позиция журналиста по раскрываемой в статье проблеме [5]. В своей книге «Большая охота на акул» («The Great Shark Hunt», 1979) Хантер Томпсон утверждал, что для написания настоящего гонзо-текста требуется «талант великого журналиста, глаз художника или фотографа и апломб актера» [1, с. 136]. В этой же книге он провел ещё одну характерную аналогию с производством фильма, в котором режиссер, сценарист, оператор, продюсер и действующее лицо – это один и тот же человек

Структура и четкая сюжетная линия в гонзо-журналистике не важны, носят чисто формальный характер и существуют только для того, чтобы читатель не совсем заблудился в происходящем хаосе. Ярким примером этого является всё та же первая статья Хантера Томпсона в стиле гонзо, которая была опубликована в 1970 году и представляла собой бессвязные наброски американского журналиста в рамках репортерского задания. Основополагающие элементы стилистики гонзо – это ирония, сарказм, экспрессивность, преувеличение и ненормативная лексика. Автору предоставляются неограниченные возможности для выражения субъективной точки зрения и экспериментов с выразительными средствами, присущих в первую очередь художественной литературе.

Главное в гонзо-журналистике – удивить читателя, заставить его эмоционально откликнуться, бросить вызов обществу.

Для гонзо не существует понятия цензура: чем противоречивее и провокационней статья, тем больший от неё эффект. Противостояние журнали-

ста и редактора в рамках гонзо-журналистики становится особенно острым и принципиальным, поскольку для автора материала в этом стиле любая, даже самая малейшая, правка редактора становится цензурой.

Подытоживая вышесказанное, можно составить обобщающую типологию гонзо-журналистики с помощью характерных черт этого направления:

- Центральное место в тексте занимает автор. Он главный участник событий, его взгляд представляется читателю единственно возможным [5, с. 204];
- Преподнесение автором события или факта носит субъективный характер;
- На первый план выдвигается не событие, а реакция на него автора;
- Стилистические особенности текста: эмоциональность и экспрессивно окрашенная лексика, образные средства языка [4, с. 357];
- Текст не имеет строго регламентированной структуры, а композиция подчиняется исключительно авторской логике и его видению события.

Список литературы

1. Томпсон Х.С. Большая охота на акул / Пер. с англ. А. Комаринец. – М.: Астрель, 2012. – 832 с.
2. Фаткуллина, Ф.Г., Сулейманова А.К., Самохина Л.Н. Стилистика текста: теория и практика: Учебное пособие / Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова, Л.Н. Самохина. Допущено УМО по классическому университетскому образованию для студентов высших учебных заведений в качестве учебного пособия по направлению подготовки 032700 – «Филология» – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 312 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Том 2. – С. 228-235.
4. Фаткуллина Ф.Г. Стилистические фигуры в текстах скрытой рекламы: Материалы III Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра». Сб. статей, Ч. II, 24-25 апреля 2014 года. – Москва: изд-во МГУ, 2014. – С. 355-358.
5. Фаткуллина Ф.Г. Особенности современной межличностной коммуникации: деструктивное общение // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе», 28-29 января 2016 г. – Уфа, УГНТУ, 2016. – С. 203-209.

ГАЗЕТНАЯ ПЕРИОДИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Штейман М.С.

доцент кафедры философии и социальных наук, канд. филол. наук, доцент,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец

В статье рассматривается современное состояние российской прессы в контексте процессов регионализации средств массовой информации. Динамика медиасистемы постсоветской России во многом объясняется изменением структуры рынка СМИ, возникно-

вением новых соотношений между общенациональными и региональными рынками, а также проявлением глобальных влияний.

Ключевые слова: Интернет, общероссийские СМИ, информационное пространство, масс-медиа, аудитория, региональная пресса, массовые политические коммуникации, медиасистема.

Информационное пространство России за последние десятилетия подверглось значительным переменам как позитивного, так и негативного характера. Рост каналов и программ телевидения, развитие системы радиостанций, информационных агентств, формирование Интернет-журналистики сопровождается существенным спадом тиражей газетной и журнальной периодики, хотя количество печатной продукции при этом растет. Трансформация региональной печати носит несколько иной характер. В настоящее время во многих регионах пресса достаточно успешно развивается как в типологическом отношении, так и в плане усиливающегося влияния на своей территории. В небольших городах и селах местная газета (по разным причинам) потеснила общероссийские издания. Согласно результатам независимых исследований, «точки роста» на современном информационном пространстве находятся именно в провинции (О.А. Воронова, Л.Л. Реснянская и др.). При этом особенности развития региональной периодики во многом зависят от отношения между властью и СМИ. Следующий важный фактор развития современных масс-медиа – экономическая составляющая деятельности редакций. Общероссийские издания являются гораздо более привлекательными для рекламодателей, выходят большими тиражами, соответственно, розница тоже приносит определенный доход. В региональной прессе часто розница и подписка вообще не приносит никакой прибыли. Из-за того, что экономически региональная периодика слаба или убыточна, государственная поддержка часто становится основным условием ее существования. Экономически несамостоятельная и полностью зависимая от местной власти пресса в регионах имеет меньше возможностей (или не имеет их вовсе) осуществлять многие свои функции: артикуляцию общественных интересов, критическую, контрольную, а порой и информационную. В свете полной зависимости от власти СМИ играют фактически роль рупора местной элиты в почти советском варианте. На современном этапе развития большинство региональных общественно-политических изданий стали инструментом влияния различных политических сил и бойцами в информационных войнах.

К сожалению, сегодня качественной общероссийской общественно-политической газеты, тираж которой позволял бы назвать ее действительно всероссийской, не существует. Основные издания, выполняющие функции массовых политических коммуникаций, выходят ограниченными тиражами и имеют небольшую аудиторию и предназначены в основном для узкой прослойки лиц, принимающих решения, представителей деловых кругов и интеллигенции. Достаточно ограничены они и в охвате действительности: жизнь регионов и не высших социальных слоев представлена весьма слабо. Таким образом, в постсоветской России основная читательская аудитория

принадлежит региональной прессе. Это вызвано, прежде всего, указанными недостатками общероссийских изданий, а также политической апатией населения, удовлетворенного минимумом информации из теленовостей и местными «практическими» новостями из городской/районной газеты.

Локальная печатная периодика однотипна по многим параметрам. В большинстве своем это издания родом из советского прошлого, с совпадающими формальными признаками: периодичность, формат, объем номера, количество полос, тираж, ареал распространения, учредитель. Тот факт, что местную прессу хорошо знает не одно поколение жителей, безусловно, способствует достаточно стабильному существованию подобных СМИ: к ним привыкли как к своеобразному символу своего города или района. Поэтому традиционные издания дорожат своим названием, что в целом характерно для всего российского пространства в целом. В большинстве своем локальные издания имеют умеренно-консервативное содержание, стиль и дизайн. Ключевые темы газет (социальная сфера, культурная жизнь, сельское хозяйство) востребованы в первую очередь читателями среднего и старшего возраста. Фокусируя внимание на положении дел в своем регионе издания содержательно близки и понятны аудитории.

В деятельности местных изданий немало назревших проблем, которые необходимо решать сегодня. Практическая деятельность городской/районной прессы отражает перераспределение в сторону усиления информационной функции за счет свертывания аналитической. В газетах редко встречаются панорамные, обобщающие материалы, проблемные публикации. Много претензий можно предъявить и в отношении внешнего облика. Безусловно, есть у местных изданий и свои «плюсы». Даже в самой скромной газете можно встретить журналиста, интересного как личность, с индивидуальным почерком.

В настоящее время в РФ местным изданиям альтернативы практически нет. Во многих регионах ситуация для периодики складывается весьма благоприятная: доброжелательное отношение постоянных читателей, активная поддержка местной власти, отсутствие конкурирующих изданий. Это позволяет локальной прессе в некоторой степени укрепить свои позиции и пусть незначительно, но расширить аудиторию.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. О современных медиа и журналистике. Заметки исследователя. М.: МедиаМир, 2015. 136 с.
2. Реснянская Л.Л., Фомичева И.Д. Газета для всей России. М.: ИКАР, 1999. 230 с.
3. Средства массовой информации России: Учеб. пособие для студентов вузов / М.И. Алексеева, Л.Д. Болотова, Е.Л. Вартанова и др.; Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2008. 380 с.

ПРОГРАММЫ «МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ» И «КРИМИНАЛЬНЫЙ СПЕКТР» В СМИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Яковлев З.С.

магистрант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются тематические и жанровые особенности регионального юридического дискурса на материале телепередач «Место происшествия» и «Криминальный спектр». Особое внимание уделяется речевым способам воздействия на массовое сознание в рамках телепередачи.

Ключевые слова: информация, криминальная тематика, журналистика, речь, воздействие.

Основная работа отдела информации и общественных связей МВД по РБ связана с производством программ «Место происшествия» для телеканала «Вся Уфа» и «Криминальный спектр» для канала «БСТ». Обе передачи снимаются и монтируются силами пресс-службы и уже в готовом виде отправляются на ведущие телеканалы республики.

«Место происшествия» и «Криминальный спектр» – совместные телепроекты пресс-службы МВД по РБ и телевизионных каналов «Вся Уфа» и «БСТ». Обе передачи освещают все аспекты деятельности правоохранительных органов республики: об успешно проведенных операциях, о профилактике правонарушений, о конкретных сотрудниках органов внутренних дел, профессионально исполняющих свой служебный долг, о без вести пропавших гражданах и преступниках, разыскиваемы полицией

Несмотря на то, что обе программы имеют разные названия и выходят в эфир на разных же телеканалах, радикальных отличий между ними не наблюдается.

«Место происшествия» и «Криминальный спектр» – это криминальные информационные программы, хроники «служебных будней» сотрудников полиции. Хронометраж обоих телепроектов – 10 минут. «Место происшествия» транслируется в эфире телекомпании «Вся Уфа» каждый будний день [4]. «Криминальный спектр» выпускается на телеканале «БСТ» два раза в неделю. Каждый выпуск программы «Место происшествия» можно посмотреть на официальном сайте и YouTube-канале телекомпании «Вся Уфа» [1]. В случае с передачей «Криминальный спектр» такой возможности, к сожалению, не имеется.

Проанализируем структуру данных телепередач. Как правило, каждый выпуск программы содержит от 3 до 5 сюжетов. Есть постоянная рубрика «Внимание, розыск»: в ней к телезрителям обращаются за помощью в поиске преступника или пропавшего без вести, а также с целью идентификации задержанных. Во время рубрики на экране появляется фото разыскиваемого и телефоны. За кадром диктор сообщает описание внешности, одежды, особых примет.

Каждый сюжет начинается с подводки ведущего программы. В конце программы он всегда призывает телезрителей, если те знают о преступлениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов или миграционной службой, обращаться в отделение полиции. Заканчивается передача традиционными для информационной криминальной программы словами: «Берегите себя и своих близких!».

Основной ведущий обеих программ – руководитель отдела информации и общественным связям подполковник внутренней службы Максим Родионов, однако иногда его заменяют другие сотрудники пресс-службы МВД по РБ. В кадре ведущие всегда предстают перед зрителями в строгом костюме, а не полицейской форме, как принято на некоторых передачах подобного рода.

«Место происшествия» и «Криминальный спектр» являются ежедневными информационными программами, и они придерживаются этого жанра, в связи с этим в них отсутствует какая-либо аналитика. В отличие, к примеру, от похожих передач «Вести. Дежурная часть» («Россия») и «Обзор. Чрезвычайное происшествие» («НТВ»), которые представляют наиболее объективную картину службы правоохранительных органов.

Стоит отметить, что башкирская пресс-служба полиции держит высокую планку качества выполнения работы уже многие годы. Отдел информации и общественным связям МВД РФ по РБ – это яркий пример слаженной и квалифицированной команды профессиональных журналистов, освещающих криминальную тематику.

Что касается речевых особенностей указанных программ, то, как правило, полемичная и убеждающая [2, с. 171]. Ее основной целью является убеждение аудитории в верности и законности высказанной точки зрения. Но кроме этого, одна из основных функций речи сферы правосудия – воздействие, т.е. влияние на аудиторию не логических, а психологических доводов, влияние отобранных для речи языковых средств и композиции. Юридической речи присущ оценочно-правовой характер [2; 5, с. 143].

В указанных передачах используются выделяют три составные части лексического компонента юридического дискурса: термины, общенародные слова и грамматические связки и формы [5, с. 65; 6, с. 43]. Термины, функционирующие в языке юриспруденции, имеют особое юридическое значение, например: *улика, кодекс, показания, истец, алиби, ответчик, приговор* и др. В качестве специальной лексики используются также некоторые слова общелитературного языка, имеющие помету разг., например: *попрошайничество, оговор*; устаревшие в общелитературном языке, но активно используемые языком права: *сокрытие, деяние*; отглагольные существительные, не употребляемые в общелитературном языке: *вменение, отобрание, перенаём, недонесение*. Большинство юридических понятий имеет развернутые дефиниции [7, с. 63]. Так, склонить – ‘заставить совершить преступление’; возбудить – ‘начать производство уголовного дела’; статья – ‘определенный раздел, параграф в юридическом документе’ и др.

В речи ведущих функционирует значительное количество устойчивых словосочетаний, свойственных только для языка права, например: *осудить к лишению свободы, применить меры, противная сторона, увольнение от должности, применение давности* и др., а также «юридических формул» – готовых стандартных выражений, например: *в установленном законом порядке, вменить в вину, рассмотрев материалы дела, положения настоящего договора, меры пресечения, из хулиганских побуждений, безвестно отсутствующий, заключить сделку, принятие к своему производству* и др.

Таким образом, криминальная тематика – это перспективное направление журналистской профессии, которое заслуживает самого пристального внимания. Работа, которая проводится в данной сфере в пределах Республики Башкортостан, выполняется высококвалифицированными специалистами, и она заслуживает только самых высоких оценок. Сотрудники пресс-службы МВД РБ посредством передач «Место происшествия» и «Криминальный спектр», выполняют огромный труд, призванный помочь искоренить, возможно, самый главный порок общества – преступность.

Список литературы

1. Все выпуски «Место происшествия» [Электронный ресурс] URL: <http://www.allufa.ru/projects/video/?id=4012>
2. Климович О.В., Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурологический аспект судебного дискурса // Социально-гуманитарные проблемы современности: монография / Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. С. 156-177.
3. Климович О.В., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологизмы со значением «преступление и «наказание» в русской языковой картине мира // Фундаментальные исследования, 2015, №2 (часть 26). С. 5963-5967.
4. Программа передач телекомпании «Вся Уфа» [Электронный ресурс] URL: <http://www.allufa.ru/programma/>
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: монография. Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999. 300 с.
7. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке. Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». М., 2010, № 2. С. 60-67.

Подписано в печать 09.09.2016. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 7,90. Тираж 100 экз. Заказ 232

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а